

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА,
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
КАК ФЕНОМЕНЫ ЭПОХИ МОДЕРНА:
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

Материалы
республиканской
научно-практической конференции
(Минск, 30 декабря 2022 г.)

Минск
Академия МВД
2023

УДК 34(09)(476)
ББК 67.3
С56

Редакционная коллегия:

М.А. Пашкеев, А.И. Мурашко (отв. ред.),
А.В. Вениосов, А.В. Волков, Д.А. Воропаев, А.В. Григорьев,
В.А. Данилов, Н.М. Дубрава, А.В. Кашеев, А.А. Козел,
С.Ф. Лапанович, С.А. Семенова, Е.И. Стабровский

Советская юридическая наука, государство и право как феномены эпохи модерна: к 100-летию образования СССР : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 30 дек. 2022 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.И. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2023. – 166, [2] с.
ISBN 978-985-576-411-4.

Научное издание содержит доклады ученых и практических работников правоохранительных органов, посвященные актуальным историческим, историко-правовым, теоретическим и практическим проблемам государственного строительства, исследованию накопленного в период существования Советского государства в государственно-правовой сфере опыта.

Адресуется специалистам в области истории государства и права, общей теории права, практическим работникам правоохранительной сферы. Может быть использован в процессе преподавания исторических, историко-правовых и теоретико-правовых дисциплин в учреждениях высшего образования.

УДК 34(09)(476)
ББК 67.3

ISBN 978-985-576-411-4 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Год исторической памяти кафедра теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Академия МВД Республики Беларусь) провела республиканскую научно-практическую конференцию, посвященную истории и правовой системе крупнейшего государства XX в. – Союза Советских Социалистических Республик. Конференция «Советская юридическая наука, государство и право как феномены эпохи модерна: к 100-летию образования СССР» состоялась 30 декабря – день в день в столетнюю годовщину основания СССР. Именно в этот день в 1922 г. РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская СФСР объединились в одно государство – СССР – с едиными органами политической власти со столицей в Москве.

Конференции предшествовала серьезная подготовительная работа, которую провел оргкомитет во главе с председателем – заместителем начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, кандидатом юридических наук, доцентом П.В. Гридюшко и заместителем председателя – начальником кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидатом юридических наук, доцентом М.А. Пашкеевым.

В конференции приняли участие представители ведущих учреждений образования республики, таких как Академия МВД Республики Беларусь, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский государственный университет, Белорусский государственный экономический университет, Военная академия Республики Беларусь и Могилевский институт МВД Республики Беларусь.

Участники конференции представили доклады, посвященные вопросам развития советского права, ретроспективному анализу развития правовых норм, связанных с геронтологической преступностью в советском и современном уголовном законодательстве Беларуси, формальным и латентным нормам в трансформации правовой системы, теории толкования права в советской юридической науке и др. В научных сообщениях рассмотрены самые интересные и важные аспекты советской истории: «Условия и факторы необходимости создания единого союзного государства – СССР», «Сталин vs Ленин и судьба федерации», «Взгляды И. Сталина и Х. Раковского на форму строительства Советского государства», «Становление органов советской милиции на территории Беларуси в отражении современной белорусской историографии» и др.

Была предоставлена возможность проявить профессиональную компетентность и молодым ученым. Их заинтересовали такие темы, как «Правовое регулирование установления особых правовых режимов в СССР», «Правовая регламентация гласного содействия граждан правоохранительным органам в Советском государстве с 1917 по 1941 г.», «Отдельные аспекты развития законодательства о противодействии экстремизму в Республике Беларусь» и др.

Особо отметим участие в работе конференции практических работников правоохранительных органов. Ими представлены доклады на темы: «Особенности осуществления воспитательного процесса с несовершеннолетними лицами, содержащимися в учреждениях следственных изоляторов Республики Беларусь», «Основные направления совершенствования деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь, осуществляющих борьбу с экономической преступностью и коррупцией», «Историко-правовой анализ возникновения и развития института ограничения свободы как самостоятельного вида наказания».

Мы надеемся, что результаты республиканской научно-практической конференции, представленные в данном научном издании, будут востребованы учеными, практическими работниками правоохранительных органов, обучающимися и всеми, кто интересуется государственно-правовой историей.

М.А. Пашкев, С.Ф. Лапанович

В.А. Ананич

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА – СССР

Республика Беларусь в своем развитии прошла долгий и тернистый путь, сопровождаемый геополитическими катаклизмами, которые были обусловлены политическими, военными, экономическими, социальными, географическими и иными факторами. В становлении белорусской нации и государственности важную роль играли все периоды ее развития, однако советский период 1922–1991 гг. занимает особое место. Образование СССР и вхождение Белоруссии в его состав было объективной необходимостью, продиктованной объективными и субъективными факторами, условиями.

Ключевыми объективными внешними факторами, определившими необходимость создания СССР, были следующие. Во-первых, русская цивилизация, объединившая различные народы в единое государство, веками утверждалась и занимала достойное место на международной арене. Успешно противостояла экспансии, как с запада, так и с востока, что достигалось мощью государства, его экономическими, людскими, материальными, военными ресурсами. Белоруссия, входя в состав Российской империи, также сохраняла устойчивое положение, развивалась, сохраняя свои национальные традиции, самобытность, вероисповедание, благодаря такому единению. Исключение составляет период нахождения белорусских земель в составе ВКЛ, Речи Посполитой (XIII–XVIII вв.). Вторым объективным фактором, определившим такие устремления белорусского народа, были Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война, борьба с интервентами из 14 государств, намеревавшихся задушить молодую Республику Советов.

В 1917–1918 гг. политическая жизнь в Белоруссии, как и в других республиках, кипела, в ней участвовали представители различных политических партий и движений. Главным вопросом их деятельности было формирование белорусского государства, избрание формы правления, использования белорусского языка и др. В связи с отсутствием опыта деятельности, полноценных программ, отвечающих чаяниям простого народа, отсутствием кадров, способных успешно решать политические, экономические, военные и другие ключевые задачи в сложной обстановке, их усилия создать, например, БНР, не дали нужного результата. В итоге все основные задачи по созданию полноценного белорусского социалистического государства решали коммунисты, партия которых, как и в других республиках, обладала реальной поддержкой населения.

Например, после денонсации Брестского мира и изгнания германских интервентов с территории Белоруссии Манифестом Временного рабоче-крестьянского советского правительства 1 января 1919 г. было провозглашено образование суверенной Советской Социалистической Республики Белоруссии. Для юридического оформления данного факта было принято решение о созыве 1-го Всебелорусского съезда Советов, который состоялся 2–3 февраля 1919 г. Форум принял Конституцию, декларации об установлении федеративных связей с РСФСР и объединении с Литвой в единое государство. Например, относительно установления таких связей с РСФСР отмечалось, что рабочие и крестьяне Белоруссии осознают, что они являются одним из отрядов великой пролетарской армии, что без тесного союза с рабочими и крестьянами всех советских стран им не закончить строительство новой свободной жизни, не завершить начатых социалистических преобразований. Оговаривалась и идея создания в будущем федеративного государства, съезд обратился ко всем братским независимым социалистическим республикам с предложением по примеру Белоруссии приступить к переговорам об установлении федеративной связи с Советской Россией. Кроме того, с 1917 по 1922 г. были образованы Украинская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР. Последние три государства объединились в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, заложив фундамент для будущего единого Союза.

Таким образом, на территории бывшей Российской империи реально существовали и развивались шесть независимых советских республик (если рассматривать Закавказскую Федерацию как единое целое, то четыре), обладавших всеми атрибутами государственного суверенитета. Возглавляли их представители национальных компартий, они пользовались реальной поддержкой различных слоев населения, приобретших собственную государственность в результате сражений с белогвардейцами и интервентами Антанты.

Существенными факторами, определившими устремления народов к единению, были политические, идеологические, экономические. Последние были связаны с налаженными хозяйственными связями между республиками, которые предстояло восстановить и расширить в новых условиях социалистического строительства.

Важным внешним фактором, диктующим необходимость создания союзного государства, было также урегулирование территориальных споров между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и ССРБ, с другой, в разрешении которых республики выступили единым фронтом. А также в рамках упрочения позиций советских республик на международной арене, в частности в работе Генуэзской конференции в апреле –

мае 1922 г., где рассматривались экономические и финансовые вопросы. Советские республики, включая ССРБ, уполномочили правительство РСФСР представлять и защищать их интересы на данном форуме.

Уместным будет рассмотреть и вопрос, как шла организационная работа в этом направлении. Как известно, тон в ней задавали представители правящей Коммунистической партии, на X съезде (март 1921 г.) которой было принято решение по национальному вопросу. Об этом же говорилось и на заседании коммунистической фракции ВЦСПС в апреле 1921 г., а основными факторами единения назывались экономические, военно-политические и др. Политбюро РКП(б) была создана комиссия под председательством В.М. Молотова, которая к сентябрю 1922 г. подготовила материалы для резолюции Пленума ЦК по данному вопросу, а в ее основе были наработки И.В. Сталина об «автономизации». Разосланный первоначальный проект резолюции центрального органа партии в ЦК компартий союзных республик не был поддержан тремя республиканскими ЦК из пяти, в том числе и ССРБ. В частности, белорусы прямо указали на необходимость сохранения в будущем союзе «договорных отношений между независимыми республиками». Аналогичной позиции придерживалась и Компартия Грузии, ЦК которой постановил считать необходимым «объединение хозяйственных усилий и общей политики, но с сохранением всех атрибутов независимости».

Подготовительная работа по созданию союзного государства велась активно во всех советских республиках. В ССРБ ее итоги подвел 4-й Всебелорусский съезд Советов, проходивший 14–18 декабря 1922 г., который принял Основные пункты Конституции Союза Советских Социалистических Республик, РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказской Федерации, одним из которых было их право на свободный выход из Союза. По завершении данного этапа подготовки к единению 30 декабря 1922 г. в Москве собрался 1-й Всесоюзный съезд Советов СССР, который провозгласил создание первого в мире многонационального социалистического государства Союза ССР. Форум утвердил Декларацию об образовании Союза ССР и Договор об образовании СССР, провозгласил столицей вновь созданного государства Москву, избрал ЦИК СССР и Президиум ЦИК, в который вошли и председатели ЦИК договаривающихся республик.

Белоруссия в составе Союза ССР с 1922 по 1991 г., благодаря политической, экономической, технологической, военной поддержке братских республик, добилась впечатляющих успехов во всех областях и сферах жизнедеятельности, заняла достойное место не только на уровне СССР, но и на международной арене. Накопленный потенциал, несмотря на развал СССР, позволяет ей активно развиваться и в современных усло-

виях. Важным фактором успешности Республики Беларусь является ее тесный союз с Россией и усилия признанного лидера нации Президента страны А.Г. Лукашенко, деятельность которого подчинена интересам народа.

УДК 347.06(09)

Е.В. Боровая

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АЛИМЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

После низложения царской власти в Российской империи и свержения Временного правительства начались масштабные работы по формированию новой системы органов государственной власти и изменению правовой системы. Причем новые правовые нормы должны были отражать те социально-экономические и политические изменения, которые произошли в обществе. Данные новеллы нашли свое отражение и в регулировании брачно-семейных отношений в целом и алиментных правоотношений в частности. Защита прав женщин и детей была одной из приоритетных задач советской власти, демонстрирующей социальную направленность Советского государства, равенство мужчин и женщин, а также показывающей «прогрессивность» советского права по сравнению с буржуазным законодательством.

Так, согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 16 декабря 1917 г. «О расторжении брака» брак мог быть расторгнут судьей при обоюдном желании супругов или одного из них. При этом ст. 8 указанного декрета предусматривала право жены и несовершеннолетних детей на материальное содержание после развода, но не регламентировала механизм определения его размера. Данный вопрос при согласии бывших супругов мог быть закреплен судебным решением одновременно с принятием решения о разводе, при отсутствии согласованной позиции – судья принимал временное решение, выделял дело об алиментах в особое производство для разрешения его в гражданском суде. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг, актов гражданского состояния» провозгласили отказ от признания законными церковных браков, которые провозглашались «религиозными предрассудками», указывалось на равенство полов, отменялись многочисленные препятствия к заключению брака, законные и незаконнорожденные дети уравнивались в правах.

16 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, в

соответствии с которым забеременевшая не состоящая в браке женщина могла подать заявление в отдел записи актов гражданского состояния, где указывала предполагаемого отца, на которого и возлагалась обязанность нести все расходы, связанные с содержанием беременной женщины, родами, содержанием ребенка (ст. 143). Более того, если женщина не могла точно указать одного предполагаемого отца, суд мог обязать выплачивать алименты сразу нескольких ответчиков (ст. 144). Таким образом, алиментные правоотношения в 20-е гг. XX в. рассматривались Советским государством скорее как одна из форм социального обеспечения.

На практике алиментные обязанности исполнялись слабо, поэтому, по мере укрепления советской власти, было принято решение об установлении уголовной ответственности за неуплату алиментов. Она впервые была введена в СССР в 1924 г. специальным законом. За уклонение от уплаты алиментов предусматривались наказания в виде принудительных работ, лишения свободы на срок до шести месяцев либо штраф до 500 рублей.

Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР от 19 ноября 1926 г. (КЗоБСО РСФСР) приравнял незаконные браки к официальным. Практически любое сожитительство теперь могло нести правовые последствия, а понятие «внебрачные дети» утратило актуальность. Кроме того, КЗоБСО РСФСР распространял обязанность по взаимному содержанию не только на родителей и детей, но и на других родственников по восходящей или нисходящей линиям, а также на полнородных и неполнородных братьев и сестер в случае их нетрудоспособности и отсутствия социальной поддержки со стороны государства (ст. 163). При прекращении брака предусматривалось алиментирование нуждающегося нетрудоспособного супруга в течение одного года после расторжения брака, а безработного супруга в течение шести месяцев. В отличие от предыдущего кодекса, алиментные обязанности по содержанию ребенка возлагались только на одного мужчину, даже если женщина имела связь одновременно с несколькими мужчинами.

Следует отметить, что Кодекс законов о браке, семье и опеке БССР 1927 г. несколько отличался – признавались законными только официально зарегистрированные браки, но ст. 3 данного кодекса предусматривала возможность для лиц, состоящих в фактическом браке, оформить свои отношения путем регистрации, с указанием сроков фактической совместной жизни. Алиментные отношения, как и в РСФСР, возникали как при наличии зарегистрированного, так и фактического брака. Размер содержания на ребенка определялся судом, но возможно было утвердить и соглашение по договоренности между родителями. Такое соглашение должно было быть удостоверено в органах записи актов гражданского

состояния при регистрации прекращения брака. Удостоверение соглашения не лишало права супругов требовать в последующем увеличения размера алиментов в судебном порядке.

В новом Уголовном кодексе РСФСР в 1926 г. было введено понятие «злостное уклонение от уплаты алиментов». При этом в санкции данной статьи были предусмотрены наказания в виде лишения свободы на срок до шести месяцев либо штраф до 300 рублей (данная сумма была не очень значительной, ниже среднего заработка рабочего), что существенно не повлияло в лучшую сторону на практику взыскания алиментов. Попытка изменить ситуацию с уплатой алиментов была предпринята принятием постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 11 июня 1928 г., которая установила для плательщиков алиментов обязанность сообщать о различных изменениях их правового положения (изменении места жительства, места работы, размера заработка и т. д.). За неисполнение данной обязанности устанавливалась также уголовная ответственность.

В 30-е гг. XX в. сталинская политика в правовом регулировании семейных отношений, призванная компенсировать большие людские потери, принесенные Гражданской и Первой мировой войнами, привела к запрету аборт, существенному расширению правового регулирования алиментных правоотношений. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Расширился круг лиц, которые могли подавать заявление об алиментах (кроме родителя или опекуна, это могли сделать прокурор, профсоюз, органы ЗАГСа и др.). Размеры алиментов определялись не судом, а зависели от заработной платы ответчика: $\frac{1}{4}$ часть заработной платы на 1 ребенка, $\frac{1}{2}$ – на двух, $\frac{1}{2}$ – на трех и более детей. Для обеспечения алиментных исков могли наложить арест на долю зарплаты ответчика, произвести опись и арест его имущества. За неуплату алиментов устанавливалось уголовное наказание до 2 лет лишения свободы. Существенно усложнилась процедура расторжения брака, поэтому после фактического распада семьи супруги не оформляли развода, а о выплате алиментов договаривались.

Самым значимым актом по регулированию семейных отношений в годы Великой Отечественной войны был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и ме-

дали «Медаль материнства». Новый закон о семье лишил возможности матерей-одиночек, не состоящих в зарегистрированном браке, получать алименты и устанавливать отцовство в судебном порядке. При этом в подзаконных актах оговаривалось, что иски о содержании ребенка, рожденного до издания вышеназванного указа от лица, не состоящего в зарегистрированном браке, при условии, если ответчик записан в качестве отца ребенка в книге записи актов гражданского состояния, судами должны рассматриваться.

Таким образом, после Великой Отечественной войны вопрос об алиментных правоотношениях почти не ставился. После массовой гибели мужчин на фронте женщины стремились заводить детей, даже не состоя в зарегистрированном браке, поэтому в свидетельствах о рождении детей ставился прочерк. Обязанности по поддержке одиноких матерей возложило на себя государство через широкую систему различного рода социальных пособий (пособия выплачивались в зависимости от количества детей, до достижения детьми 12 лет, при вступлении одинокой матери в брак сохранялись) и материальной помощи с места работы. Дети, не имевшие отцов, получали места в детских садах вне очереди, им предоставлялись путевки в дома отдыха и пионерские лагеря и т. д. Школьникам полагались бесплатное питание в школе, бесплатные обувь, школьная форма и учебники и т. д. Фактически мужчины, становившиеся отцами, не несли никакой финансовой ответственности по содержанию своих несовершеннолетних детей. Статья о злостном уклонении от уплаты алиментов на практике фактически не работала.

Безусловно, политика, проводимая органами государственной власти в сфере регулирования семейных отношений в послевоенное время, содействовала решению демографической проблемы, но повлекла серьезные финансовые траты для бюджета.

Серьезные изменения в алиментном законодательстве произошли в 60-е гг. XX в. 21 июля 1967 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальный Указ «Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей». За неуплату алиментов предусматривалось лишение свободы сроком до 1 года или ссылка до 3 лет, исправительные работы сроком до 1 года. Фотографии злостных алиментщиков, уклонявшихся от содержания детей по решению суда, могли вывешиваться на специальных стендах вместе с фото алкоголиков, дебоширов, хулиганов. В паспорт гражданина, обязанного уплачивать алименты, ставилась специальная отметка, с помощью которой милиция могла контролировать его перемещения по стране. В средствах массовой информации также проводилась активная кампания по поводу аморального поведения «легкомысленных отцов».

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27 июня 1968 г. (далее – Основы) существенно изменяли правовое регулирование алиментных правоотношений, совершенствуя как материальные, так и процессуальные нормы в данной сфере. Статья 13 Основ предусматривала обязанность супругов по взаимному содержанию, ст. 18 и 21 – обязанности родителей и других членов семьи по содержанию несовершеннолетних детей, ст. 22 определяла размер алиментов на несовершеннолетних детей, а ст. 23 – порядок их уплаты.

Принятый 13 июня 1969 г. Кодекс о браке и семье БССР (далее – Кодекс 1969 г.) отражал основные положения Основ: был введен добровольный порядок уплаты алиментов путем подачи соответствующего заявления по месту работы; предусмотрена возможность выплаты алиментов в твердой денежной сумме, возможность изменения размера алиментов, определения задолженности по алиментам, недопустимость зачета или обратного взыскания алиментов и т. д. В Кодексе 1969 г. были отдельно выделены главы по алиментным обязанностям родителей и детей, других членов семьи и порядок уплаты или взыскания алиментов (гл. 9, 10, 11 соответственно). Был возвращен институт установления отцовства (ст. 55–57).

Таким образом, правовое регулирование алиментных правоотношений во многом определялось потребностями общественного развития в конкретный период развития Советского государства и общества. Алиментные правоотношения постепенно детализировались, увеличивался круг субъектов, которые могут претендовать на получение алиментов, совершенствовался порядок уплаты и взыскания алиментов.

УДК 94(47 + 57) + 929 Ленин

А.В. Вениосов

РОЛЬ В.И. ЛЕНИНА В ОБРАЗОВАНИИ СССР

Большевики, придя к власти в России в октябре 1917 г., приняли много популистских нормативных правовых актов, которые, на их взгляд, должны были помочь им удержать ее. Одним из таких актов являлась Декларация прав народов России, принятая Советом народных комиссаров (СНК) 2 ноября 1917 г. Она провозглашала право народов, населяющих Россию, образовывать национальные государства вплоть до отделения. Первыми государствами, которые воспользовались этим правом, были Финляндия и Польша.

В 1918 г. началась Гражданская война, в ходе которой на территории бывшей Российской империи образовалось несколько государств. Уже в

1919 г. был принят Декрет ВЦИК РСФСР «Об объединении Советских республик – России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии – для борьбы с мировым империализмом», который объединял военные силы и ряд наркоматов нескольких государств. Этот документ по праву можно считать этапным в деле объединения государств, образовавшихся на обломках Российской империи.

Гражданская война показала, что большевики во главе с В.И. Лениным вовсе не собирались допускать независимость народов, входивших до революции в состав Российской империи. Об этом свидетельствовал тот факт, что Красная Армия, в ходе Гражданской войны, установила Советскую власть на большей части страны. Однако официально отказываться от права народов на самостоятельное развитие большевики не решились. После окончания Гражданской войны получили государственность народы Украины, Белоруссии, Закавказья и Средней Азии. Говорить о том, что все эти государственные образования были полностью независимы от РСФСР нельзя. Самая главная причина такого положения дел заключалась в том, что во всех этих государствах у власти находились представители партии большевиков, которые подчинялись Москве. Кроме того, нормативные акты, принятые в РСФСР, имели хождение и на территории всех государств. На съездах Советов РСФСР присутствовали делегаты со всех самостоятельных государств, а во ВЦИК РСФСР имелись отделы, которые занимались вопросами по каждой независимой республике. Постепенно все шло к тому, чтобы РСФСР поглотила эти юридически независимые государства. Вполне понятно, что такое положение дел создавало путаницу в политических и хозяйственных вопросах. Поэтому 10 августа 1922 г. была создана комиссия Политбюро ЦК РКП(б) для определения путей взаимодействия РСФСР и национальных республик. Член этой комиссии И.В. Сталин разработал проект резолюции «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками». Этот проект получил в истории название «тезисы об автономизации». В нем И.В. Сталин предлагал включить национальные республики в состав РСФСР со всеми вытекающими последствиями. Та скорость, с которой были разработаны эти «тезисы», свидетельствует о том, что в них была выражена точка зрения ЦК РКП(б), который хотел юридически закрепить сложившийся порядок взаимоотношений.

Эти «тезисы» отправили в ЦК компартий независимых республик для утверждения. Здесь необходимо отметить, что в национальных республиках весьма неоднозначно отнеслись к этим «тезисам». За вступление в РСФСР безоговорочно выступили Армения и Азербайджан. Белоруссия высказалась неопределенно, а Украина вообще не успела их

рассмотреть и только правительство Грузии, в которой только недавно большевики пришли к власти, высказалось против. Здесь необходимо отметить, что один из лидеров Компартии Украины Х.Г. Раковский в дальнейшем также выступил против сталинских тезисов. В ЦК РКП(б) хотели проигнорировать мнение ЦК компартии Грузии и Украины. Однако до В.И. Ленина, который в этот период находился на излечении в Горках, дошли слухи об этой конфликтной ситуации. Он попросил И.В. Сталина прислать ему «тезисы» и результаты обсуждения в ЦК национальных республик. Ознакомление со всеми этими материалами сформировало у В.И. Ленина совершенно другой подход к вопросу об объединении национальных республик. Они убедили его в ошибочности «тезисов об автономизации». 26 сентября 1922 г. он настоял на изменении первого пункта этого документа и предложил создание нового союзного государства под названием Союз Советских Социалистических Республик Европы и Азии. Государства, входящие в этот союз, должны были образовывать свои правительства. Таким образом, именно В.И. Ленин являлся автором идеи об образовании союзного государства национальных республик. До тех пор, пока он по состоянию здоровья мог работать, он занимался проблемами образования СССР. Здесь уместно будет отметить, что, хотя И.В. Сталин, под нажимом В.И. Ленина, поменял некоторые пункты своих «тезисов», идею об объединении национальных республик в составе РСФСР, он не бросил. Он мотивировал это тем, что если дать независимость Украине, Белоруссии и Закавказью, то входившие в состав РСФСР башкиры, татары, туркмены, киргизы и другие народы также могут требовать выхода. В этом он видел развитие национализма, который ставил бы под угрозу существование Советской власти в этих национальных окраинах. В.И. Ленину пришлось приложить огромные усилия, чтобы противодействовать сталинским устремлениям и добиться создания совершенно нового союзного государства.

Большая роль принадлежит В.И. Ленину в подготовке проекта Договора об образовании СССР. Хотя И.В. Сталин сделал все для того, чтобы изолировать В.И. Ленина от процесса подготовки этого документа, ему это не удалось. Лидер большевиков использовал все возможности, чтобы донести свои мысли по поводу образования СССР до своих соратников. Так, через Л.Б. Каменева он передал в комиссию требование о том, что договор обязательно должен включать в себя пункт о праве выхода из СССР для союзных республик, а также точное распределение «областей ведения». В этой же записке давалась схема высших органов Союза и предложения о слитных союзно-республиканских и раздельных республиканских наркоматах.

6 октября 1922 г. состоялся Пленум ЦК РКП(б), на котором присутствовали представители национальных республик. Именно на этом форуме Л.Б. Каменев зачитал письмо, адресованное ему В.И. Лениным. В этом письме В.И. Ленин выступал против «великодержавного шовинизма», намекая на позицию И.В. Сталина и его последователей, и выдвинул весьма оригинальное предложение по созданию союзного Центрального исполнительного комитета (ЦИК). Так он предложил, чтобы председательство в союзном ЦИКе осуществлялось по очереди «русский, украинец, грузин и т. д. Абсолютно!». Этим он хотел подчеркнуть равенство всех национальных республик, входящих в состав СССР. Именно благодаря В.И. Ленину в Договор об образовании СССР вошли положения о полной экономической самостоятельности союзных республик.

30 декабря 1922 г. на 1-м съезде Советов СССР было провозглашено об образовании СССР, в который вошли четыре республики: РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Юридическое оформление прошло через принятие двух документов – Декларации и Договора об образовании СССР. По состоянию здоровья В.И. Ленин не присутствовал на этом съезде, однако он единогласно был избран председателем СНК СССР.

Таким образом, именно благодаря В.И. Ленину был создан уникальный Союз национальных республик, в котором, по его мысли, все народы должны быть равноправными. К сожалению, его заветы и чаяния были забыты после его смерти и в дальнейшем Союз постепенно из федеративного государства стал превращаться в унитарное.

УДК 343.224

Т.И. Вишневская

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ, СВЯЗАННЫХ С ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ, В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ

С давних времен в человеческом обществе совершаются преступления лицами пожилого возраста и преступления в отношении лиц пожилого возраста. Несмотря на это, в ранних источниках права почти не содержится положений об особенностях уголовной ответственности за такие противоправные деяния.

После Октябрьской революции 1917 г. советское законодательство, действующее на территории Белоруссии до принятия Уголовного кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики (УК БССР),

как и первый Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (УК РСФСР) 1922 г., действие которого распространялось на территорию Белоруссии, не содержало указаний об особенностях уголовной ответственности для людей, достигших старости, или для лиц, совершивших преступления в отношении последних (например, согласно ст. 33 УК РСФСР смертная казнь применялась к преступникам любого возраста).

Важным этапом становления уголовного законодательства БССР стало принятие Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., на основе которых был разработан новый УК БССР 1928 г.

Необходимо обратить внимание на то, что уголовное законодательство 1920–1930-х гг. подвергалось значительному политическому и идеологическому давлению. Показательно, что в УК БССР 1928 г. термин «наказание» был заменен термином «меры социальной защиты» и определялись особенности их применения в отношении людей, «явно непригодных для физического труда». В ст. 30 УК БССР 1928 г. закреплялась возможность замены такому лицу наказания в виде лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях на содержание в общих местах заключения на тот же срок, однако конкретный возраст человека не указывался. В УК БССР 1928 г. устанавливалась и такая мера социальной защиты, как «поражение прав», к которой относилось лишение права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения.

Кроме того, в ст. 229 УК БССР 1928 г. (как и в УК РСФСР 1922 г.) предусматривалась ответственность за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству, старости, болезни и т. п., если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь. Однако к смягчающим ответственность обстоятельствам, согласно УК БССР 1928 г., относился только несовершеннолетний возраст (п. «з» ст. 50). Это касалось и применения высшей меры наказания – расстрела; исключение устанавливалось только для лиц, которые не достигли 18 лет, и женщин, находящихся во время вынесения приговора в состоянии беременности.

В период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) законодательство подвергалось изменениям с учетом военной обстановки. В некоторых документах вместе с минимальным возрастным порогом уголовной ответственности устанавливался и максимальный. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского на-

селения для работы на производстве и строительстве» устанавливался минимальный и максимальный возраст уголовной ответственности за уклонение от мобилизации: минимальный возраст – 16 лет; максимальный – 45 лет для женщин, 55 лет для мужчин.

Новым этапом развития уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершенные пожилыми лицами, и за преступления, совершенные в отношении последних, стало принятие Основ уголовного законодательства Союза Советских Социалистических Республик и союзных республик (1958 г.) и нового УК БССР (1960 г.).

В УК БССР 1960 г., имевшем прогрессивный характер, содержалось также несколько важных положений в сфере уголовно-правовой охраны пожилых лиц: «Лицам, признанным нетрудоспособными, суд мог заменить исправительные работы без лишения свободы штрафом или общественным порицанием; к отягчающим обстоятельствам относилось совершение преступления в отношении престарелого или лица, находившегося в беспомощном состоянии; предусматривалась ответственность за злостное уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей; предусматривалась ответственность за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности в случаях, если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нем заботу, либо сам поставил его в опасное для жизни состояние».

После распада СССР и становления Республики Беларусь как суверенного государства новый Уголовный кодекс (УК) был принят лишь в 1999 г. С целью гуманизации права законодатель продолжает совершенствовать уголовно-правовые нормы, касающиеся пожилых людей: с одной стороны, усиливает уголовную ответственность за преступления, совершенные в отношении лиц, которые в силу своих психофизиологических особенностей нуждаются в особой защите, а с другой – смягчает наказания и иные меры уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления и достигшим общеустановленного пенсионного возраста.

В УК Республики Беларусь 1999 г. впервые введена норма-дефиниция, устанавливающая четкий возрастной порог, – 70 лет – как обстоятельство, имеющее уголовно-правовое значение: «Под престарелым понимается лицо, которое на день совершения преступления достигло возраста 70 лет». Данным кодексом предусмотрено, что совершение преступления лицом 70 лет и старше признается обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 11 ч. 1 ст. 63), если же преступление совершено в отношении лица такого возраста, то это считается обстоя-

тельством, отягчающим уголовную ответственность (п. 2 ч. 1 ст. 64). Кроме того, совершение преступления в отношении престарелого лица является квалифицирующим признаком, предусмотренным в ряде норм УК (п. 2 ч. 2 ст. 139, п. 1 ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 154) как обстоятельство, усиливающее ответственность. Нормами УК Республики Беларусь 1999 г., как и ряда других законодательных актов, предусмотрена ответственность за оставление в опасности. Согласно ч. 2 ст. 159 данного кодекса более строгое наказание применяется к виновному лицу, обязанному заботиться и имеющему возможность оказать помощь, если потерпевший не мог принять меры к самосохранению по малолетству, старости, заболеванию или вследствие своей беспомощности.

Отметим, что в УК Республики Беларусь 1999 г. определены особенности назначения отдельных видов наказаний к преступникам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста. Общественные работы (ч. 4 ст. 49), исправительные работы (ч. 3 ст. 52), ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ч. 5 ст. 55) не могут быть назначены лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста. Кроме того, пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 58) и смертная казнь (ч. 2 ст. 59) вообще не могут быть назначены женщинам, а также мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора 65 лет.

Существенные особенности имеет применение иных мер уголовной ответственности. Так, по общему правилу, отсрочка от исполнения наказания, условное неприменение наказания применяются к лицам, впервые осуждаемым к лишению свободы за преступление, не относящееся к категории тяжких. Вышеназванные меры могут быть назначены и лицу, осуждаемому за совершение тяжкого преступления, если оно совершено женщиной, женщиной, которые достигли общеустановленного пенсионного возраста (ч. 2 ст. 77, ч. 3 ст. 78 УК).

Вместе с тем суд, учитывая поведение осужденного, состояние его здоровья или возраст, по отбытии лицом двадцати лет лишения свободы, осужденным к лишению свободы на срок свыше двадцати пяти лет, может освободить осужденного от отбывания части наказания, превышающей двадцать пять лет, а по отбытии двадцати лет лицом, осужденным к пожизненному лишению свободы, может заменить дальнейшее отбывание пожизненного лишения свободы лишением свободы на определенный срок, но не свыше пяти лет (ст. 57 и ст. 58 УК). В ч. 3¹ ст. 90 УК Республики Беларусь 1999 г. предусмотрены также более льготные условия применения условно-досрочного освобождения от наказания в отношении лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста.

В настоящее время в уголовном законодательстве Республики Беларусь дифференцированы нормы права, касающиеся пожилых людей. С одной стороны, усилена уголовная ответственность за преступления, совершенные в отношении лиц, которые в силу своих психофизиологических особенностей нуждаются в особой защите, а с другой – смягчено наказание и иные меры уголовной ответственности в отношении лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста; определены особенности условий отбывания ими наказаний. Вместе с тем представляется необходимым дальнейшее совершенствование отечественного уголовного законодательства с целью предупреждения преступности данного вида, усиления уголовно-правовой охраны пожилых лиц как одной из наиболее незащищенных категорий населения.

УДК 340.1

В.А. Волков

ИДЕИ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Термин «регулирование» (от лат. *regulo* – правило) обозначает упорядочение, налаживание, приведение чего-либо в соответствие с чем-либо. Целью правового регулирования является упорядочение общественных отношений, приведение их в определенную систему. Осуществляется это путем определенного воздействия на общественные отношения при помощи правовых (юридических) средств.

Первым, кто затронул вопросы правового регулирования общественных отношений в советский период, был Л.С. Явич. Уже в своих ранних работах он отмечал, что право выступает регулятором общественных отношений; эту идею он развил в своей докторской диссертации «Советское право – регулятор общественных отношений в СССР (Основные вопросы общей теории правового регулирования)» (1959) и ряде более поздних работ. Под правовым регулированием Л.С. Явич понимал «все формы юридического воздействия государств на сознательную деятельность людей».

Позднее Л.С. Явич отмечал, что специфика правового регулирования состоит именно в том, что это такое воздействие на общественные отношения, которое связано с установлением юридических прав и обязанностей их участников, с использованием таких прав и исполнением этих обязанностей.

Значение работ С.С. Алексеева для понимания вопросов, касающихся правового регулирования, сложно переоценить. Особое место среди них занимает монография «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (1966), в которой показано, что правовое регулирование осуществляется при помощи определенного механизма, включающего в себя всю совокупность юридических средств. Среди основных элементов правового регулирования (нормативные основы, правоотношения, правосознание и правовая культура) он выделяет также нормативные акты и индивидуальные акты.

По мнению С.С. Алексеева, «под правовым регулированием следует понимать осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения». Индивидуальные акты он подразделяет, в зависимости от их роли в механизме правового регулирования, на индивидуальные акты-регламентаторы, правообеспечительные акты и акты соблюдения и использования. Идеи С.С. Алексеева, отличающиеся своей концептуальностью, получили развитие и в других его публикациях.

Существенный вклад в разработку тематики правового регулирования внес В.М. Горшенев, представив свои суждения в докторской диссертации «Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства» (1969), а затем и в монографии «Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе» (1972). В ней отмечается, что правоприменительная деятельность тесно связана с созданием особых юридических актов, которые должны продолжить общее нормативное регулирование, заданное, в свою очередь, правотворчеством при помощи нормы права. При этом оно дополняется индивидуальным (ненормативным) регламентированием, выражающимся в уточнении правового положения субъектов в реально сложившейся обстановке. В.М. Горшенев особо выделяет «поднормативное регулирование», подразделяя его на правоприменительное и автономное регулирование. Первое, по его мнению, осуществляется при помощи актов применения права, а второе – посредством договоров и сделок, заключаемых в одностороннем порядке. Ряд его работ, включая изданные с его участием монографии и сборники научных трудов по теории права, были посвящены правовому регулированию, рассмотрению природы и содержания правового регулирования, его понятий, функций и способов.

Значимыми в сфере правового регулирования являются и исследования Ф.Н. Фаткуллина. Он сводил сущность права к системе норм, установленных или санкционированных государством, и выступал против попыток ряда советских авторов расширить правопонимание за счет

явлений, не фиксируемых юридическими нормами. В научных работах по проблемам теории государства и права он высказал ряд оригинальных суждений относительно истины в правоведении, соотношения государственной власти, законности и правового регулирования в социалистическом обществе, механизма реализации норм права. Но в ключе рассматриваемого вопроса особый интерес представляет его общетеоретический курс о государстве и праве и о государственно-правовой действительности «Проблемы теории государства и права: курс лекций» (1987), в котором сформулированы идеи, касающиеся общего и индивидуального правового регулирования.

Ф.Н. Фаткуллин отмечал, что правовое регулирование может осуществляться при помощи нормативных и индивидуальных правовых актов. Он полагал, что правовое регулирование общественных отношений имеет место всегда, когда принимается властное нормативное или индивидуальное решение юридического характера, регламентирующее положение возможных или конкретных участников этих отношений, а также масштабы поведения, задачи и принципы их деятельности. Правовое регулирование, по его мнению, пронизывает две области правовой действительности: правотворчество и правореализацию. Соответственно, необходимо различать два вида правового регулирования: общее правовое регулирование и индивидуальное правовое регулирование. При этом общее правовое регулирование органически дополняется индивидуально-правовым.

Заслуживают внимания и исследования А.Ф. Черданцева в области правового регулирования. Ученый отмечает, что нормативное правовое регулирование относится к первоначальному этапу регулирования. Оно имеет общий характер, распространяется на все конкретные отношения определенного рода или вида. Достоинства нормативного правового регулирования состоят, по его мнению, в том, чтобы ввести общественные отношения в рамки, приемлемые для всех членов общества, придать им определенную устойчивость, упорядоченность, независимость от произвола отдельных личностей. Однако оно имеет и недостатки, так как не в состоянии учесть все разнообразие особенностей конкретных отношений и нуждается в дополнении его индивидуальным регулированием.

Индивидуальное правовое регулирование осуществляется третьими субъектами, не являющимися участниками регулируемых отношений, или самими субъектами – участниками отношений (саморегулирование). В первом случае субъектом индивидуального регулирования выступают государственные органы – суды, органы администрации, внутренних дел и т. д. Второй вид индивидуального регулирования – это договоры (соглашения, контракты), наиболее распространенная форма

саморегулирования, позволяющая учесть особенности конкретных отношений, интересы участников отношений на основе их свободного волеизъявления, взаимного согласия.

Если проблематика правового регулирования в целом юридической наукой разрабатывается достаточно давно, то вопросы, касающиеся индивидуального правового регулирования, находятся в плоскости теоретико-правовых разработок сравнительно недавно. Хотя идеи, касающиеся этого вида правового регулирования, появились гораздо ранее.

В Свердловском юридическом институте в 1973 г. состоялась конференция «Индивидуальное регулирование в советском праве», которую можно считать отправной точкой исследований в области нового направления в теории государства и права.

Этой тематике соответствует диссертация С.Г. Красноярского «Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе» (1990), в которой говорится об индивидуальном правовом регулировании как одной из существующих форм правового регулирования, сущность которой заключается в упорядочивающем воздействии на общественные отношения с помощью ненормативных правовых средств. Это воздействие осуществляется в формах индивидуально-правоприменительного и автономного регулирования общественных отношений.

Таким образом, идеи о правовом регулировании общественных отношений получили определенное развитие и закрепление в трудах советских ученых, о чем свидетельствуют как отдельные публикации, так и ряд монографических и диссертационных исследований, проводимых на протяжении всего советского периода.

УДК 343.8

О.В. Володькин, А.В. Григорьев

**ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Преобразования в современном обществе коснулись почти всех сфер социальных отношений. Некоторые из них ведут к изменению устоявшихся ценностей, компрометируют нравственные ориентиры. Формирование установки на ложные ориентиры, ликвидация устоявшихся институтов воспитания и социализации детей, снижение доступности

объектов культуры и образования негативно отражаются на развитии и нравственном уровне воспитания граждан, в особенности несовершеннолетнего поколения. Эти явления и процессы становятся причинами утраты социальных и нравственных аспектов лиц несовершеннолетнего возраста. Вследствие негативных общественных процессов многие из указанной группы граждан оказываются на грани социального риска, в дальнейшем попадая под влияние криминальных субкультур. Совершая преступление, несовершеннолетние лица подлежат осуждению и привлечению к ответственности, а в дальнейшем к отбыванию наказания в исправительном учреждении.

По данным судебной статистики, в 1-м полугодии 2022 г. за совершение различных преступлений осуждены 478 несовершеннолетних, что на 29,5 % больше, чем в 1-м полугодии 2021 г., осуждены 369 несовершеннолетних. Воспитательная работа с несовершеннолетними и их социально-психологическая социализация имеет свою специфику и в корне отличается от аналогичной воспитательной работы с совершеннолетними лицами, содержащимися в учреждениях следственных изоляторов Республики Беларусь. Это обусловлено прежде всего их психофизиологическими возрастными особенностями и социальной незрелостью. Возрастное изменение нервной системы, механизмов внутреннего самоконтроля, преобладание эмоций над рассудком, отсутствие социального опыта и навыков разрешения проблем делают личность подростка крайне уязвимой.

Утверждается, что противодействие правонарушениям среди несовершеннолетних лиц в учреждениях следственных изоляторов представляет собой базирующуюся на научно-правовой основе деятельность уполномоченных служб следственных изоляторов по профилактике, предупреждению, пресечению правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними, содержащимися под стражей в учреждениях следственных изоляторов, а также раскрытию и расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними до прибытия и в период содержания под стражей в учреждениях следственных изоляторов, изобличению лиц, к ним причастных, недопущению вовлечения в противоправную деятельность иных лиц. В настоящее время требуется перейти к концепции, берущей основу на практико-ориентированной правовой основе.

Совокупность мер по противодействию правонарушениям несовершеннолетних лиц в уголовно-исполнительной сфере выступает как одно из звеньев, тесно связанное с иными неотъемлемо связанными частями системы предупреждения преступности среди несовершеннолетних лиц. Исходя из этого, развитие практико-ориентированных правовых взглядов на проблемы противодействия правонарушениям среди несовершенно-

летних лиц, содержащихся в учреждениях следственных изоляторов, будет рассматриваться в контексте пробела действенной правовой основы.

Изначально пересмотру подлежит организация воспитательной работы с несовершеннолетними лицами, содержащимися в учреждениях следственных изоляторов, в части изменения и дополнения законодательной базы. Несовершеннолетние лица, понимая уровень того наказания, который будет применен к ним за совершение допущенного проступка, понимают свою безнаказанность и продолжают допускать нарушения правил внутреннего распорядка. Исходя из личностных качеств несовершеннолетнего нарушителя, объем действующих дисциплинарных взысканий не всегда является действенным механизмом в борьбе с нарушителями. Анализ статистических данных показывает, что несовершеннолетние лица становятся все сложнее как в криминальном, так и психологическо-физическом плане, а отсутствие действенных рычагов дисциплинарного воздействия дестабилизирует как воспитательную работу с несовершеннолетними лицами, так и обстановку в целом.

Таким образом, стоит уравнивать объем дисциплинарных взысканий, применяемых к несовершеннолетним лицам, и дисциплинарных взысканий, применяемых к совершеннолетним лицам, содержащимся в учреждениях следственных изоляторов.

В заключение необходимо отметить, что в современном, быстро меняющемся социуме не следует останавливаться на имеющемся и достигнутом опыте, а развиваться в новом направлении, учитывая положительный опыт прошлых лет. Сотрудники уголовно-исполнительной системы обязаны постоянно повышать профессиональную квалификацию, связанную с деятельностью с различными категориями лиц, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

УДК 349.2

А.В. Гоев

РАЗВИТИЕ НОРМ ИНСТИТУТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ЭПОХУ СССР

Вопросы значения отрасли гражданского права и возможности правильного применения гражданско-правовых норм в жизни общества требуют целенаправленного и системного подхода к изучению. В этом направлении особый интерес представляют историко-правовые аспекты развития гражданских правоотношений собственности, начиная с советского периода и до настоящего момента времени. Собственность

и право собственности являются основой любой экономической и политической формации общества. В связи с этим изучение вопросов, возникающих при определении роли собственности на каждом конкретном историческом этапе развития экономики имеет большое значение. Право собственности, регулируя общественные отношения, закрепляет в своих нормах обладание материальными благами (объектами, имуществом), их принадлежность конкретным собственникам, а также предусматривает условия и порядок приобретения имущества в собственность, возможность владеть, пользоваться и распоряжаться им применительно той или иной общественно-экономической формации. В связи с этим, учитывая, что собственность и право собственности являются взаимосвязанными категориями, в то же время они обладают несколько различными свойствами. В отличие от экономических отношений собственности, право собственности характеризуется как определенная система правовых норм, устанавливаемая государством с целью регулирования экономических отношений собственности, суть которых – регулирование, закрепление и охрана прав собственника, предоставляя ему возможность владения, пользования и распоряжения имуществом (своей собственностью) в соответствии с действующим законодательством. В этом направлении особый интерес представляют вопросы изменения гражданского законодательства за рассматриваемый период. Так, после отмены в 1917 г. всех законов Российской империи земля, фабрики, заводы и иные основные средства производства и транспорта, жилищный фонд были национализированы, что было закреплено в первом советском Гражданском кодексе РСФСР (1922 г.). В Белоруссии ГК РСФСР был введен в действие с 1 марта 1923 г. Им устанавливались три формы собственности – государственная (национализированная и муниципализированная), кооперативная и частная (ст. 52), а также определялся перечень объектов, которые могли находиться в собственности тех или иных субъектов (ст. 53–57). Этот кодекс определял правомочия собственника (ст. 58) и устанавливал основания возникновения и прекращения права собственности (ст. 66–70). При этом содержание понятий права владения, пользования и распоряжения не раскрывались. С принятием Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик в 1961 г. были дополнены и конкретизированы нормы ГК. Следующий ГК вводится в действие с 1 января 1965 г. В нем предусматривается наличие двух форм собственности – социалистическая и личная (ст. 87), а также раскрывается содержание права государственной собственности, собственности колхозов, профсоюзных и иных общественных организаций, а также личной собственности граждан. Особый интерес в данном кодексе представляют ст. 100 и 101, которыми для граждан устанавли-

ваются ограничения на жилой дом – не более одного и не более шести-десяти квадратных метров жилой площади, а ст. 104 предусматривает последствия самовольной постройки жилого дома. Кроме этого предусматривалось изъятие имущества систематически используемого для получения нетрудовых доходов (ст. 106) и ограничивалось число скота, которое могло находиться в собственности граждан (ст. 107). Правомочия собственника в нем также не раскрывались и лишь в последующем в ч. 2–4 ст. 86 ГК 1964 г. (в редакции Закона Республики Беларусь от 3 марта 1994 г. № 2840-ХП) было определено:

правомочие владения представляет собой юридически обеспеченную возможность хозяйственного господства над имуществом;

правомочие пользования представляет собой юридически обеспеченную возможность извлечения из имущества его полезных свойств в процессе личного или хозяйственного потребления имущества;

правомочие распоряжения представляет собой юридически обеспеченную возможность определять судьбу вещи.

Действующий в настоящий момент ГК также не раскрывает содержание права собственности (ст. 210 ГК). Только указывает, что правомочия по владению, пользованию и распоряжению принадлежат собственнику в силу предписания закона.

Так, согласно ч. 1 п. 2 ст. 210 ГК собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

Что касается владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами, то они осуществляются собственником свободно в той мере, в какой их оборот допускается законодательством, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц (п. 3 ст. 210 ГК). Каждое из правомочий (владение, пользование и распоряжение) является необходимым элементом права собственности. Их особенностью является то, что они возникают у субъекта с самого начала приобретения права собственности (например, путем покупки какой-либо вещи) и заканчиваются с потерей его (например, в результате продажи этой вещи). Гражданским законодательством Республики Беларусь установлено две формы собственности – государственная и частная (ст. 213 ГК) и определены

субъекты права собственности. Это физические и юридические лица, государство, административно-территориальные единицы, иностранные государства, иностранные юридические лица, иностранные граждане и лица без гражданства. При этом количество, стоимость и виды имущества, которое может находиться в собственности граждан и юридических лиц гражданское законодательство не ограничивает (ст. 214 ГК). Вопросы приобретения права собственности и его прекращения в современном законодательстве рассматриваются весьма подробно. Так, в ГК им посвящены отдельные статьи – ст. 214 и 215.

Такой сравнительный анализ можно продолжать и дальше, но даже приведенные данные позволяют сделать вывод: развитие гражданского законодательства происходит и по сей день, поскольку постоянные изменения социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизни общества накладывают свой отпечаток на всю структуру гражданского права. Объем правоотношений, который регулирует эта отрасль права, по-настоящему велик, и только четкое функционирование всех институтов гражданского права позволяет государству и каждому человеку чувствовать себя по-настоящему защищенными.

УДК 340.1

А.В. Григорьев

УЧЕНИЕ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Теория гражданского общества с момента возникновения претерпела существенную эволюцию. Современное представление идеи гражданского общества в первую очередь связано с формированием правового государства, провозглашением прав и свобод человека и гражданина, иными демократическими преобразованиями. Именно в таком ключе теория гражданского общества является сферой интересов политологов, юристов, философов.

Термин «гражданское общество» стал употребляться уже более двух столетий назад. Однако на постсоветском пространстве к нему стали обращаться после официального признания в конце 80-х гг. XX в. концепции правового государства и в связи с ней. До этого момента в советской доктрине суждения о гражданском обществе воспринимались как попытки буржуазных авторов скрыть классовую сущность капиталистического общества.

Причиной этого послужило отрицание теории правового государства и гражданского общества советской юридической наукой и практикой государственного строительства в 20-х гг. прошлого века. Так, официальное отношение к доктрине правового государства и, как следствие, к учению о гражданском обществе впервые было сформулировано в докладе известного деятеля большевистской партии и советского правительства Л.М. Кагановича, который, критикуя определение советской республики как государства правового, осуществляющего свою деятельность в условиях правового режима, заявил: «Вряд ли нужно доказывать всю путанность и вредность этой немарксистской формулировки т. Малицкого. Ведь мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства. Как марксисты, мы считаем, что буржуазное государство, прикрываемое формой права, закона, демократии, формального равенства, по сути дела есть не что иное, как буржуазная диктатура. Понятие „правовое государство“ изобретено буржуазными учеными для того, чтобы скрыть классовую природу буржуазного государства».

Таким образом, советское государство отвергало прогрессивное наследие либеральной дореволюционной политико-правовой мысли по проблемам теории правового государства и гражданского общества, представленное в трудах А.С. Алексева, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, Ф.Ф. Кокошкина, М.М. Ковалевского и др. Можно согласиться с тем, что многие проблемы формирования гражданского общества, находящиеся в центре внимания современной зарубежной и отечественной юриспруденции, уже освещались в политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в., однако дискретность в развитии юридической науки явилась препятствием для их дальнейшего научного анализа. Представляется, что идеи дореволюционных ученых в определенной мере могут стать теоретической основой для анализа особенностей гражданского общества в современный период развития юридической науки.

Каким же современным требованиям должно отвечать современное гражданское общество? Большинство ученых характеризуют гражданское общество следующими признаками: 1) обеспечение и защита естественных (неотъемлемых) прав и свобод человека как института гражданского общества, придания им необходимой юридической формы в виде прав и свобод гражданина; 2) многообразие форм собственности, экономическая свобода субъектов хозяйствования, рыночные отношения; 3) невмешательство государства в частную жизнь граждан; 4) взаимная ответственность государства и граждан; 5) эффективная социальная политика, направленная на достижение высокого жизненного уровня, бла-

госостояния населения; 6) идеологический и политический плюрализм; 7) равенство всех перед законом и правосудием, надежная юридическая защищенность личности; 8) свобода слова и печати, независимость средств массовой информации; 9) социальное партнерство, национальное и религиозное согласие; 10) широкое развитие непосредственной демократии, формирование и функционирование разнообразных форм самоуправления в различных сферах общественных отношений.

Исходя из указанных признаков, правоведами разработаны авторские определения гражданского общества. Так, в современной учебной литературе гражданское общество определяется как совокупность внегосударственных общественных отношений (экономических, социально-культурных, нравственных, корпоративных, семейных, религиозных и др.), образующих особую сферу реализации законных интересов отдельных лиц и их объединений, предполагающих осуществление естественных прав человека, многообразие форм собственности и свободу всех видов творческой деятельности личности в условиях верховенства права и закона.

Белорусский ученый Г.А. Василевич под гражданским обществом понимает «систему общественных институтов, действующих в государстве, но не зависящих от него и обеспечивающих проведение на практике частных интересов граждан, коллективов».

По мнению И.В. Котлярова, гражданское общество «...это общество, в котором происходит переход основных властных функций от государства к независимым от власти общественным объединениям, способным создать необходимые условия для реализации прав и свобод граждан, самоорганизации личности, реализации ее законных интересов и важнейших потребностей, роста гражданской самодеятельности». Существуют и другие определения гражданского общества, которые так или иначе отражают названные признаки.

В современной научной литературе встречаются различные подходы и к периодизации представлений о гражданском обществе. В целом они сводятся к выделению этапов истории развития теории гражданского общества с момента возникновения самой идеи и по настоящее время. Одна из таких периодизаций предложена А.К. Бектановой:

1-й этап – с античности до XVII в. – начальный период – возникновение термина *politike koinonia* (греч.), *societas civilis* (лат.), что в переводе означает «гражданское общество», и зарождение историко-философских предпосылок для формирования идеи гражданского общества (Платон, Аристотель, Цицерон, Н. Макиавелли);

2-й этап – XVII в. – первая половина XVIII в. – «естественно-правовой» период – гражданское общество понимается как результат общественно-

го договора, политическое общество, т. е. государство (Г. Гроций, Ж. Боден, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.);

3-й этап – вторая половина XVIII в. – начало XX в. – «легитимационный» период, когда получили признание, поддержку и развитие учения, разграничивавшие понятия «гражданское общество» и «государство» (А. Фергюссон, Дж. Мэдисон, Т. Джефферсон, С. Пуфендорф, И. Кант, В. Гумбольдт, А. Смит, Т. Пейн, Г. Гегель, А. Токвиль, К. Маркс, А. Грамши и др.);

4-й этап – с конца XX в. – возрожденческий период. На этом этапе происходит возрождение идеи гражданского общества в контексте происходящих в мире модернизационных процессов. В юридической науке представлены и иные точки зрения на становление представлений о гражданском обществе.

Взаимодействие государства и гражданского общества прошло определенную эволюцию. Так, в условиях рабовладельческого, а затем феодального и буржуазного периода государство практически в полном объеме подчиняло и контролировало общество. В дальнейшем демократические преобразования во всех сферах общественной жизни формируют представления о недопустимости вмешательства государства в гражданские дела, в частную жизнь, под которыми понималась сфера свободного предпринимательства, личной инициативы, семейных отношений, где государственная власть и должна выполнять роль «ночного сторожа», арбитра, охранника.

Исторический опыт показывает, что гражданское общество укрепляет свои позиции в связи с трансформацией буржуазных государств в социальные, правовые и демократические. По этой причине представляется возможным переход от конфронтации к дальнейшему развитию и взаимодействию современных демократических государств с институтами гражданского общества.

Такое взаимодействие осуществляется в конкретных организационно-правовых формах: государственно-правовой регламентации функционирования субъектов гражданского общества, закреплении их конституционно-правового статуса; участии структур гражданского общества, и прежде всего тех из них, которые составляют политическую систему, в организации и деятельности органов государственной власти; запрете тотального вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в личную жизнь человека и гражданина; законодательном закреплении обязанности государства по обеспечению социально-экономической и политической безопасности человека, его прав и свобод, которые в совокупности составляют содержание конституционного статуса личности.

Следует отметить, что перспективы развития гражданского общества могут быть различными. История цивилизации знает и возвраты к прошлому. Например, в первой половине XX в. в истории западных обществ был период ослабления гражданских институтов, подавления их государством, когда общественные механизмы разладились под воздействием мировых войн или режимов фашистского типа. Это дало основание исследователям обозначить этап восстановления и нормального функционирования институтов гражданского общества на Западе после 1945 г.

Критическое осмысление представлений о гражданском обществе на различных исторических этапах позволит оценить возможность применения ценных достижений политико-правовой мысли на современном этапе развития общества и государства.

УДК 328.185

Е.Н. Григорьева

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Трансформация политико-правовой организации управления обществом всегда опосредует изменение вектора направленности задач, которые ставятся перед создавшимся государством, и соответственно, его деятельности во всех наиболее значимых сферах жизни общества. Тем не менее на протяжении многовековой истории развития государственности на многих территориях, в том числе и на белорусских землях, прослеживается примечательное постоянство в двух наиболее важных направлениях функционирования политической надстройки общества, к которым относятся поиск эффективного механизма пополнения доходной части бюджета государства и борьба с коррупцией. Этот тезис находит свое подтверждение в правовых источниках, начиная от Привилея Великого князя Александра Казимировича 1492 г., в ст. 16 которого содержался запрет заниматься вымогательством представителям государственной власти, до современного антикоррупционного законодательства, обладающего межотраслевым характером. Не явилось исключением и образовавшееся в 1917 г. Советское государство, СНК которого в первый год своего функционирования принял Декрет от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» Это свидетельствует о понимании советской властью высокой степени опасности взятки как неотъемлемого элемен-

та коррупции для функционирования установившегося нового политического порядка.

Так, взяточполучателями признавались как лица, состоящие на государственной, так и на общественной службе. Пятилетний срок лишения свободы и более длительный срок были сопряжены с принудительными работами. Покушение на дачу либо получение взятки влекло такое же наказание, как и оконченное преступление. Аналогичное наказание устанавливалось для взяткодателей, подстрекателей, пособников и всех «прикосновенных» к даче взятки. Были определены и отягчающие обстоятельства, к которым отнесены особые полномочия служащего, нарушение служащим своих обязанностей и вымогательство взятки. Более жесткому наказанию в виде наиболее тяжких и неприятных принудительных работ и конфискации всего имущества подвергались лица, принадлежавшие к «имущественному классу», которые пользовались взяткой для сохранения либо приобретения привилегий, связанных с правом собственности. Эта норма указывает на принцип классовой борьбы, который был присущ советскому законодательству этого периода. Примечателен и факт установления в последнем пункте рассматриваемого декрета его обратной силы. Исключение составляли только те случаи, когда от уголовного преследования освобождались взяткодатели, которые дали взятку до принятия рассматриваемого нормативного правового акта и сообщили об этом судебным властям в течение трех месяцев с момента вступления его в законную силу.

16 августа 1921 г. СНК РСФСР был принят последующий Декрет «О борьбе со взяточничеством», в котором, например, конкретизировалось, что она может быть получена «в каком бы то ни было виде» лично либо через посредника, и т. д.

Несмотря на установленные достаточно суровые меры наказания, применяемые в связи с вступлением в действие вышеуказанных декретов, многими исследователями в области истории государства и права отмечается не просто наличие, но и значительный прирост коррупционных проявлений.

Так, Л.В. Борисова в исследовании первой программы борьбы со взяточничеством в Советской России с 1922 по 1923 г. приводит факты тотального распространения взяточничества во всех сферах общественных отношений, несмотря на то, что большевики, придя к власти, постулировали создание новой государственной системы, свободной от протекционизма и коррупции. Автор констатирует, что взятка с 1917 г. в условиях тотального классового террора, «когда для расстрела было достаточно принадлежности к бывшим эксплуататорским классам», порой являлась единственным средством спасения человеческой жизни. Она

служила прекрасным средством для теневого товарооборота, а взяточничество было повсеместно распространено во всех государственных органах, в числе которых суды и другие правоохранительные органы. Последнее процветало и в период военного коммунизма, и в период новой экономической политики.

П.М. Ельчанинов в исследовании, посвященном преступности в советской провинции и борьбе с ней в 1921–1928 гг., со ссылкой на мнение авторитетных специалистов по истории советских спецслужб и их деятельности в 1920-е гг. А.Ю. Епихина и О.Б. Мозохина, отмечает, что взяточничество в крупных городах, где бурно расцвел частнокапиталистический уклад, пустило глубокие корни и стало приметой повседневной жизни периода существования новой экономической политики.

Наличие вышеприведенных фактов обусловило необходимость принятия комплексных и широкомасштабных государственных мер по противодействию коррупции в виде принятия общегосударственной программы борьбы со взяточничеством в августе 1922 г.

М.В. Дульнев, исследуя рассматриваемый исторический период, также констатирует факт наличия коррупционных проявлений на всех уровнях государственного управления, и утверждает, что он явился основанием принятия с 1923 по 1924 г. комплекса мер по противодействию рассматриваемому негативному явлению, к которым относились: создание специальных комиссий по борьбе со взяточничеством; создание специальных ведомств, основной задачей которых являлась борьба с коррупцией; проведение «чисток» государственного аппарата; разработка проекта Положения о государственной гражданской службе; установление контроля за доходами государственных служащих путем введения обязанности заполнения анкетных листов с указанием имущественного положения не только государственного служащего, а и супруги (супруга), детей, о работе в порядке совместительства и др.

Полагаем возможным констатировать, что коррупция в период становления и развития Советского государства являлась акцентированным объектом воздействия его внутригосударственной политики, т. е. представляла собой одну из внутренних угроз безопасности Советского государства.

Несмотря на столетний период, разделяющий современность и описанные события прошлого столетия, следует отметить, что комплекс вышеуказанных мер нормативного и институционального характера в настоящее время в Беларуси не утрачивает своей актуальности и эффективности применения.

Так, например, в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» установлены антикоррупционные

ограничения и запреты для государственных должностных и приравненных к ним лиц, регламентирован порядок урегулирования конфликта интересов, содержится правовое регулирование декларирования доходов и имущества, устранения последствий коррупционных правонарушений, осуществления государственного и общественного контроля и надзора за деятельностью по борьбе с коррупцией, установлен перечень и компетенция правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией. С целью обеспечения реализации принципа приоритета мер предупреждения коррупции, закрепленного в ст. 4 рассматриваемого законодательного акта, осуществляется разработка и реализация системы мер, направленных на борьбу с коррупцией, посредством принятия государственных программ по борьбе с преступностью и коррупцией на определенные годы с установлением комплекса мер по борьбе с коррупцией, устранению причин и условий, ей способствующих, сроков их реализации и ответственных государственных органов. По настоящее время коррупция входит в число основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь.

Таким образом, проведенное исследование законодательной регламентации борьбы с коррупцией и ее элементом – взяточничеством – в первые годы существования Советского государства позволяет констатировать наличие преемственных связей между ней и современным национальным законодательством о борьбе с коррупцией. Последнее, основываясь на положительном историческом опыте становления законодательного регулирования борьбы с коррупцией, а также опыте правоприменительной практики осуществления комплекса мероприятий по противодействию такому негативному социально-правовому явлению, осуществляет дальнейшее поступательное развитие в направлении совершенствования механизма борьбы и превенции.

УДК 94(47 + 57)(477)

А.Д. Гронский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В УКРАИНСКИХ РЕАЛИЯХ ПОСЛЕ 2014 Г.

Историческая память является субстанцией, которая не всегда соответствует текущей исторической политике, иногда прямо противоречит ей. Если историческая память и историческая политика расходятся в оценках прошлого, память иногда переходит в латентное состояние, не проявляясь явно, но всплывает в ситуациях, когда необходимо найти для

оценки современности какой-то ориентир в прошлом. Иногда историческая память и историческая политика рассматривают прошлое практически одинаково. Тогда и у массы населения, и у государства нет больших расхождений в оценках прошлого, что делает государство более «своим» для народа. Примером подобного совпадения исторической памяти и исторической политики является отношение российской и белорусской версий исторической памяти и исторической политики в отношении Великой Отечественной войны. При некоторых расхождениях в локальных оценках глобальные оценки совпадают. С другими периодами истории ситуация сложнее, так как именно советский период, который вообрал в себя Великую Отечественную войну, был последней ушедшей эпохой. Эта близость советского периода к постсоветской современности делает его более понимаемым. Еще живы многие люди, заставшие этот период, т. е. свидетели эпохи. Поэтому информация о советском прошлом, переданная носителями этого прошлого, воспринимается как более объективная. Более отдаленные периоды не имеют живых свидетелей, поэтому историческая память о них сохраняется в передаче информации от уже умерших очевидцев. Необходимо также осознавать, что историческая память не является пересказом истории. Она оставляет для потомков то, на что современники реагировали более эмоционально, что было для современников важнее, чем остальные события эпохи. Именно поэтому в исторической памяти какие-то события представлены более ярко, а какие-то практически полностью игнорируются.

После распада Советского Союза новые постсоветские государства стали искать свои версии истории, т. е. формировать собственную политику в отношении исторической памяти. И не всегда эта политика опиралась на коллективную историческую память. Иногда в качестве основной была использована память отдельных малых социальных групп, которая противоречила коллективной памяти. И именно эта «малая» память была представлена как память всего народа. Такая ситуация смогла возникнуть по причине наличия некоего количества лиц, являющихся носителями «малой» памяти. В постсоветской ситуации такими группами оказались, например, потомки эмигрантов, покинувших страну на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Эти люди являлись коллаборационистами, у них было собственное видение исторического процесса, неприемлемое для подавляющего большинства, но они в постсоветский период воспринимались как носители чего-то «настоящего» национального, сохранившегося в эмиграции.

И если в российском и белорусском случаях эта «малая» историческая память оказалась неспособной подчинить себе коллективную память, то в украинском варианте такая попытка частично осуществилась.

Этому способствовал ряд факторов, главным из которых, пожалуй, было наличие носителей этого варианта исторической памяти в западных областях Украины. Потомкам эмигрировавших коллаборационистов было на кого опереться в своем стремлении распространить собственную «малую» историческую память на большое количество населения.

Распад СССР породил автоматическое стремление избавиться от советского наследия, так как оно стало восприниматься как отжитое, неправильное, блокирующее человеческую свободу. Подобному взгляду на недавнее прошлое активно поспособствовали средства массовой информации, а также литература, появившаяся ранее в эмигрантской среде. На этой эмоциональной волне критика советского прошлого происходила не потому, что оно было плохое, а потому, что оно было советское. Тем не менее кризисы в постсоветских республиках, резкое ухудшение жизни, разрушение системы социальных гарантий заставило население скорректировать свое отношение к советскому периоду. Помимо того для подавляющего большинства жителей постсоветского пространства советская эпоха была временем победы в Великой Отечественной войне – самом важном с точки зрения эмоционального восприятия событии советского периода. Даже более близкий по времени к постсоветской современности распад Советского Союза оставил меньший эмоциональный след, чем Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война настолько значимая часть исторической памяти, что, упоминая события 1941–1945 гг., жителю постсоветского пространства не надо расшифровывать, о какой войне идет речь. Если постсоветскому человеку необходимо упомянуть, например, 1913 г., он не может сказать просто «до войны». Ему необходимо уточнить – «до Первой мировой войны», если говорить, например, о каком-то событии, случившемся в 1903 г., также логично будет уточнить, что это событие произошло до русско-японской войны 1904–1905 гг. Но, если постсоветский житель скажет «до войны», не уточняя, какую из войн он имеет в виду, любой его собеседник, живущий на постсоветском пространстве, автоматически расшифрует это как «до Великой Отечественной войны». Такая же ситуация существовала на Украине до 2014 г. После государственного переворота в Киеве и начала вооруженного конфликта на востоке страны, война пришла в украинскую современность. Российские историки, участвовавшие в 2015–2016 гг. в научных мероприятиях в Луганской Народной Республике, обратили внимание на то, что местные жители поменяли представление об упоминании войны без уточнений. Говоря «до войны», они стали иметь в виду ситуацию до 2014 г. Обратная сторона конфликта – Украина оставила понятие «война» без конкретизации именно для Великой Отечествен-

ной войны, потому что бои 2014 г. на востоке Украины подавляющее большинство украинцев лично не коснулись. И лишь участники боев с украинской стороны стали понимать под словом «война» без уточнений боевые действия, начавшиеся в 2014 г. на Донбассе. Сложно сказать, распространилось ли это представление на остальных жителей Украины после 22 февраля 2022 г. Ведь украинская пропаганда маркирует специальную военную операцию как русско-украинскую войну. Таким образом, советское представление о войне без уточнения названия как о конкретном событии советского прошлого – Великой Отечественной войне, на Украине, видимо, постепенно отходит в прошлое.

Интересно, что в основном из советского героического прошлого черпаются аналогии для постсоветских подвигов. В период активных боевых действий на Донбассе обе стороны конфликта использовали отсылки к прошлому советской эпохи. Естественно, к конкретному периоду – Великой Отечественной войне. Только эти отсылки серьезно различались. Донецкая и Луганская Народные Республики активно применяли копии Знамени Победы, флаги исчезнувшего СССР, а их наградная система частично отражала советское наследие, например, медаль «За отвагу». Широко использовалась георгиевская символика, связанная в советском сознании с победой в Великой Отечественной войне. Лента ордена Славы, лента медали «За победу над Германией» были исполнены именно в георгиевских или, как их еще называют, гвардейских цветах.

Украинская сторона также использовала символику времен 1941–1945 гг. Однако ни Знамен Победы, ни флагов СССР у украинских военных замечено не было. Они использовали символику нацистской Германии, эмблемы дивизий СС и вермахта. При этом фото и видео с этой символикой спокойно транслировалось на украинскую аудиторию. А это говорит о том, что украинская власть не считала нацистские символы чем-то запретным. Более того, в конце 2022 г. один из региональных украинских судов не нашел ничего предосудительного в символике дивизии СС «Галиция».

На этом фоне украинское телевидение выпустило патриотические ролики, в которых актер, исполняющий роль ветерана Великой Отечественной войны, благословлял своего внука воевать на Донбассе против Народных Республик, т. е. ветеран Великой Отечественной войны поддерживал тех, кто использовал нацистскую символику, воюя против тех, кто использовал копии Знамени Победы.

Помимо того, из советской эпохи в постсоветскую реальность перешли некоторые речевые шаблоны, появившиеся в советское время. Например, словом «Сталинград» могут обозначать серьезное сопротив-

ление, отсылая к памяти об обороне Сталинграда в 1942–1943 гг. Это слово как обозначение мужественного сопротивления некоторыми украинскими журналистами было использовано для иллюстрации обороны украинскими войсками Донецкого аэропорта. В итоге получилась странная смесь: носителей нацистской символики, защищавших аэропорт, сравнивали с советскими защитниками Сталинграда. Хотя реальный Сталинград защищался как раз от носителей нацистской символики. При этом у украинского общества не проявилось никакого заметного внимания к явно противоречивой с идеологической точки зрения ситуации.

Относительно активно использует советские шаблоны в своих речах губернатор Николаевской области Украины В.А. Ким. Так, ожидая контрнаступление украинской армии в марте 2022 г., он заявил: «8 марта 1944 года, именно в эту дату, началось освобождение именно Николаевской области [...] давайте историю оправдывать, случайности не случайны». В этом случае, как и с Донецким аэропортом, был использован советский нарратив об освобождении советской территории от нацистов, несмотря на то, что именно украинская армия, которая должна была, по мнению В.А. Кима, «оправдывать историю», открыто использует нацистскую символику, а российская также открыто использует советскую символику.

В апреле 2022 г. В.А. Ким упомянул об играх в войну, в которые играли практически все советские дети. Он сказал: «В детстве мы играли и все хотели быть русскими военными, а не немцами. Теперь наоборот». И снова был использован шаблон из советского прошлого. Однако в данном случае губернатор Николаевской области, видимо, не понял, что сказал. Ведь «немцами» в таких играх никто не хотел быть, так как «немцы» выступали как однозначно негативные персонажи, фашисты. В.А. Ким, таким образом, уравнивал современных украинских военных с «фашистами» из советского детства.

Говоря о желаемых поставках на Украину немецких танков Leopard 1, В.А. Ким заметил: «Получается, что немецкие танки опять будут ездить по украинской земле, стрелять в русские танки». Используя наречие «опять», В.А. Ким явно отсылал к прошлому, которое якобы повторяется в очередной раз. И, видимо, неслучайно на украинской технике были замечены в качестве эмблем кресты, использовавшиеся в период Второй мировой войны вермахтом.

Таким образом, историческая память о советской эпохе все равно довлеет над постсоветским пространством, так как именно в советскую эпоху сформировался ряд стереотипов и шаблонов, которые при помощи советской пропаганды, СМИ, культуры закрепились у массы позднесоветского населения и его потомков. Однако украинский вариант

оказался оригинален тем, что на Украине широко используется отсылка к символам противников Советского Союза, бытовавшим на территории СССР в качестве символики вооруженных сил нацистской Германии, оккупировавших часть страны. Тем самым украинская историческая политика деформирует историческую память массы населения, замещая общие для всего бывшего советского пространства символы символами противника.

УДК 351.74(09)(476)

В.А. Данилов

СТАЛИН VS ЛЕНИН И СУДЬБА ФЕДЕРАЦИИ

Сто лет назад на карте мира появилось государство, чье существование в значительной степени повлияло на экономику, политику и судьбы сотен миллионов людей. Образование СССР стало поистине событием всемирно-исторического значения. И, несмотря на трагическую и в значительной степени закономерную судьбу этого государства, трудно переоценить его как негативное, так и позитивное влияние на исторический ход развития многих народов мира. В настоящее время актуальны споры историков, правоведов, экономистов и публицистов о причинах поражения и развала в кратчайшие сроки гигантской империи, пожалуй последней империи Европы и мира. На наш взгляд, многие ответы следует искать в истоках зарождения этого государства, в возможных вариантах его форм и путей, способов образования.

В тезисах доклада сделана попытка, исходя из анализа недавно введенных в научный оборот исторических документов, осмыслить ход событий, столкновение политических точек зрения на объединение в СССР национальных республик. События осени 1922 г. в большевистском политбюро, предшествовавшие созданию Союза ССР, до сих пор в официальных источниках излагаются по меньшей мере с многими умолчаниями. Каноническая точка зрения на события 1922 г. в многочисленных партийных документах буквально петрифицирована. Так, в кратком курсе истории ВКП(б) (1938 г.), без упоминания о каких-либо вариантах объединения и дискуссиях в руководстве партии, указано, что «На I Всесоюзном съезде Советов по предложению В.И. Ленина и И.В. Сталина был создан СССР». Что характерно, в повестке XI съезда (27 марта – 2 апреля 1922 г.), когда, по идее, объединительная работа должна идти полным ходом, вопросы образования нового государства отсутствуют, как и на XII партийной конференции большевиков (4–7 ав-

густа 1922 г.). В послесталинских учебниках по истории КПСС процесс принятия решения излагался по упрощенной схеме: сам проект образования Союза выработал И.В. Сталин, предложивший схему вхождения республик в РСФСР на правах автономий, но «националы» эту схему не приняли. В.И. Ленин проект «автономизации» раскритиковал как ошибочный и предложил идею, позднее воплощенную в жизнь, объединения на основе полного равноправия субъектов. И даже в опубликованной в 1989 г. платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», разработанной как слабая попытка в условиях горбачевского «нового мышления» скрепить разваливающийся Союз, лаконично записано, что «формирование Союза ССР проходило в острой политической борьбе». Также интригует факт, что большинство партийных документов, относящихся к дискуссиям осени 1922 г., были засекречены и отдельные из них (в том числе ленинские письма, записки и др.) увидели свет только в 1956 г., в период так называемой «хрущевской оттепели».

Анализ недавно введенных в научный оборот документов показывает, что процесс разработки проекта государственно-национального строительства, подходов РКП(б) к решению проблем суверенитета республик в 1922 г. был весьма неоднозначным и проходил в острой борьбе. На наш взгляд, причины подобного умолчания кроются в самом процессе выработки конструкции будущего государственного образования и столкновении политических позиций фигурантов этих событий.

Начало было положено созданием Политбюро ЦК РКП(б) в августе 1922 г. комиссии, в которую вошли И.В. Сталин, В.В. Куйбышев, Х.Г. Раковский, Г.К. Орджоникидзе (все сторонники И.В. Сталина) и представители национальных республик. Разработанный лично И.В. Сталиным «Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками» был представлен комиссии и получил одобрение. В проекте резолюции было записано «Признать целесообразным формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР...». Одобрили его и наркомпартии, о чем свидетельствует протокол Пленума ЦК Азербайджанской Компартии(б) (прот. № 7) от 11 сентября 1922 г., постановившего, что «...сейчас момент требует формального закрепления единства Азербайджана с Россией на началах широкой автономии...». ЦК Компартии Грузии высказалось (за 19, против 6) против – «...объединение в форме автономизации... независимых Республик считать преждевременным...». Правда позднее эта позиция изменилась. Консолидированное отношение компартий всех трех закавказских республик состояло в одобрении «... тезисов о политическом, военном и хозяйственном

объединении Закреспублик (так в тексте. – Примеч. авт.) с РСФСР...». В протоколе № 33 заседания президиума Закавказского краевого комитета РКП(б) 16 сентября 1922 г., рассмотревшего вопрос «Об отношении [коммунистических] партий Закреспублик (так в тексте. – Примеч. авт.) к тезисам об объединении Закавказья с РСФСР, отмечалось – принять к сведению сообщение ЦК КП Азербайджана и ЦК Армянской КП о присоединении их к этим тезисам. Что характерно, все компартии советских республик единогласно признали «...широкой агиткампании по популяризации этого решения не проводить...», т. е. сохранять их в тайне от населения и даже от членов партии.

Относительно ССРБ ситуация была своеобразная. На III съезде Компартии(б) Белоруссии (22–25 ноября 1920 г.) было подчеркнуто, что «Белоруссия является Социалистической Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР». Внесенные в декабре 1920 г. II Всебелорусским съездом Советов поправки в Конституцию ССРБ фактически закрепили ее автономный статус в составе РСФСР. Поэтому, что касается белорусских большевиков, из протокола № 7 Пленума ЦК КП(б) Белоруссии от 16 сентября 1922 г. видно, что по модели объединения они четко свое мнение не обозначили, но использовали момент для поднятия вопроса о «...территории Белоруссии, исходя из политической целесообразности объединения последней с Витебской и Гомельской губерниями...», т. е. об укрупнении территории республики за счет белорусских же земель (Витебская и Гомельская губернии в 1922 г. входили в состав РСФСР. Вернулись в БССР в марте 1924 г. и в декабре 1926 г. соответственно. – Примеч. авт.). Таким образом, в сентябре проект И.В. Сталина получил поддержку на местах и в центре. В своем письме И.В. Сталину от 4 сентября 1922 г. руководитель украинских большевиков Д.З. Мануильский писал: «Образование на окраинах самостоятельных республик... отвечало определенному этапу нашей революции... Это была неизбежная уступка национальной стихии, приведенной революцией в движение». И далее политик (с изрядной долей цинизма) заключает: «Украинский мужик «национальным» вопросом не интересуется... Нужно только, я полагаю, провести реализацию этого мероприятия таким образом, чтобы инициатива (объединения на основе автономизации. – Примеч. авт.) исходила от национальных Съездов Советов, получив свое законодательное завершение на Всероссийском Съезде в декабре».

Обосновывая свою модель объединения республик, И.В. Сталин в письме В.И. Ленину от 22 сентября 1922 г. вполне логично указывает, что «...существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нестер-

пимыми, создают конфликты, обиды и раздражение...». Автор обозначает и угрозу союзу республик: «...молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик...». И как альтернатива: «Одно из двух: либо действительная независимость тогда – невмешательство центра... либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое...». Окончательное одобрение сталинская идея получила на заседаниях комиссии 23 и 24 сентября 1922 г. (под председательством В.М. Молотова). Комиссия (при воздержавшемся представителе Грузии) приняла за основу сталинский проект. Отдельным пунктом комиссия отклонила отрицательную резолюцию ЦК КП Грузии.

Однако к концу сентября В.И. Ленин, вначале поручивший всю работу по организации Союза советских республик И.В. Сталину, вернулся к данной проблеме. 22 сентября в записке И.В. Сталину он попросил сообщить, как решается в ЦК вопрос о взаимоотношениях между советскими республиками. Ознакомившись с материалами комиссии, 25 сентября В.И. Ленин подготовил письмо Л. Каменеву для членов Политбюро (позднее статья В.И. Ленина «Об образовании СССР»). В нем он выступил против модели И.В. Сталина «автономизации» самостоятельных советских республик и указал принципиально другую модель объединения, предложив образовать Союз Советских Социалистических Республик (позднее эту модель он теоретически обосновал в письме «К вопросу о национальностях или об „автономизации“»). Далее В.И. Ленин в срочном порядке провел беседы по вопросу объединения с руководителями национальных республик – с председателем Совнаркома Грузии П.Г. Мдивани 27 сентября, с Г.К. Орджоникидзе – 28 сентября, с членами ЦК Компартии Грузии М.С. Окуджавой, Л.Е. Думбадзе, К.М. Цинцадзе и председателем Совнаркома Армении А.Ф. Мясниковым – 29 сентября 1922 г., несомненно, используя политический авторитет, убедив их в своей точке зрения. Затем все сторонники «автономизации» И.В. Сталина оперативно приняли ленинскую трактовку модели нового государственного образования. Так, делегаты VII Всеукраинского съезда Советов (проходил 10–14 декабря 1922 г.) всецело поддержали ленинскую идею добровольного объединения суверенных советских республик в единое союзное государство – Союз Советских Социалистических Республик.

Таким образом, несмотря на политическую целесообразность и логическую обоснованность (ряд исследователей считают, на наш взгляд необоснованно, что реализация сталинской модели Союза ССР предот-

вратила бы его распад), победила ленинская точка зрения. Очевидно, политический «вес» и влияние И.В. Сталина в партии осенью 1922 г. не могли сравниться с ленинским. И завеса «секретности», опущенная на события осени 1922 г., вполне обоснована – «великий вождь и учитель» И.В. Сталин потерпел крупное поражение.

УДК 340.1

Н.М. Дубрава

ТЕОРИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Для многих современных суверенных государств, в том числе Республики Беларусь, 1917–1991 гг. – это период советского общества и государства, а соответственно период формирования советской юридической науки (советского права). По мнению С.С. Алексеева, последняя, «...как и «случай» советской цивилизации в целом, представляет собой особое, уникальное историческое явление, особый, хотя и выбивающийся из общих направлений мирового развития, феномен развития человеческого духа и интеллекта по вопросам права, характеризующийся противоречивым содержанием и последствиями».

Безусловно, состояние советской юридической науки, основанной на марксистско-ленинской идеологии и имеющей преимущественно императивный характер, не было одинаковым на протяжении всей ее истории. В кругах ученых спорят о количестве этапов развития этой науки, их временных рамках и характеристике. В качестве примера можно привести периодизацию А.А. Иванова, который условно делит процесс становления и развития советской юридической науки на три этапа.

Первый этап, получивший название «красный» (1917–1938 гг.), характеризуется отрицанием буржуазного права, сформированного дореволюционными правоведами, и попыткой построения собственной концепции права. В кругах исследователей обсуждаются идея «отмирания» права как следствие его трактовки в духе «меновой» теории права Е.Б. Пашуканиса, а также концепция «двухсекторного» права П.И. Стучки с отмирающей буржуазной частью. Так, распространение подобных «авангардных» идей, а также отмена действия законодательства и упразднение государственных органов и судов Российской империи, сокращение числа юристов в силу репрессий, эмиграции и высылки («философские пароходы») приводит к застою в развитии истинной юридической науки в так называемый «красный» период.

Второй этап, под названием «желтый» (1938–1960 гг.), берет свое начало с первого всесоюзного совещания по вопросам науки советского государства и права, состоявшегося 16–19 июля 1938 г. под руководством юриста и советского государственного деятеля А.Я. Вышинского. Он являлся неоднозначной личностью, занимал высокие должности в аппарате Советского государства, был приверженцем дореволюционной юриспруденции, сыграл немаловажную роль в отказе от «авангардистских» трактовок права, в возврате в ряды преподавателей университетов дореволюционных юристов и попытке сформировать истинно юридическую науку. Последнее способствовало росту монографических работ в области права.

Наряду с этим именно на «желтом» этапе развития советской юридической науки будет дано понятие права, которое определит сущность советского права вплоть до начала 90-х гг. XX в. Автором определения права станет А.Я. Вышинский, который в своем докладе на вышеуказанном совещании определит его как «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу».

Вплоть до 60-х гг. XX в. подход к сущности права можно с уверенностью назвать односторонним, сводящим право исключительно к совокупности норм права, а также крайне позитивистским.

Третий этап – «голубой» (1960–1991 гг.) – максимально демократический в развитии советской юридической науки, характеризуется делением законодательства Союзного государства на основы законодательства (общесоюзные) и республиканские кодексы, что позволило разнообразить правовое регулирование общественных отношений. Отсутствие преследования за цитирование иностранных источников, в том числе за использование дореволюционных трудов, а также окончание репрессий, в том числе в отношении юристов, позволило развить гражданское право, основанное на буржуазных началах. В целом данный период в развитии советской юридической науки можно охарактеризовать как возможность появления некоторого идеологического разнообразия на основе или с учетом коммунистической идеологии. Разнообразие было подтверждено разработкой более широкого подхода к праву, а также учений о правоотношениях, правосознании, механизме правового регулирования, юридической ответственности, толковании права и т. д.

Представленная периодизация советской юридической науки позволяет отметить, что уяснение советской теории толкования права можно разделить не на три периода (этапа), а на два: первый период – 20–60-е гг. XX в. – отсутствие теоретических научных разработок в области толкования права; второй период – конец 60-х – 90-е гг. XX в. – период активных теоретических научных разработок в области толкования права.

Свобода толкования и как результат – отсутствие самостоятельных научных разработок в области толкования права в 20–60-е гг. XX в. связано, во-первых, с общими тенденциями развития юридической науки (отказ от дореволюционных исследований в области права, представленные в работах таких известных правоведов, как Н.А. Гредескул, И.Я. Фойницкий, Е.В. Васильковский, Г.Ф. Шершеневич, Н.М. Коркунов, В.М. Хвостов, Е.Н. Трубецкой и др.), а во-вторых, с формированием и использованием в качестве основ толкования права и по сути определяющих содержание толкования, принципов «приоритета революционного правосознания» (с 1922 г. – социалистического правосознания), целесообразности, учета социальных и политических мотивов, а также инструментов аналогии закона и аналогии права.

Оживление научного интереса к вопросам толкования права происходит в начале 60-х гг. XX в. Это связано как с общими тенденциями развития советского права, так и с заменой в правовом регулировании принципа социалистического правосознания на принцип законности, отменой принципа аналогии (за исключением гражданского судопроизводства) и обратной силы закона. Именно в этот период начинается активная работа в области применения и толкования права. Издаются такие научные работы, как «Применение советского социалистического права» А.Я. Берченко (1960), «Применение советских правовых норм» П.Е. Недбайло (1960), «Нормы советского права и их толкование» А.С. Пиголкина (1962), «Вопросы толкования советского права» (1972) и «Толкование советского права» (1979) А.Ф. Черданцева, «Официальное толкование норм права» Н.Н. Вопленко (1976) и многие другие.

Анализ работ по толкованию права данного периода позволяет сделать вывод, что целью исследователей явилась разработка не только понятия толкования права, но и уяснение его природы и значения, способов и видов толкования, результатов толкования (его форм, объемов (пределов) и обязательности), а также правовой природы актов судебного толкования.

В качестве примера остановимся на работах в области толкования права А.С. Пиголкина. Именно он является одним из основателей концепции толкования права в советской юридической науке. До настоящего времени его кандидатская диссертация «Нормы советского права и

их толкование», а также монография «Толкование нормативных актов в СССР» имеют существенное общетеоретическое значение и представляют интерес среди современных ученых в области права.

К 1962 г. в советской науке еще не было единого понимания толкования права. Одни ученые понимали под толкованием уяснение смысла нормативного правового акта, другие же – разъяснение его смысла. А.С. Пиголкин приходит к выводу, что это не взаимоисключающие понятия и толкование представляет собой «определенную мыслительную деятельность, которая происходит в сознании субъекта, применяющего норму права, уяснение и объяснение смысла анализируемой нормы права». Заложив в содержание процесса толкования два аспекта – уяснение и разъяснение, А.С. Пиголкин определил долготелетие данной трактовке толкования.

В качестве объекта толкования А.С. Пиголкин определяет волю общественного коллектива, который занимает господствующее положение в производстве и политике, тем самым удивляя предшествующие выводы по данному вопросу (в качестве объекта толкования всегда выступала воля законодателя или господствующего класса). При этом категория «общественный коллектив» конкретнее категории «законодатель», шире категории «господствующий класс» и достаточна близка к категории «народ».

Цель толкования права, по мнению ученого, заключается в понимании смысла нормы права с целью правомерного разрешения конкретной ситуации, возникающей в процессе правоприменения. Соответственно, необходимость (потребность) в толковании возникает в результате соотношения нормы права (неизменной в силу ее формальной определенности) и конкретной жизненной ситуации (как результат постоянно меняющейся общественной жизни), в которой она применяется.

Среди способов толкования А.С. Пиголкин выделяет грамматический (по мнению ученого, важнейший из способов), систематический (не предусматривал самостоятельного выделения логического способа) и историко-политический, среди видов – в зависимости от юридических последствий, официальное и неофициальное (обыденное, профессиональное и доктринальное), в зависимости от соотношения «воли законодателя» и «воли закона» – адекватное (буквальное), распространительное и ограничительное толкование.

В рамках своего исследования А.С. Пиголкин уделяет особое внимание официальному (аутентичному) толкованию. На примере толкования конституционных норм исследователь показывает тесную связь толкования с правотворчеством, что до настоящего времени является актуальным вопросом в кругах ученых-правоведов. Чтобы получить обяза-

тельный характер, результаты официального толкования должны быть, по мнению А.С. Пиголкина, формально закреплены в так называемых интерпретационных актах (актах толкования), которые ученый определяет как «правовые акты компетентных государственных органов, содержащие результаты официального толкования».

В советский период в своих исследованиях А.С. Пиголкин не раз поднимал вопрос об определении юридической природы актов официального толкования, размышляя о том, можно ли говорить, что в их содержании есть нормы права. Однако до последних дней своей научной деятельности А.С. Пиголкин полагал, что акты официального толкования не могут носить нормативный характер, судебные органы России не обладают правотворческой компетенцией, их акты исключительно акты толкования.

Подводя итог, необходимо отметить, что концепция толкования норм права А.С. Пиголкина как в силу первенства и охвата широкого круга правовых явлений актуальна и в современный период. Понятие, способы и виды толкования, предложенные ученым в 60–80-е гг. XX в., используют практически все современные ученые, а отдельные вопросы о природе актов официального толкования остаются в ежедневной повестке дня.

Используя сегодня достижения советской юридической науки, в том числе в области теории толкования права, необходимо учитывать, что последняя основывалась на марксистско-ленинской теории познания действительности, а соответственно, на методе диалектического материализма. Толкование права рассматривалось как интеллектуально-волевая деятельность, являющаяся исключительно неотъемлемой частью применения права.

УДК 340.1

А.В. Есько

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ БОРЬБУ
С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ**

Экономическая безопасность в Республике Беларусь является основой национальной безопасности. Основная цель обеспечения экономической безопасности государства – достижение состояния экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность националь-

ных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

В Республике Беларусь сформированы необходимые условия для нейтрализации различных угроз экономической безопасности. Обязанность по обеспечению экономической безопасности государства возлагается на правоохранительные органы.

Объектами экономической безопасности являются личность, общество, государство и его основные элементы экономической системы. Существенный вред экономической безопасности государства причиняется совершаемыми экономическими и коррупционными преступлениями.

Сегодня экономические и коррупционные преступления становятся все более изощренными, и борьба с ними становится все труднее. Такая преступность наносит физический, материальный и моральный ущерб обществу, создает неблагоприятные условия для привлечения инвестиций и кредитов государству, причиняет вред его гражданам.

Сложившаяся обстановка обуславливает необходимость постоянного определения путей совершенствования деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь, осуществляющих борьбу с экономической преступностью и коррупцией.

Среди субъектов, обеспечивающих экономическую безопасность государства, важное место занимают подразделения по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел Республики Беларусь (далее – подразделения БЭП), которые выполняют задачи:

по оперативному сопровождению целевого и рационального использования бюджетных денежных средств;

предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, совершаемых должностными лицами государственных организаций;

возмещению причиненного ущерба государству и его гражданам в результате совершенных преступлений.

На сегодня в деятельности подразделений БЭП существует ряд проблемных вопросов, требующих первоочередного решения.

Так, в Республике Беларусь взаимодействие правоохранительных и контрольно-ревизионных органов регламентируется Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» и Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности».

Согласно изменениям, внесенным в данные нормативные правовые акты, сотрудники подразделений БЭП на стадии доследственных проверок были лишены права назначения проверки финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования до момента возбуждения уголовного дела. Ввиду чего в настоящее время часто возникает вопрос с

наличием состава преступления в действиях должностных лиц субъектов хозяйствования, установление наличия которого невозможно без проведения проверки финансово-хозяйственной деятельности и определения суммы причиненного ущерба.

Решение данной проблемы видится введением в штаты подразделений БЭП сотрудников, обладающих специальными познаниями по проверке финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования и обладающих навыками выявления нарушений законодательства в бюджетной сфере, в сфере налогообложения, финансовой сфере. Кроме этого также имеется необходимость для выявления преступлений в сфере экономики, включения в штат подразделений БЭП сотрудников, обладающих специальными познаниями в области бухгалтерского учета, которые на стадии доследственных проверок при изучении бухгалтерской документации окажут содействие оперативным сотрудникам и укажут на факт наличия, например, завышений заработной платы работников либо необоснованного увеличения начислений премиальных выплат, необоснованных командировочных расходов. С помощью данных сведений оперативные сотрудники подразделений БЭП уже смогут установить должностное лицо, причастное к совершению хищения денежных средств.

Часто при выявлении экономических преступлений существует проблема извлечения определенной информации и проведения последующего ее качественного анализа. В данном случае видится целесообразным применение метода аналитического поиска, разновидностью которого является экономико-правовой анализ. Большую часть необходимой информации сотрудники подразделений БЭП получают в результате исследования различной документации предприятий и организаций. Соответственно многие виды следов преступной деятельности должностных лиц носят информационный характер, и поэтому для их распознавания, фиксации и исследования необходимы специальные познания в области экономики. В этой связи предлагается создание отдельных подразделений аналитической направленности, обязанностью которых будет осуществление экономико-правового анализа по заданиям сотрудников подразделений БЭП.

Также видится необходимость в техническом оснащении сотрудников подразделений БЭП и разработке и внедрении методических рекомендаций по использованию ряда программных продуктов, способствующих выявлению информации, размещенной в сети Интернет и представляющей оперативный интерес.

Предлагается также создание для практического использования сотрудниками подразделений БЭП электронного ресурса с раскрытыми

схемами совершенных экономических и коррупционных преступлений по каждой конкретной статье Уголовного кодекса Республики Беларусь, выявление преступлений по которым относится к компетенции подразделений БЭП. С помощью данного электронного ресурса каждый оперативный сотрудник на своем рабочем месте сможет получить информацию о способах совершения таких видов преступлений, методике их выявления, тактике документирования и доказывания в рамках доследственной проверки, а также последующего оперативного сопровождения на стадии предварительного расследования.

Данный электронный ресурс позволит по аналогии проверить должностных лиц государственных предприятий на предмет совершения аналогичных преступных деяний каждому сотруднику подразделений БЭП по своей линии обслуживания.

Таким образом, можно сделать вывод, что ввиду высокого уровня образованности лиц, совершающих экономические и коррупционные преступления, сложности их выявления и документирования, латентности данных видов преступлений сотрудникам подразделений БЭП необходимо обладать не только всеми навыками осуществления оперативно-розыскной деятельности, но и глубокими познаниями в экономической сфере и использовании информационных технологий.

УДК 342(47 + 57)(09)

А.И. Иванцова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В СССР

Одним из важнейших стратегических национальных интересов любого современного государства является оборона страны. В целях оперативного реагирования на появляющиеся внешние и внутренние угрозы и их нейтрализацию законодательством большинства стран предусмотрено введение особых (чрезвычайных, исключительных) правовых режимов, объединенных общим понятием «чрезвычайная ситуация», позволяющих гарантировать защищенность национальных интересов в различных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства и закрепляющих основы функционирования государственного аппарата в условиях противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности. Такие режимы принято именовать «положениями» (чрезвычайным, осадным, военным и т. п.) либо «состояниями» (бдительности, напряженности, общественной опасности, угрозы, тревоги, обо-

роны, войны, экологической катастрофы, федерального вмешательства и т. п.). По справедливой оценке С.В. Пчелинцева, правовой институт особых правовых режимов имеет глубокие исторические корни в отечественном праве. История СССР насчитывает многочисленные примеры установления особых правовых режимов на различных территориях его республик. Основаниями для их введения были военная интервенция, Гражданская война, контрреволюционные выступления, массовые беспорядки, эпидемии, стихийные бедствия, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., межнациональные конфликты.

Проводя ретроспективный анализ правового регулирования установления особых правовых режимов СССР, следует упомянуть о Положении Комитета министров Российской империи «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», Высочайше утвержденное императором 14 августа 1881 г. (далее – Положение 1881 г.), издание которого было обусловлено нарастанием угроз государственному порядку и общественной безопасности. Указанный законодательный акт представлял органичную кодификацию государственно-правовой деятельности в области обеспечения безопасности (административная высылка; расширение полномочий полиции и жандармских чинов; отнесение к ведению военного суда дел о совершенных преступлениях против государственного устройства) и предусматривал в определенных случаях введение «исключительного положения» в формах «усиленной» и «чрезвычайной» охраны. Разработка Положения 1881 г. послужила началом для формирования в последующем законодательства об особых (исключительных) правовых режимах на территории будущего СССР и его республик.

Следующим этапом, повлиявшим на развитие законодательства об особых правовых режимах в отечественном праве, стали Гражданская война и иностранная военная интервенция 1917–1922 гг., характеризующиеся различными внутренними и внешними факторами. Как справедливо отмечают С.Г. Лысенков и А.А. Дерюгин: «В этот период формировавшаяся Советская власть функционировала в чрезвычайных условиях военного времени и была вынуждена применять правовые предписания, которые предусматривали введение исключительного или военного положения».

В этой связи дореволюционное Положение 1881 г. в советском законодательстве сменил Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1923 г., утвердивший Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка (далее – Положение), которым предусматривались правовые режимы «исключительного» и «военного положения» как чрезвычайные меры и возможность их введения. Следует отметить, что преде-

лы ограничения прав граждан при введении особых правовых режимов данным законодательным актом установлены не были.

В соответствии с указанным Положением в случаях неисполнения или противодействия законным распоряжениям власти при условии когда правонарушения принимали массовый характер, контрреволюционных выступлений и посягательствах на рабоче-крестьянскую власть и ее отдельных представителей, чрезвычайных стихийных бедствиях, а также при переходе от военного положения к нормальным условиям постановлением ВЦИК и СНК РСФСР по представлению НКВД вводилось исключительное положение. В случаях начала военных действий или когда меры исключительного положения оказывались недостаточными для охраны или восстановления революционного порядка постановлением ВЦИК и СНК РСФСР по представлению НКВД совместно с Революционным военным советом республики могло быть введено военное положение.

Несмотря на законодательное закрепление «исключительного» и «военного» положения в 1923 г., в нормах Конституции СССР 1924 г. данные правовые режимы не содержались, как и в Конституции ССРБ 1919 г. и Конституции БССР 1927 г.

Первоначальную редакцию Основного Закона СССР 1936 г. также можно охарактеризовать отсутствием каких-либо положений о чрезвычайных мерах обеспечения обороноспособности страны и охраны общественного порядка.

Установление фашистской власти в Германии обозначило ряд внешних угроз, поэтому вопросам обеспечения обороны государства, в том числе правовым, стало уделяться первостепенное внимание. 15 января 1938 г. по итогам первой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва было принято решение о дополнении ст. 49 Конституции СССР п. «т», предоставившим Президиуму Верховного Совета СССР в интересах обороны общественного порядка и государственной безопасности право объявлять в отдельных местностях или по всему СССР военное положение. Однако специального нормативного акта по реализации указанной конституционной нормы в СССР разработано не было, действовавшее Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка значительно устарело и требовало существенной переработки, тем не менее оно продолжало действовать, только уже в части, не противоречащей Конституции. Внутриполитическая обстановка в стране оставалась стабильной, что объясняет появление в Конституции СССР нормы о военном положении и умолчании исключительного положения.

Начало Великой Отечественной войны стало основным толчком для развития нормативного правового регулирования особых правовых режимов. 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, издав Указ «О военном положении» и Указ «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», существенно превысил свои полномочия, так как имел право только на объявление указанного правового режима, но не издание акта законодательного характера, регламентирующего его содержание. Вместе с тем другого пути экстренного устранения пробелов в действующем на тот момент законодательстве об особых правовых режимах в условиях начавшейся агрессии не существовало. Указами устанавливались основные меры по обеспечению военного положения, предусматривающие передачу полномочий органов государственной власти органам военного управления, расширение компетенции органов военной юстиции, усиление юридической ответственности военнослужащих и населения за правонарушения, направленные против обеспечения обороны страны, общественного порядка и государственной безопасности, а также вынужденное существенное ограничение прав и свобод граждан и возложение на них дополнительных обязанностей в целях обеспечения обороны страны.

Вплоть до конца 1980-х гг. в стране почти полностью отсутствовала нормативная основа правового регулирования непредсказуемых техногенных аварий, беспрецедентных социальных и политических конфликтов. В Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г. чрезвычайное положение не нашло своего законодательного закрепления. Это объясняется тем, что согласно идеологической установке чрезвычайные ситуации, особенно связанные с социальными конфликтами, были очевидно невозможны в стране «развитого социализма». Волна природных катаклизмов, техногенных катастроф, террористических операций, массовых беспорядков обозначили необходимость конституционно-правовой регламентации чрезвычайных ситуаций. Начался процесс разработки законодательства и формулирования конституционных основ о чрезвычайных ситуациях. 10 декабря 1988 г. Верховным Советом СССР в п. 14 ст. 119 Конституции СССР 1977 г. внесены изменения, закрепляющие полномочия Президиума Верховного Совета СССР вводить чрезвычайное и военное положение на всей территории страны. Параллельно в ст. 105 Конституции БССР 1978 г. Законом БССР от 27 октября 1989 г. были внесены изменения, наделяющие Президиум Верховного Совета БССР полномочиями по рассмотрению совместно с Президиумом Верховного Совета СССР вопроса о введении в интересах защиты страны и безопасности советских граждан на территории республики

или в отдельных ее местностях военного или чрезвычайного положения. Указанными изменениями особые правовые режимы впервые были закреплены в Конституции БССР.

В связи с учреждением должности Президента СССР 14 марта 1990 г. в Конституцию СССР 1977 г. внесены изменения, которые предоставили ему полномочия в интересах обеспечения безопасности граждан предупреждать об объявлении чрезвычайного положения в отдельных местностях или при необходимости вводить его с согласия или по просьбе Президиума Верховного Совета или высшего органа государственной власти соответствующей союзной республики.

Первым комплексным нормативным правовым актом, вместившим в себя весь богатый практический опыт, сыгравшим значительную роль в формировании правовой базы режима чрезвычайного положения стал Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1407-1 «О правовом режиме чрезвычайного положения» (далее – Закон). Следует отметить, что данный законодательный акт был рассчитан в основном на устранение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Узкий спектр обстоятельств, которые могли стать основанием для введения «чрезвычайного положения» не в полной мере отражал возможные угрозы социального характера для государства, что очень быстро подтвердила практика. Не нашло законодательного закрепления определение понятия «чрезвычайное положение», не установлены пределы ограничения прав и свобод населения при введении особых правовых режимов. В.Ю. Ухов относительно содержания ст. 2 Закона справедливо указывает на отсутствие разграничения обстоятельств введения чрезвычайного положения, а следовательно – компетенции органов власти СССР и ее субъектов по его установлению. Нормами Закона не были определены силы, обеспечивающие реализацию особого правового режима, не упомянут правовой статус органов внутренних дел при введении чрезвычайного положения.

Таким образом, законодательное закрепление и конституционно-правовая регламентация особых правовых режимов в годы советской власти проходили под влиянием постоянно возникавших социально-политических конфликтов и военных действий периода Великой Отечественной войны. В дальнейшем, законодательному уточнению чрезвычайное и военное положение подверглись на рубеже 80–90 гг. XX в. в связи с резким обострением социальных, политических, межнациональных отношений.

А.В. Кащеев

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ МВД СССР (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ МВД СССР)

Подготовка высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел (ОВД) является первостепенной задачей ведомственных учреждений высшего образования (УВО). Ведь работе с кадрами уделяется особое внимание. В Республике Беларусь крупные «силовые» ведомства (МВД, КГБ, Министерство обороны, МЧС и ГПК) имеют свои УВО. В системе ОВД таких учреждений два – Академия МВД и Могилевский институт МВД. Независимо от ведомственной подчиненности каждое УВО для обеспечения качественной подготовки специалистов стремится сохранить и приумножить свой научный кадровый потенциал, который составляет основу профессорско-преподавательского состава. Любые мероприятия, нацеленные на сохранение и увеличение научного кадрового потенциала УВО, требуют изучения исторического опыта в данной сфере. Для УВО системы ОВД в первую очередь актуальным предоставляется изучение опыта советского периода.

Создание ведомственных УВО непосредственно связано со стремлением советского правительства обеспечить ОВД кадрами с высшим образованием. Как отмечает российский исследователь А.А. Резников, в 1945 г. каждый третий милиционер имел только начальное образование, а лица с высшим образованием составляли только 9,8 % от общего числа сотрудников. Повышение образовательного уровня личного состава должно было решить целый ряд задач, нацеленных как на рост эффективности деятельности ОВД в целом, так и на «качества» каждого отдельного сотрудника (правосознание, грамотность, патриотизм и т. д.). Г.В. Горбатенко отмечает, что созданию в 1952 г. первого милицейского УВО предшествовал целый комплекс подготовительных мероприятий на общегосударственном и ведомственном уровне, что позволило интегрировать Высшую школу милиции МГБ СССР (с 1953 г. – Высшая школа милиции МВД СССР) в государственную систему высшего юридического образования. В 1954 г. Высшая школа милиции МВД СССР была реорганизована в Высшую школу МВД СССР. Начиная с 1960-х гг. происходит расширение сети ведомственных УВО, которые основываются чаще всего на базе филиалов, факультетов или отделений факультетов Высшей школы МВД СССР. Первым из таких учреждений образования стала Высшая школа МВД УССР (с 1968 г. – Киевская высшая школа МВД СССР), а созданное в 1958 г. Минское отделение факультета

заочного обучения Высшей школы МВД СССР после ряда реорганизаций в 1976 г. легло в основу первого милицейского УВО на территории БССР – Минской высшей школы МВД СССР.

Следует отметить, что для Минской высшей школы МВД СССР, как и некогда для Высшей школы милиции МГБ СССР, а также других УВО системы МВД СССР, созданных в 60–80-е гг. XX в., актуальным являлось формирование научного кадрового потенциала. У создаваемого УВО системы МВД СССР первоначально было только два источника для формирования своего научного кадрового потенциала. Во-первых, кандидаты и доктора наук из числа сотрудников ОВД, которые находились в штате того учреждения образования, на основе которого создавалось отдельное УВО системы МВД СССР, либо переведенные из другого (или базового) ведомственного УВО. Так, в Минской высшей школе МВД СССР продолжили службу сотрудники упраздненного Минского очно-заочного факультета Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР Д.А. Гавриленко, Н.И. Порубов, А.Н. Сапогин, Л.Н. Калинин, Н.А. Кудинов, Н.Ф. Колбенков и др. Во-вторых, научный кадровый потенциал мог пополняться за счет лиц с учеными степенями, которые принимались на службу в ОВД на должности профессорско-преподавательского состава или научных сотрудников. Таким образом, в Минской высшей школе МВД СССР начали службу А.А. Дмитрук, А.Ф. Вишнеvский, В.А. Шелкопляс, А.И. Сухаркова, Э.А. Саркисова и др.

Необходимо отметить, что служба в УВО системы МВД СССР являлась весьма престижной и подкреплялась соответствующим материальным обеспечением. Все ведомственные УВО находились в подчинении центрального аппарата МВД СССР, их сотрудники имели повышенные оклады денежного содержания. По представлению руководства УВО лицам с учеными степенями при приеме на службу и назначении на должности профессорско-преподавательского состава, как правило, присваивалось специальное звание майора милиции или майора внутренней службы, например как А.И. Сухарковой.

Как отмечает В.А. Ананич, принятые меры по формированию научного кадрового потенциала позволили к 1978 г. достигнуть 66,6 % острепененности профессорско-преподавательского состава Минской высшей школы МВД СССР.

В последующем, уже после завершения организационно-штатных мероприятий, в Минской высшей школе МВД СССР началась планомерная работа по сохранению и расширению научного кадрового потенциала. В этом направлении помимо принятия на службу лиц с учеными степенями (например, В.А. Мельник, И.А. Сороковик и др.) стал активно использоваться институт ведомственной адъюнктуры, су-

ществовавшей в Академии МВД СССР, Киевской высшей школе МВД СССР и др., а также заочной аспирантуры УВО и научных организаций БССР. Не осуществляя самостоятельно подготовку научных работников высшей квалификации, Минская высшая школа МВД СССР активно использовала возможности ведомственных и иных УВО или научных организаций для формирования своего научного кадрового потенциала. В качестве кандидатов на поступление выступали в первую очередь сотрудники Минской высшей школы МВД СССР (например, В.А. Ананич, А.В. Вениосов, С.В. Борико и др.).

В конце 1970-х гг. ряд сотрудников Минской высшей школы МВД СССР начали активную работу над докторскими диссертациями. В итоге в конце 1984 г. научный кадровый потенциал УВО был представлен 6 докторами и 66 кандидатами наук. В 1985–1991 гг. докторские диссертации также защитили П.Г. Чигринов, А.Ф. Вишнеvский, Д.А. Гавриленко, В.А. Ананич, Г.И. Грамович, И.И. Басецкий.

Таким образом, для формирования научного кадрового потенциала УВО системы МВД СССР активно использовались как внутренние, так и внешние возможности. На начальном этапе становления УВО, на примере Минской высшей школы МВД СССР, прослеживается активное использование внешнего кадрового ресурса, однако со временем стали использовать внутренний ресурс, т. е. направлять сотрудников в адъюнктуру по юридическим специальностям. Прием на службу лиц с учеными степенями или обучение сотрудников УВО в заочной аспирантуре «гражданских» УВО и научных организаций были нацелены в первую очередь на привлечение специалистов неюридических специальностей (история, социология, педагогика, технические науки). В последующем сформированный в Минской высшей школе МВД СССР научный кадровый потенциал позволил не только начать с 1992 г. на системной основе подготовку научных работников высшей квалификации в Академии милиции МВД Республики Беларусь, но и проводить их аттестацию в созданном в 1994 г. совете по защите диссертаций Д 06.01.01.

УДК 316.42(476)

А.А. Козел

ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ В 1976–1980 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА)

Развитие народного хозяйства в СССР начиная с первых лет советской власти строилось на плановой основе. Первым таким планом был знаменитый ГОЭЛРО, предусматривающий не только электрификацию

Советской России, но и начало ее самой широкой индустриализации, что влекло за собой необходимость решения и социальных проблем: ликвидации неграмотности, организации школьного, профессионально-технического, средне-специального и вузовского образования. В связи с этим план ГОЭЛРО стал первым планом не просто экономического, а и социально-экономического развития страны. С целью повышения эффективности планирования был создан специальный государственный орган Госплан СССР и Госпланы союзных республик, а для постановки планирования на научную основу при них были образованы соответствующие НИИ. В 1928 г. в СССР был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства. Всего в стране было принято и реализовано 12 таких пятилетних планов, включая семилетку 1959–1965 гг. Анализируя планы, которые принимались и реализовывались с 1928 по 1991 г., мы отмечаем, что не все они акцентировались на социальной проблематике. В данном аспекте выделяется пятая пятилетка (1951–1955 гг.), где четко артикулируется задача повышения материального благосостояния и культурного уровня народа; шестая (1966–1970 гг.) с целью уже существенного подъема уровня жизни населения; седьмая (1971–1975 гг.) также ориентировала план на неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа; восьмая (1976–1980 гг.) подъем материального и культурного уровня жизни народа напрямую связывала с динамикой и эффективностью развития всего экономического комплекса страны.

Таким образом, только во второй половине 70-х гг. XX в. планы экономического развития, особенно что касалось регионов, городов, крупных промышленных предприятий, начали именоваться планами социально-экономического развития. Причинами смещения акцентов в планировании, на наш взгляд, были следующие:

все реальнее была утопичность решений XXI съезда КПСС о построении в СССР к 1980 г. коммунизма – общества материального изобилия, которое будет способно как предоставить гражданам условия для реализации своих способностей, так и удовлетворить все их материальные потребности. Народ не голодал, но в отдельных регионах ощущался дефицит мясо-молочных продуктов, не была решена жилищная проблема, легкая промышленность не обеспечивала потребности населения в качественных товарах повседневного спроса: одежде, обуви;

формировалась другая идеологема – не построения коммунизма, а развитого социализма, как общества не материального изобилия, а общества социального оптимизма;

необходимо было показать, что новые заводы, фабрики, производства открываются как раз для удовлетворения тех самых насущных человеческих потребностей;

для власти все очевиднее становилась необходимость задействования человеческого и социального факторов развития общества.

Необходимость сопряжения технико-экономического развития с социальным была воспринята как на отраслевом и на региональном уровне, так и на уровне промышленных предприятий. Минский тракторный завод ведомственно подчинялся Министерству тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, структурным подразделением которого – Центральным научно-исследовательским институтом технико-экономической информации – была разработана модель и методика составления планов социально-экономического развития предприятий отрасли. Наряду с технико-экономическими показателями: ростом производительности труда, снижением себестоимости продукции, расширением и внедрением результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и, как следствие, увеличением количества выпускаемых тракторов, вводились и социальные параметры: строительство жилья и баз отдыха, текучесть кадров, рост общеобразовательного и профессионального уровня рабочих, инженерно-технических работников и служащих, снижение количества занятых на участках с тяжелым физическим трудом и вредными условиями труда.

Необходимо отметить, что подготовка плана социально-экономического развития коллектива Минского тракторного завода на 1976–1980 гг. совпала с решением Минского горкома КПБ и горисполкома подготовить на этот же период планы социально-экономического развития районов г. Минска, города в целом и промышленных предприятий. С целью уточнения официальной социальной информации в городе учеными-социологами было проведено масштабное анкетирование населения. Ими же была разработана своя модель и методика подготовки планов социально-экономического развития предприятий, районов и г. Минска.

Так, на Минском тракторном заводе был разработан на 1976–1980 гг. еще один план социально-экономического развития. Если ведомственный план получился компактным и транспарентным, а следовательно, открытым для контроля и коррекции, то план, составленный по городской методике, включал сотни, главным образом экономических, а не социальных параметров, что не позволяло отследить его выполнение. Что касается ведомственного плана, то ежеквартально и ежегодно коллектив отчитывался перед союзным министерством о выполнении/невыполнении основных его показателей. В Минске, кроме тракторного завода, союзному министерству подчинялись еще два предприятия: Минский моторный и Минский завод шестерен, на которых существовало также по два плана социально-экономического развития, составленных по отраслевой и городской методике. В это время в СССР и БССР наблюдался сво-

еобразный социологический ренессанс: в БГУ приступили к подготовке кадров профессиональных социологов, академическими институтами, кафедрами общественных наук вузов г. Минска совместно с заводскими социологами проводились социологические исследования по влиянию социальных факторов на труд: проблемам морального и материального стимулирования, специфики труда молодежи, зависимости содержания свободного времени от условий и уровня образования и квалификации работников, социально-экономических аспектов труда и быта женщин, профессиональной ориентации и профессиональной адаптации принятых на работу, оптимизации социально-психологических отношений на главном конвейере завода. Было замечено, что среди рабочих, не владеющих вопросами экономики производства, только каждый пятый сдает продукцию работникам технического контроля с первого предъявления и только шестой участвует в рационализаторской работе.

На основе анализа результатов исследований социологической службой завода был составлен социальный паспорт коллектива, в котором были зафиксированы: социально-демографическая и профессионально-квалификационная структура работников, образовательный уровень, санитарно-гигиенические условия труда, зарплата, жилищные условия, обеспеченность детскими дошкольными учреждениями, базами отдыха, социальная активность и другие, что легло в основу плана социально-экономического развития на 1976–1980 гг. В ходе широкого обсуждения проекта плана в коллективах цехов, отделов и служб завода было внесено около 200 предложений. Среди них: строительство детских дошкольных учреждений в новых микрорайонах, улучшение качества приготовления пищи в цеховых столовых, организация в цехах продажи продовольственных товаров, строительство загородных баз отдыха и др. Реализуя план социально-экономического развития МТЗ на 1976–1980 гг., было построено 100 000 м² жилья, база отдыха «Вяча», открыт магазин – стол предварительных продовольственных заказов, в сталелитейном корпусе создана комната психологической разгрузки, открыта предварительная продажа билетов на железнодорожный и воздушный транспорт и др. В коллективе более тщательно подошли к существующей системе экономического образования: в подразделениях завода группы обучающихся начали формироваться в соответствии с возрастом, профессией и образованием. По данным ЦСУ БССР, в 1975 г. труд только 73 % рабочих и служащих в промышленности и строительстве нормировался, а удельный вес научно обоснованных норм составлял около 50 %. Для повышения эффективности системы экономического стимулирования важным направлением деятельности стало внедрение

научно обоснованного нормирования труда. С этой целью на МТЗ было создано специальное подразделение ГОНИЛТ (Головная нормативно-исследовательская лаборатория труда).

Таким образом, планирование социально-экономического развития на Минском тракторном заводе с директивным включением в планы важных социальных параметров позволяло поддерживать в коллективе нормальный морально-психологический климат, улучшать условия труда и наращивать выпуск тракторов под известным не только в СССР, но и всему миру брендом «Беларус».

УДК 343.985

С.В. Король

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГЛАСНОГО СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ С 1917 ПО 1941 Г.

Помощь граждан правоохранным органам в борьбе с преступностью была необходима во все времена. Российский исследователь, доктор юридических наук Ю.Н. Демидов писал: «существует истина, сформировавшаяся и подкреплённая практикой Советского Союза и зарубежным опытом. Эффективно преступности и другим противоправным проявлениям в обществе без поддержки граждан противостоять невозможно».

В современном белорусском обществе имеется необходимость в создании действенного механизма взаимодействия граждан с сотрудниками милиции с целью более эффективного выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел. И здесь, как нам представляется, будет интересен и полезен исторический опыт содействия граждан правоохранным органам в Советском государстве с 1917 по 1941 г.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. сопровождалась разрушением большей части государственного аппарата Российской империи и полным уничтожением государственных органов, занимавшихся уголовным и политическим сыском. Пришедшие к власти большевики предполагали целесообразным переход от профессиональных правоохранных структур в пользу народного вооружённого ополчения, которое являлось одним из элементов классовой борьбы.

Определяя пути развития Советского государства, В.И. Ленин одним из важнейших направлений развития определял активное участие населения в охране правопорядка и борьбе с преступностью и отмечал:

«...у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело – привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством». Данное выражение представляло идею массового контроля трудящихся над преступными проявлениями в обществе как важнейшее средство борьбы с ними.

«На первых порах» образования правоохранительных органов функционировали разрозненные добровольческие формирования, которые оказывали помощь сотрудникам милиции. В связи с тем что нормативного закрепления на государственном уровне подобные формирования не получили, и не было ясности в их правовом статусе, задачах и круге полномочий, то эффективность подобных отрядов содействия находилась на достаточно низком уровне.

Государство осознавало значимость института содействия граждан органам милиции и уголовного розыска, в связи с чем осуществлялся поиск более эффективных форм и способов содействия. Данный поиск осуществлялся вплоть до конца 1920-х гг. В 1929 г. НКВД БССР на основе имеющегося опыта, анализа недостатков приступил к разработке положения о группах содействия органам милиции.

Так, 25 мая 1930 г. СНК РСФСР было принято постановление «Об обществах содействия милиции и уголовного розыска» (далее – Осодмил). На основе данного постановления в республиках были разработаны и утверждены уставы общества содействия органам милиции и уголовного розыска, в которых конкретизировались задачи, состав, структура общества, права и обязанности его членов.

Это постановление закрепляло критерии отбора лиц в вышеуказанные организации. Вступить в организации содействия могли совершеннолетние мужчины и женщины, пользующиеся избирательным правом и не состоящие под судом или следствием. Члены Осодмил получали специальные удостоверения и имели право на ношение оружия, которое получали в специальном порядке во время работы по поручительству либо совместно с сотрудниками уголовного розыска. Осодмиловцы имели право на задержание преступника, занимались наблюдением за подозрительными лицами, заступали на дежурства совместно с сотрудниками милиции, оказывали содействие в борьбе с хулиганствами, шинкарством (незаконные изготовление, хранение и торговля спиртными напитками) и иными общественно опасными деяниями. Участников Осодмил привлекали к проведению рейдовых мероприятий по линии уголовного розыска, а также к проведению обысков.

Следует учесть, что Осодмил создавались и на предприятиях, и в колхозах, однако без должного контроля со стороны органов милиции и уголовного розыска такие организации показали низкую эффективность в связи с недисциплинированностью и незаконным использованием членами организации своего служебного положения. Данный факт, несомненно, подчеркивает, что эффективности в борьбе с преступными проявлениями можно достичь лишь организованным содействием граждан с правоохранительными органами.

Так, для развития повышения эффективности в борьбе с преступностью Осодмил реорганизуют 29 апреля 1932 г. в бригады содействия при органах рабоче-крестьянской милиции (далее – Бригадмил). Тогда же было принято соответствующее постановление СНК РСФСР. Прошлый негативный опыт деятельности Осодмил был принят к сведению, и Бригадмил создавались исключительно при управлениях милиции, а требования к кандидатам на вступление в Бригадмил повышались. В связи с серьезным подбором кандидатов в Бригадмил на них возлагались более ответственные задачи по охране как общественного порядка, так и противодействию преступным проявлениям в борьбе с хулиганствами, преступностью, хищениями социалистической собственности. Члены Бригадмил служили также кадровым резервом для пополнения рядов сотрудников милиции проверенными и относительно подготовленными кадрами. Уже в 1940 г. в таких бригадах насчитывалось порядка 400 тыс. человек по всему СССР.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что с 1917 по 1941 г. гласное содействие населения государственным органам и органам милиции и уголовного розыска было обусловлено в первую очередь потребностями самого общества и государства в защите от внутренних и внешних угроз. В СССР пропагандировалась и поощрялась идеология активного участия граждан в борьбе с противоправным элементом, что, несомненно, имело множество положительных моментов и приводило к повышению результатов в борьбе с преступностью и нормализацией обстановки в обществе.

В связи с тем что до настоящего времени ряд проблем института гласного содействия граждан правоохранительным органам остается нерешенным и требует научной проработки, считаем целесообразным продолжать исследование в данном направлении с целью повышения эффективности работы правоохранительных органов в противодействии негативным явлениям в обществе, связанным с совершением противоправных деяний общеуголовной направленности, на современном этапе развития белорусского общества и государства.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Экстремизм является глобальной проблемой, которая на сегодня существует и в Республике Беларусь. Обращаясь к истории изучения экстремизма, можно сделать вывод о том, что экстремизм рассматривался отечественными учеными как явление, совершенно несвойственное советскому периоду развития белорусского государства. Внимание сосредоточено в первую очередь на экстремизме, существовавшем в царской России, а также всплеске экстремистских проявлений во время распада СССР.

Отсутствие научных работ по теме экстремизма в СССР можно объяснить неодобрением подобного рода исследований государственным руководством того времени, ведь одним из направлений экстремистской деятельности является насильственный захват власти или насильственное изменение конституционного строя государства, хотя именно таким путем и пришла к власти партия большевиков 7 ноября 1917 г. В то время понятие «экстремизм» рассматривалось как идеологическое оружие, дискредитирующее революционное насилие, как способ построения коммунизма. В подобном идеологическом контексте изучение экстремизма не могло сформироваться в качестве полноценного научного направления.

Еще одним обстоятельством, которое обуславливает отсутствие должного внимания к изучению экстремизма в СССР в рамках советской науки, была четкая позиция, что в Советском государстве данная проблема существовать не может в принципе. В СССР продвигалась идеологическая мысль о бесконфликтности общественного развития в рамках построения коммунизма, в связи с чем и отсутствовали какие-либо научные труды на тему противодействия экстремизму, и правоохранительные органы не уделяли должного внимания проблеме существования в государстве экстремизма. Происходящие межнациональные столкновения конца 1980-х гг. и начала 1990-х гг. были неожиданными для правоохранительных органов того времени и требовали грамотного урегулирования, не получив которого, стали одной из причин распада СССР.

Последние годы существования Советского государства можно отнести к началу правовой регламентации по противодействию экстремизму. Так, в постановлении Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. «Об усилении борьбы с организованной преступностью» говори-

лось о том, что на территории государства «приобретают все более организованный и экстремистский характер действия националистически настроенных групп».

Следующим шагом к юридическому определению понятия экстремизма, на наш взгляд, является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. Впервые в указанном документе было юридически отражено понятие «экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них». С 2010 г. Республика Беларусь является партнером по диалогу, а с 2015 г. – наблюдателем в Шанхайской организации сотрудничества. Решение о начале процедуры приема белорусского государства в члены Шанхайской организации сотрудничества принято на саммите в Самарканде, который проходил 15–16 сентября 2022 г. Указанное обстоятельство не означает, что Республика Беларусь является полноправным членом данной организации, так как для вступления необходимо присоединиться к ряду международных договоров и привести в соответствие с ними национальное законодательство.

Что касается проблемы противодействия экстремизму, в белорусском государстве уже имеется юридическое закрепление понятия «экстремизм (экстремистская деятельность)», которое содержится в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». Согласно внесенным изменениям и дополнениям в указанный закон от 14 мая 2021 г. он не предусматривает полное и всеобъемлющее регулирование всех аспектов противодействия экстремизму, а скорее является системообразующим нормативным правовым актом, вокруг которого формируется система антиэкстремистского законодательства.

Основное значение вышеназванного закона в том, что он сформулировал официальное определение понятий «экстремизм (экстремистская деятельность)», «экстремистская организация», «экстремистские материалы», «экстремистская символика и атрибутика», «экстремистское формирование», которые в дальнейшем стали широко использоваться в других законах и подзаконных актах. Данный нормативный правовой акт определяет субъектов и их компетенцию по противодействию экстремизму.

Рассматриваемый закон закрепляет принципы и основные направления противодействия экстремистской деятельности. К принципам противодействия экстремизму относятся:

принципы законности;
признания, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов организаций;
сочетания гласных и негласных методов противодействия экстремизму;
приоритета обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь;
сотрудничества государства с организациями и гражданами;
приоритета предусмотренных законодательством об основах деятельности по профилактике правонарушений и о противодействии экстремизму мер профилактики правонарушений, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности (далее – профилактические меры);
неотвратимости наказания за экстремистскую деятельность.

В числе основных направлений противодействия экстремизму вышеуказанный закон называет:

- гражданское и патриотическое воспитание детей и молодежи, формирование у граждан духовно-нравственных ценностей, гражданственности и патриотизма;
- осуществление профилактических мер;
- предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности.

Сегодня мы можем говорить о том, что на территории Республики Беларусь, как и во время существования СССР, не выработан единый комплексный подход в изучении вопроса противодействия экстремизму, однако это никак не связано с политикой белорусского государства и становлением государственной власти, как это было в СССР, а в первую очередь исходит из того, что экстремизм на территории Республики Беларусь проявлялся в меньшей степени, и у правоохранительных органов не было существенных проблем по противодействию экстремистским проявлениям. За последние несколько лет ввиду начала активной противоправной деятельности экстремистских формирований, их финансовой поддержкой из-за рубежа, и активным использованием сети Интернет республика столкнулась с совершенно новыми формами экстремизма, которые проявили себя в 2020 г. Можно констатировать факт отсутствия глубокого и всестороннего изучения проблемы противодействия экстремизму в Республике Беларусь. Исходя из вышеизложенного, с целью сохранения государственности, конституционного строя и недопущения каких-либо вооруженных конфликтов на территории Республики Беларусь, полагаем, имеется необходимость глубокого и всесторонне-

го изучения проблемы экстремизма как негативного для государства и общества явления и вопроса противодействия ему на любых стадиях проявления.

УДК 342(47 + 57) + 342.4(476)

С.Ф. Лапановіч

УДЗЕЛ ССРБ–БССР У СТВАРЭННІ СССР І КАНСТЫТУЦЫІ СССР 1924 Г.

У выніку ўзброенага паўстання 25–26 кастрычніка 1917 г., галоўным арганізатарам якога была партыя бальшавікоў на чале з У.І. Леніным, а непасрэднае кіраўніцтва ажыццяўляў Ваенна-рэвалюцыйны камітэт Петраградскага Савета, у Петраградзе быў звергнуты Часовы ўрад. 25–27 кастрычніка адбыўся II Усерасійскі з’езд Саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў, на якім быў выбраны вышэйшы орган савецкай улады – Усерасійскі Цэнтральны Выканаўчы Камітэт (УЦВК) і сфарміраваны першы савецкі ўрад – Савет народных камісараў (СНК) на чале з У.І. Леніным. Урад РСФСР у Дэкларацыі правоў народаў Расіі абвясціў роўнасць і суверэннасць усіх народаў былой Расійскай імперыі і іх права на самавызначэнне ажно да аддзялення і ўтварэння самастойных дзяржаў. Пры гэтым У.І. Ленін удакладняў, што такое права нацыям будзе прадастаўляцца толькі тады, калі гэта карысна інтарэсам сацыялістычнай рэвалюцыі.

30–31 снежня 1918 г. у Смаленску адбылася VI Паўночна-Заходняя канферэнцыя Усерасійскай Камуністычнай партыі бальшавікоў (УКП(б)), пераўтвораная ў I з’езд Кампартыі Беларусі (КП(б)Б). Выконваючы рашэнні кіраўніцтва УКП(б), 30 снежня 1918 г. прынята рэзалюцыя «Аб абвясчэнні Заходняй Камуны Беларускай Савецкай Рэспублікай». 1 студзеня 1919 г. у Смаленску быў падпісаны Маніфест Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі, які абвясціў пра прыналежнасць усёй улады ў Беларусі Саветам рабочых, сялянскіх, батрацкіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў. Абвясчалася таксама аб стварэнні Беларускай Савецкай Рэспублікі. 2–3 лютага 1919 г. у Мінску працаваў I Усебеларускі з’езд Саветаў, на ім была прынята першая Канстытуцыя, якая юрыдычна замацавала новую назву дзяржавы – Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусь (ССРБ, пазней – БССР). Па аналогіі з РСФСР вышэйшымі органамі ўлады ў Беларусі былі абвешчаны: з’езд Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, а ў перапынках паміж з’ездамі – Цэнтральны Выканаўчы Камітэт (ЦВК), а такса-

ма Малы і Вялікі Прэзідыумы ЦВК (замест апошніх у 1920 г. створаны СНК).

У тым жа 1919 г. пачалася польска-савецкая вайна, падчас якой была акупіравана значная частка тэрыторыі Беларусі (у лютым 1919 г. уключана ў склад Літоўска-Беларускай (Літбел) ССР). У 1920 г. Чырвоная Армія здзейсніла паспяховае наступленне, што мела вынікам вызваленне тэрыторыі Беларусі і дазволіла 31 ліпеня 1920 г. прыняць Дэкларацыю аб абвяшчэнні Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (Другое абвяшчэнне ССРБ). Вынікам польска-савецкай вайны стала Рыжская мірная дамова 1921 г., па якой тэрыторыя ССРБ была падзелена і заходняя частка Беларусі адышла да Польшчы.

Падчас Грамадзянскай вайны савецкая ўлада перамагла на значнай частцы былой Расійскай імперыі. У выніку балышавіцкага дзяржаўнага будаўніцтва савецкімі былі абвешчаны РСФСР, Украінская ССР, ССРБ і ЗСФСР (уключала Азербайджанскую ССР, Армянскую ССР і Грузінскую ССР). Існавалі яшчэ Харэзмская і Бухарская Народныя Савецкія Рэспублікі, а таксама Далёкаўсходняя Рэспубліка. Тэрыторыя ССРБ у 1921–1924 гг. складала толькі шэсць павеатаў: Бабруйскі, Барысаўскі, Ігуменскі, Мінскі, Мазырскі і Слуцкі, насельніцтва рэспублікі было прыкладна 1,5 млн чалавек. У такіх абставінах пытанне характару ўзаемаадносін з іншымі, больш вялікімі па памерах і колькасці насельніцтва савецкімі рэспублікамі, стала асабліва важным для ССРБ у кантэксце яе далейшых перспектыв – захавання як фармальна самастойнай савецкай дзяржавы ці ўключэнне ў склад іншай савецкай рэспублікі.

У першыя пасляваенныя гады ўзаемаадносін РСФСР з іншымі савецкімі рэспублікамі ў асноўным будаваліся на падставе двухбаковых дагавораў аб супрацоўніцтве. 16 студзеня 1921 г. быў падпісаны «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и Социалистической Советской Республикой Белоруссией». У дагаворы існавала супярэчнасць – з аднаго боку, урады РСФСР і ССРБ прызнавалі «независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон», з другога – на суперак гэтаму галоўнаму прынцыпу дакумент ставіў ССРБ фактычна ў становішча аўтаноміі РСФСР. 21 студзеня 1922 г. быў прыняты Дэкрэт Прэзідыума ЦВК ССРБ «О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР», а 24 чэрвеня 1922 г. – пастанова III сесіі ЦВК ССРБ «О распространении действия Уголовного кодекса РСФСР на территорию ССР Белоруссии».

Дзейнічалі і шматбаковыя дагаворы ў самых важных галінах і напрамках – напрыклад, Дэкрэтам ЦВК РСФСР ад 1 чэрвеня 1919 г. «Об объединении Советских Республик – России, Украины, Латвии, Литвы,

Беларуси – для борьбы с мировым империализмом» быў аформлены ваенны саюз савецкіх дзяржаў.

Некаторыя даследчыкі мяркуюць, што абвяшчэнню СССР папярэднічала пераходная форма дзяржаўнага саюза з рысамі, больш характэрнымі для канфедэрацыі, чым федэрацыі. Аднак такая форма дзяржаўнага аб'яднання не магла задаволіць ЦК УКП(б) і савецкі ўрад, паколькі ўскладняла палітычнае і гаспадарчае кіраванне краінай. Супярэчлівасць існуючых федэратыўных формаў была відавочнай: нацыянальныя савецкія рэспублікі (УССР, БССР і інш.) па сваім дэклараваным статусе – самастойныя, суверэнныя дзяржавы, аднак функцыі цэнтралізаванага кіраўніцтва важнейшымі сферамі дзяржаўнага жыцця ажыццяўляліся праз народныя камісарыяты і Вышэйшы савет народнай гаспадаркі (ВСНГ) РСФСР. Прававой асновай было адпаведнае заканадаўства РСФСР, якое мела сілу ва ўсіх рэспубліках. На зыходзе Грамадзянскай вайны сама логіка дзяржаўнага будаўніцтва падводзіла да неабходнасці больш дакладнай урэгуляванасці саюзных адносін, да пераходу да новага этапу дзяржаўнага будаўніцтва – аб'яднання рэспублік у адзіную дзяржаву з агульнымі для ўсіх рэспублік канстытуцыйнымі органамі ўлады і кіравання.

Да сярэдзіны 1922 г. стала відавочнай неабходнасць далейшага ўдасканалення дагаворных адносін рэспублік. Для выпрацоўкі адзінай платформы па гэтым пытанні Палітбюро ЦК УКП(б) 11 жніўня 1922 г. стварыла адмысловую камісію, даручыўшы ёй падрыхтоўку праекта тэзісаў аб далейшых узаемаадносінах савецкіх дзяржаў. У склад камісіі ўвайшлі прадстаўнікі ЦК УКП(б), ЦК кампартыі Украіны, Беларусі, Азербайджана, Арменіі, Грузіі, Далёкаўсходняй Рэспублікі, Бухары і Харэзма. Старшыня гэтай камісіі, наркам па справах нацыянальнасцей І.В. Сталін прапанаваў так званы «Праект аўтанамізацыі». Сутнасць яго рэкамендацый заключалася ў тым, каб Украіна, Беларусь, Азербайджан, Грузія і Арменія ўвайшлі ў РСФСР на правах аўтаномных рэспублік. Пытанне аб Бухары, Харэзме і Далёкаўсходняй Рэспубліцы заставалася адкрытым. Тэзісы «аб аўтанамізацыі» прадугледжвалі заключэнне Саюзнай дамовы, па якой вышэйшыя органы ўлады і дзяржаўнага кіравання РСФСР у найважнейшых пытаннях гаспадарчага і палітычнага жыцця дзейнічалі б як агульнасаюзныя, а іх пастановы і рашэнні з'яўляліся б абавязковымі для ўсіх савецкіх рэспублік. Агульнасаюзным органам па праекце станавіўся УЦВК, у склад якога прапаноўвалася ўвесці прадстаўнікоў аб'яднаных рэспублік.

У.І. Ленін пастаянна цікавіўся працай камісіі ЦК УКП(б). Атрымаўшы матэрыялы абмеркавання праекта тэзісаў кіруючымі партыйнымі органамі, ён падвергнуў яго рэзкай крытыцы. У.І. Ленін разумее, што

«аўтанамізацыя» можа выклікаць адкрытую, а яшчэ больш скрытую незадаволенасць былых ускраін Расіі і прывесці да расколу ў сацыялістычным лагеры. Каб гэтага пазбегнуць, ён прапанаваў РСФСР прызнаць сябе раўнапраўнымі з Украінскай ССР і іншымі рэспублікамі, і разам і нараўне з імі ўвайсці ў новы саюз, новую федэрацыю – Саюз Савецкіх Рэспублік Еўропы і Азіі.

Ідэя ўтварэння Саюза рэспублік, выпрацаваная У.І. Леніным, хутка была падтрымана і кіраўнікамі савецкіх рэспублік, і большасцю кіраўніцтва партыі бальшавікоў. Улічваючы меркаванні прадстаўнікоў савецкіх рэспублік, У.І. Ленін прапанаваў новы праект дзяржаўнага аб'яднання, вядомы як «Праект федэралізацыі», ці «Саюзны праект». У лісце, дасланым у верасні 1922 г. членам Палітбюро ЦК УКП(б), ён выказаўся за тое, каб савецкія рэспублікі аб'ядналіся ў новую саюзную дзяржаву на аснове поўнага раўнапраўя: «Важна, каб мы не давалі пажытак для розуму «незалежным», не знішчалі іх незалежнасці, а стваралі яшчэ новы паверх, федэрацыю раўнапраўных рэспублік». Кіруючыся ленінскімі заўвагамі, камісія ЦК партыі перапрацавала праект і ўнесла яго на разгляд кастрычніцкага Пленума ЦК УКП(б). З-за цяжкай хваробы У.І. Ленін не змог удзельнічаць у працы гэтага Пленума. У запісцы, дасланай на пасяджэнне Пленума, ён указваў на неабходнасць прыняць такое рашэнне, якое гарантавала б раўнапраўны ўдзел прадстаўнікоў розных рэспублік у кіраўніцтве саюзнай дзяржавы: «Трэба абсалютна настаяць, – падкрэслівалася ў запісцы, – каб у саюзным ЦВК старшынствавалі па чарзе рускі – украінец – грузін – і г. д. Абсалютна!» (цыт. па: У.І. Ленін, т. 45 поўнага збору твораў).

6 кастрычніка 1922 г. Пленум ЦК УКП(б) прыняў распрацаваную па ленінскіх указаннях рэзалюцыю. У савецкіх рэспубліках, у тым ліку ў ССРБ, у лістападзе і снежні 1922 г. адбыліся мясцовыя з'езды Саветаў, на якіх намечанае аб'яднанне савецкіх рэспублік было падтрымана. У ССРБ на валасных і павятовых з'ездах Саветаў былі выбраны дэлегаты на IV Усебеларускі з'езд Саветаў, якія атрымалі наказ галасаваць за стварэнне СССР. Напрыклад, Мінскі Савет у наказе IV з'езда Саветаў БССР выказаў пажаданне, каб яго дэлегаты прынялі рашэнне, якое б забяспечыла «яшчэ больш моцную сувязь савецкіх рэспублік, захоўваючы ў той жа час уплыў кожнай савецкай рэспублікі на справу ўсяго Саюза» (цыт. па: Газета «Звязда», 1922 г.).

14 снежня 1922 г. IV з'езд Саветаў БССР прыняў пастанову аб неабходнасці дзяржаўнага аб'яднання ўсіх савецкіх рэспублік на аснове ўзаемнай роўнасці, цесных палітычных і гаспадарчых сувязей пры забеспячэнні гарантый самастойнага нацыянальна-культурнага будаўніцтва аб'яднаных рэспублік і ажыццяўленні гаспадарчай ініцы-

ятывы кожнай з іх. Дэлегаты ад БССР, абраныя для ўдзелу ў X з'ездзе Саветаў РСФСР, атрымалі паўнамоцтвы і на ўдзел у рабоце I Усеасаюзага з'езда Саветаў.

23–27 снежня 1922 г. адбыўся X з'езд Саветаў РСФСР. Акрамя 1 727 дэлегатаў РСФСР, на ім прысутнічалі 488 паўнамоцных дэлегатаў Украіны, БССР і Закаўказскай Федэрацыі. З'езд аднагалосна прыняў рэзалюцыю аб утварэнні Саюза ССР. У рэзалюцыі прызнавалася своечасовым аб'яднанне чатырох рэспублік (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР) у адзіны Саюз Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік на пачатках добраахвотнасці і раўнапраўя, з захаваннем за кожнай з іх права вольнага выхаду з Саюза. Абранай з'ездам дэлегацыі РСФСР было даручана выпрацаваць сумесна з дэлегацыямі Украіны, Беларусі і Закаўказскай Федэрацыі праект дэкларацыі з выкладаннем абставін, якія выклікалі аб'яднанне рэспублік у адну саюзную дзяржаву, падпісаць дагавор аб утварэнні СССР і прадставіць іх на зацвярджэнне I з'езда Саветаў Саюза ССР. 29 снежня 1922 г. адбылася канферэнцыя паўнамоцных дэлегацый РСФСР, УССР, БССР і ЗСФСР. Пасля абмеркавання праекта дэкларацыі і Саюзага дагавору, якія вызначылі асновы будовы Савецкай саюзнай дзяржавы, былі падпісаны дэлегацыямі савецкіх рэспублік.

30 снежня 1922 г. у Маскве адбыўся I з'езд Саветаў Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. У яго працы ўдзельнічалі 1 727 дэлегатаў ад РСФСР, 364 ад УССР, 33 ад БССР і 91 ад ЗСФСР. З'езд абраў ЦВК СССР у складзе 371 члена і 138 кандыдатаў. З'езд у асноўным зацвердзіў праекты Дэкларацыі аб утварэнні Саюза ССР і Саюзнай дамовы. Улічваючы надзвычайную важнасць гэтых дакументаў, з'езд даручыў ЦВК саюзных рэспублік разгледзець іх і падрыхтаваць па іх свае водгукі. ЦВК СССР даручалася ўвесці ўдакладненні тэксты Дэкларацыі і Саюзнай дамовы ў дзеянне і прадставіць іх на зацвярджэнне II з'езда Саветаў СССР.

31 сакавіка 1923 г. Старшыня ЦВК БССР А.Р. Чарвякоў далажыў другой сесіі ЦВК БССР IV склікання аб удзеле беларускай дэлегацыі ў рабоце I з'езда Саветаў ССР і аб прынятых з'ездам Дэкларацыі і Саюзнай дамоў. Сесія адобрыла дзейнасць дэлегацыі і разгледзела праект Саюзнай дамовы. На сесіі былі прапанаваны папраўкі, якія прадугледжваюць прадастаўленне Саюзу ССР права ўстанаўліваць правілы прыёму ў Саюз новых савецкіх рэспублік, замацаванне за асобнымі рэспублікамі права заключаць са згоды Прэзідыума ЦВК Саюза ССР эканамічныя пагадненні з капіталістычнымі краінамі. Сесія выказала пажаданне, каб кожная савецкая рэспубліка магла мець сваіх паўнамоцных прадстаўнікоў з правам вырашальнага голасу толькі ў вышэйшых заканадаўчых, але і выканаўчых органах Саюза ССР – СНК і Савеце Працы і Абароны.

Важнай задачай стала распрацоўка саюзнай Канстытуцыі. 10 студзеня 1923 г. Прэзідыум ЦВК БССР утварыў камісію ў складзе А.Г. Чарвякова, А.Х. Гетнера, В.А. Нодэля, Н.П. Ітві і В.Л. Дыла, якой было даручана вывучыць праект Канстытуцыі СССР і распрацаваць прапановы па яго паляпшэнні. Прапановы камісіі былі ўсебакова абмеркаваны на пасяджэнні Прэзідыума ЦВК БССР і адобраны трэцяй сесіяй ЦВК БССР IV склікання.

Прэзідыум ЦВК СССР утварыў канстытуцыйную камісію з 13 чалавек (пазней давеў яе колькасць да 25 чалавек: 14 – ад РСФСР, 5 – ад УССР і па 3 – ад ЗСФСР і БССР). ЦВК БССР даручыў Аляксандру Рыгоравічу Чарвякову (з 1920 г. старшыня Мінскага губернскага рэвалюцыйнага камітэта, Усебеларускага рэўкама, затым нязменны (да 1937 г.) старшыня ЦВК (да 1924 г. адначасова і Савета народных камісараў ССРБ-БССР)), Адольфу Хрыстафоравічу Гетнеру (з 1920 г. член Мінскага абкама, затым загадчык агульнага аддзела, старшыня Кантрольнай камісіі КПБ(б), генпракурор, затым наркам юстыцыі БССР і намеснік старшыні СНК БССР, з 1922 па 1923 г. займаў пасаду старшыні Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта) і Вульфу Абрамавічу Нодэлю (з 1920 г. як член УКП(б) знаходзіўся на партыйна-дзяржаўнай працы ў Беларусі: працаваў у прафзвязных арганізацыях, у ЦК Саюза працаўнікоў асветы Беларусі, ЦК Беларускай Кампартыі і ў ЦК ЛКСМ Беларусі, з 1922 па 1924 г. – наркам працы БССР) удзельнічаць у рабоце камісіі Прэзідыума ЦВК Саюза ССР па канчатковай падрыхтоўцы праекта саюзнай Канстытуцыі.

Як адзначае ў фундаментальнай працы «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» (т. 1) беларускі савецкі навуковец С.П. Маргунскі, у напраўках да тэксту праекта Канстытуцыі Саюза ССР, перададзеных ЦВК БССР у Канстытуцыйную камісію Прэзідыума ЦВК СССР, абгрунтавалася неабходнасць устанавлення для ўсяго Саюза агульных прынцыпаў унутранага гандлю з захаваннем права кожнай саюзнай рэспублікі на выкарыстанне мясцовых умоў; аднясенні да кампетэнцыі Саюза ССР устанавлення агульнасаюзнага народнагаспадарчага плана, вызначэння галін прамысловасці і прамысловых прадпрыемстваў агульнасаюзнага значэння; прадастаўлення саюзным рэспублікам права ўводзіць, акрамя агульнасаюзных, рэспубліканскія падаткі; стварэння адзінай для Саюза ССР Чырвонай Арміі; утварэння Савета Нацыянальнасцей на аснове прадстаўніцтва ўсіх савецкіх (саюзных і аўтаномных) нацыянальных рэспублік. Уносілася таксама прапанова аб прадастаўленні Прэзідыуму ЦВК СССР права адмяняць рашэнні ЦВК саюзнай рэспублікі, а сесіі ЦВК Саюза ССР – права прыпыняць дзеянне рашэнняў рэспубліканскіх з’ездаў Саветаў. Адзначалася не-

мэтазгоднасць аб’яднання і пераўтварэння ў бліжэйшы час у саюзна-рэспубліканскія органы наркаматаў асветы, аховы здароўя, сацыяльнага забеспячэння. Рэкамендавалася заканадаўча замацаваць раўнапраўе ўсіх моў саюзных рэспублік. Акрамя таго, уносіўся шэраг прапаноў па ўдакладненні асобных фармулёвак праекта Канстытуцыі Саюза ССР.

Адзначым, што большую частку рэкамендацый ад ЦВК БССР камісія Прэзідыума ЦВК СССР уключыла ў тэкст праекта Канстытуцыі СССР. Пагадзімся з С.П. Маргунскім, што гэта сведчыць аб значным укладзе БССР у канстытуцыйнае афармленне савецкай федэрацыі. Напрыклад, пры разглядзе праекта Канстытуцыі СССР у Канстытуцыйнай камісіі вялікая ўвага надавалася размежаванню кампетэнцыі саюзных рэспублік і Саюза ССР. Прэзідыум ЦВК БССР лічыў неметазгоднымі ў пачатковы перыяд стварэння саюзнай Савецкай дзяржавы самастойныя (без ведама ўрада СССР) дыпламатычныя зносіны саюзных рэспублік з капіталістычнымі дзяржавамі і выказаўся за стварэнне адзінага агульнасаюзнага органа, які прадстаўляе ўсе савецкія рэспублікі ў міжнародных адносінах – гэты пункт гледжання быў падтрыманы ўсімі рэспублікамі і адлюстраваны ў Канстытуцыі Саюза ССР.

У ходзе абмеркавання Канстытуцыйнай камісіяй пытання аб будаўніцтве Чырвонай Арміі прадстаўнікі РСФСР прапанавалі аднесці да вядзення ЦВК Саюза ССР устанавленне асноў будаўніцтва ўзброеных сіл. Прадстаўнікі БССР выказаліся за тое, каб ЦВК Саюза ССР не толькі ўстанаўліваў асновы будаўніцтва арміі, але і арганізоўваў яе. Канстытуцыйная камісія прызнала неабходным ускласці на ЦВК Саюза ССР як устанавленне асноў будаўніцтва, так і арганізацыю войска, што было таксама замацавана ў Канстытуцыі СССР.

Па прапанове прадстаўнікоў БССР быў устанавлены наступны прынцып: ні адна саюзная рэспубліка не можа ўступаць у эканамічныя ці якія-небудзь іншыя зносіны з капіталістычнымі краінамі без ведама і згоды Саюза ССР. Абмеркаваўшы пытанне аб арганізацыі ўнутранага гандлю, Канстытуцыйная камісія вырашыла ўключыць у праект Канстытуцыі Саюза ССР прапанаваны Беларускай ССР пункт аб тым, што агульнасаюзныя органы ўстанаўліваюць сістэму і агульныя прынцыпы ўнутранага гандлю, на базе якіх кожная саюзная рэспубліка, прымяняючыся да мясцовых умоў, сама прымае канкрэтныя рашэнні.

Прадстаўнікі ўсіх рэспублік, якія ўступілі ў Саюз ССР, выказаліся за неабходнасць распрацоўкі агульнасаюзных народнагаспадарчых планаў. Яны лічылі, што да кампетэнцыі Саюза ССР павінны быць аднесены ўстанавленне асноў планавання і выпрацоўка агульнага плана развіцця народнай гаспадаркі краіны, абавязковых для ўсіх саюзных рэспублік. Прадстаўнікі БССР і іншых саюзных рэспублік выказаліся

за захаванне за Саюзам ССР права вызначэння галін прамысловасці і прадпрыемстваў, якія маюць агульнасаюзнае значэнне. Прычым права перадачы адпаведных прадпрыемстваў у вядзенне агульнасаюзных органаў таксама павінна належаць Саюзу ССР, але пры абавязковым удзеле зацікаўленай рэспублікі ў вырашэнні гэтага пытання. Усе рэспублікі лічылі таксама, што Саюзу ССР павінны быць перададзены права заключэння канцэсійных дагавораў, якія маюць агульнасаюзнае значэнне, і кантроль за канцэсійнымі прадпрыемствамі, якія знаходзяцца на тэрыторыі рэспублікі.

Дэталёва абмяркоўваліся камісіяй бюджэтныя і падатковыя пытанні. Яна прыйшла да адзінага меркавання: у Савецкай дзяржаве павінны быць устаноўлены адзіныя манетная і крэдытная сістэмы, а права на эмісію дадзена Саюзу ССР. У канстытуцыйных камісіях саюзных рэспублік і ў Камісіі ЦВК СССР дэталёва абмяркоўвалася пытанне аб тым, ці павінны бюджэты рэспублік аўтаматычна ўключацца ў бюджэт Саюза ССР або падвяргацца папярэдняй праверцы і ацэнцы саюзнымі органамі. Было вырашана, што ЦВК Саюза ССР павінна належаць права папярэдняя праверкі рэспубліканскіх бюджэтаў. Палажэнне аб тым, што ў саюзны бюджэт уключаюцца бюджэты ўсіх рэспублік, было зафіксавана ў Канстытуцыі СССР толькі ў агульнай форме. Спецыяльнае рашэнне камісіі ЦВК БССР, у якім падкрэслівалася, што пры зацвярджэнні бюджэтаў рэспублік ЦВК Саюза ССР правярае агульныя сумы расходаў і даходаў кожнай рэспублікі і ступень забеспячэння іх уласнымі рэсурсамі, увайшло пасля ў Палажэнне аб дзяржаўным бюджэце.

Як адзначае С.П. Маргунскі, прадстаўнікі Наркамфіна РСФСР выказваліся супраць прадастаўлення рэспублікам права самастойна ўводзіць рэспубліканскія падаткі. Прадстаўнікі БССР і іншых рэспублік лічылі, што за кожнай саюзнай рэспублікай трэба захаваць у пэўных межах права ўстанаўлення сваіх падаткаў. Пры гэтым улічвалася, што тэмпы развіцця рэспублік будуць і ў далейшым неаднолькавымі. Некаторыя з іх у сувязі з гэтым павінны будуць выкарыстоўваць такія крыніцы даходаў, якія для ўсяго Саюза не адыгрываюць вялікай ролі, а для рэспублікі маюць важнае значэнне. Пасля дэталёвага абмеркавання было вырашана ўключыць у праект Канстытуцыі палажэнне аб тым, што рэспублікі могуць уводзіць свае падаткі з дазволу ЦВК Саюза ССР. Мясцовыя падаткі, устаноўленыя для фінансавання тых ці іншых мясцовых патрэб, былі пакінуты ў выключным вядзенні рэспублік.

У ходзе абмеркавання структуры ЦВК Саюза ССР у Канстытуцыйнай камісіі ўзнікла пытанне аб характары яго другой палаты – Савета Нацыянальнасцей: ці з’яўляецца яна органам, які прадстаўляе толькі саюзныя рэспублікі, ці павінна прадстаўляць усе нацыянальныя рэспублікі

краіны? Улічваючы меркаванне прадстаўнікоў саюзных рэспублік, у тым ліку і БССР, Канстытуцыйная камісія прызнала, што ў Савецкай Нацыянальнасцей павінны быць прадстаўлены ўсе нацыянальныя рэспублікі і аўтаномныя вобласці краіны.

У выніку абмеркавання пытання аб узаемаадносінах СНК СССР і саюзных наркаматаў з цэнтральнымі органамі дзяржаўнага кіравання саюзных рэспублік было вырашана, што агульнасаюзныя наркаматы шляхоў зносін, па замежных справах, па ваенных і марскіх справах, знешнім гандлі, пошт і тэлеграфам павінны мець у саюзных рэспубліках сваіх упаўнаважаных і праз іх ажыццяўляць кіраўніцтва адпаведнай галіной дзяржаўнага кіравання. Аб’яднаныя саюзна-рэспубліканскія народныя камісарыяты працы, харчавання, фінансаў, рабоча-сялянскай інспекцыі і ВСНГ павінны ў сваёй дзейнасці кіравацца дырэктывамі адпаведных саюзных наркаматаў. Прадстаўнікі РСФСР унеслі прапанову аб тым, каб і астатнія наркаматы (асветы, аховы здароўя, сацыяльнага забеспячэння) уваходзілі ў склад СНК СССР. Аднак прадстаўнікі іншых рэспублік, у тым ліку і БССР, выказаліся супраць гэтай прапановы. Яны ўказвалі, што аб’яднанне гэтай групы рэспубліканскіх наркаматаў акажацца магчымым толькі праз некаторы час, калі выраўнуюцца ўмовы развіцця саюзных рэспублік і тэмпы іх гаспадарчага і культурнага будаўніцтва.

Канстытуцыйная камісія ўсебакова разгледзела пытанне аб гарантыях суверэнітэту кожнай саюзнай рэспублікі. У выніку абмеркавання склалася аднадушнае меркаванне, што асноўная і сапраўдная гарантыя – гэта права выхаду кожнай рэспублікі са складу Саюза ССР. Такое права саюзных рэспублік і было заканадаўча замацавана ў Канстытуцыі СССР.

У ліпені 1923 г. другая сесія ЦВК СССР зацвердзіла тэкст Канстытуцыі. Затым Канстытуцыю ратыфікавалі ўсе чатыры саюзныя рэспублікі: РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР. Канчатковы тэкст Канстытуцыі СССР быў зацверджаны на II Усесаюзным з’ездзе Саветаў 31 студзеня 1924 г.

Кіраўніцтва БССР цесна звязвала статус рэспублікі ў саюзнай дзяржаве з вырашэннем беларускага тэрытарыяльнага пытання і рэалізавала курс на пашырэнне тэрыторыі дзяржавы. Перагляд граніц паміж БССР і РСФСР увайшоў у савецкую гісторыю як узбуйненне БССР. У 1924 г. у склад Беларускай ССР былі вернуты 15 паветаў і асобныя воласці Віцебскай, Гомельскай і Смаленскай губерняў. У выніку тэрыторыя рэспублікі павялічылася больш чым у два разы, колькасць насельніцтва склала 4,2 млн чалавек. У 1926 г. былі вернуты Гомельскі і Рэчыцкі паветы, што ўяўляла сабой важны этап у працэсе аб’яднання беларускай нацыі, які быў завершаны толькі ў верасні 1939 г. з аб’яднаннем БССР і Заходняй Беларусі.

Таким чином, включенне БССР у склад СССР стала важным этапам развіцця беларускай дзяржаўнасці. Беларускія дзяржаўныя і партыйныя дзеячы актыўна ўдзельнічалі ў стварэнні СССР і распрацоўцы першай Канстытуцыі СССР 1924 г.

УДК 340.128

О.О. Лемешевский

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВА

Переломным моментом истории всей науки, в том числе и юридической, был 1917 г. Приход в октябре 1917 г. к власти большевиков наметил масштабные реформы в стране, что не могло не затронуть правовую сферу. Поскольку право является важнейшей составляющей общественной жизни, и регулирует практически все отношения, складывающиеся в повседневной жизни граждан.

Особенно трудными для юридической науки, образования были первые годы советской власти. Новые специфические источники права, отсутствие четкого определения советского права требовали решительных шагов для заполнения пробелов. Революционные преобразования, безусловно, имели положительное значение для различных правовых институтов.

Например, инновации, затронувшие трудовое и семейное право, социальное обеспечение, в значительной мере носили передовой характер. В дальнейшем систематизация советского права закрепила эти изменения и дала толчок к развитию смежных положений, что способствовало росту юридической науки.

На основе анализа научной литературы выделяются следующие этапы становления права в первоначальный период после Великой Октябрьской социалистической революции:

1) 1917–1921 гг. (от процесса отмены буржуазных норм права после Великой Октябрьской социалистической революции и введения в науку категории пролетарского права до перехода к мирному социалистическому строительству и разработке принципов новой экономической политики, принятой 21 марта 1921 г. на X съезде ВКП(б));

2) 1921–1931 гг. (характеризовавшийся оживленной философской дискуссией о судьбах права и государства после пролетарской революции и допускавший определенный плюрализм концепций правопонимания, который завершился сплочением теоретиков права вокруг созданного журнала «Под знаменем марксизма», определившего в качестве

важнейших задач беспощадную критику всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в юридической науке);

3) 1931–1938 гг. (характеризующийся стремлением ученых-юристов критически переработать сложившуюся к тому времени систему взглядов о праве и утвердить общеобязательную марксистско-ленинско-сталинскую «генеральную линию» в юридической науке, которая была утверждена на Совещании Института права АН СССР по вопросам науки советского государства и права 16–19 июля 1938 г.).

Следует также отметить, что недостаточное внимание к праву в первый период образования Советского государства повлияло на юридическое образование в целом и его качественное состояние. Самым трудным периодом в этом плане было время Великой Отечественной войны. В РСФСР к началу 1945 г. среди работающих в народных судах высшее юридическое образование имели только 10 %, среднее – 24 %, юридические курсы – 46 % и не имело юридического образования – 18,5 %. Среди адвокатов юридического образования не имело 40 % состава. В связи с этим в октябре 1946 г. было принято постановление «О расширении и улучшении юридического образования в стране». Во исполнение этого постановления были организованы Высшие курсы усовершенствования юристов с годичным сроком обучения для переподготовки руководящих работников органов юстиции, суда и прокуратуры и девятимесячные юридические курсы для переподготовки народных судей, районных прокуроров и следователей. Последние были открыты в крупных городах страны.

В послевоенный период был принят закон, положивший начало международному уголовному законодательству в СССР – Закон от 12 марта 1951 г. «О защите мира». Им устанавливалась уголовная ответственность за пропаганду войны, в какой бы форме она ни велась. Следует отметить, что именно советской науке принадлежат глубокие разработки о преступлениях против мира и человечества. Еще в 1930-х гг., с захватом нацистами власти в Германии, в СССР появляются серьезные монографические исследования об ответственности за тяжкие международные преступления.

Сразу после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 г. началась интенсивная работа по подготовке нового уголовного законодательства. СССР создает фундамент уголовного законодательства, законы о государственных и воинских преступлениях, республики издают уголовные кодексы. Важным моментом изменения уголовного законодательства стала отмена существующего ранее принципа аналогии, т. е. общественно опасным стало считаться деяние, только прямо предусмотренное законом.

В последующем, в Конституции, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г., были закреплены новые понятия, такие как «всенародное обсуждение» и «референдум», определены новые гражданские права: право на обжалование действий должностных лиц; на судебную защиту от посягательства на честь и достоинство; на критику действий государственных органов и общественных организаций.

Таким образом, советская юридическая наука прошла длинный путь становления и преобразований. Основными препятствиями изменений были долгая разработка фундаментальных положений социалистического права, а также Великая Отечественная война. Однако в конечном итоге это не помешало советской юридической науке выйти на свой пик и утверждать прогрессивные положения первыми среди мирового сообщества.

УДК 351.746(09)

С.Г. Луговский

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Вопросам нормативного правового регулирования становления, развития и совершенствования нормативного правового регулирования деятельности милиции в сфере охранной деятельности уделяется должное внимание. В свою очередь, организационно-правовые основы деятельности милиции освещены в трудах белорусских ученых: В.А. Ананича, А.В. Вениосова, А.Ф. Вишневого, В.А. Данилова, А.С. Жмуровского, Н.И. Ильинского, А.И. Мурашко, М.А. Пашкеева, Л.М. Рябцева и др.

По мнению А.Ф. Вишневого, становление, развитие и совершенствование охранной деятельности на территории современной Беларуси происходило поэтапно в тесной взаимосвязи с периодизацией отечественной государственности. Необходимо отметить, что периодами становления и развития белорусской государственности являются периоды: 1) Российской империи (конец XVIII в. – 1917 г.), 2) советский (октябрь 1917 г. – август 1991 г.), 3) белорусская государственность на современном этапе (с 1991 г. по настоящее время).

В связи с проблематикой исследования актуальным представляется анализ советского периода. История охранной деятельности на терри-

тории современной Беларуси своими корнями уходит в далекое прошлое. Само слово «охрана» – производное от глагола «охранять», т. е. это отряд, организованная группа, военная организация, охраняющая что-либо.

Необходимо отметить, что длительное время функция охранной деятельности была присуща воинским формированиям. Так, после Февральской революции 1917 г. на смену царской полиции пришла народная милиция Временного правительства, а после Октябрьской – советская рабочая и рабоче-крестьянская милиция, как исполнительный орган государственной власти. Под руководством советских и партийных органов на территории Беларуси осуществлялись революционные преобразования: проводилась национализация банков и промышленности, устанавливался рабочий контроль над производством и распределением продуктов, конфисковывались помещичьи земли и создавались первые коллективные хозяйства крестьян и др. В связи с этим в данный период наиболее распространенной формой всеобщего вооружения народа стали отряды Красной гвардии, которые формировались на заводах и фабриках. Основной их обязанностью стала охрана средств производства, станков, оборудования, сырья, готовой продукции. Так, далее с 1921 г. во времена новой экономической политики владельцы мастерских, небольших фабрик, банков вынуждены были организовывать свои охранные службы.

Важно обратить внимание на тот факт, что правовые основы организации и деятельности народной милиции были определены в постановлении «Об учреждении милиции» и во Временном положении о милиции, изданных 17 апреля 1917 г. Именно в советский период государство брало на себя ответственность за сохранность не только казенного, но и частного имущества. Так, 28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД РСФСР приняло постановление «О рабочей милиции», в свою очередь, оно стало юридической основой создания местной милиции, но при этом милицейские органы не имели штатной структуры. Формирование отрядов рабочей милиции происходило, как правило, на добровольной основе. 14 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР принял решение о создании вооруженных отрядов Всероссийской чрезвычайной комиссии. Вместе с тем 15 мая 1918 г. НКВД направил губернским исполкомам распоряжение об организации профессиональной рабоче-крестьянской милиции и 18 июля 1918 г. в составе отдела местного управления НКВД образовано Управление советской рабоче-крестьянской милиции, вскоре реорганизованное в Главное управление. Так, в октябре 1918 г. НКВД и Наркоматом юстиции РСФСР была утверждена Инструкция об организации советской рабоче-крестьянской

милиции, в которой закреплялись правовые основы ее функционирования как штатного государственного органа для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Ее обязанностью являются охрана революционного порядка, гражданской безопасности и охрана собственности от преступных и иных противоправных посягательств. Так, согласно Конституции ССРБ 1919 г. частная собственность на землю отменялась, и весь земельный фонд объявлялся общегосударственным достоянием; все леса, недра и воды, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявлялись национальным достоянием.

Вместе с тем 1 августа 1918 г. Центральный аппарат рабоче-крестьянской милиции преобразован в Управление советской рабоче-крестьянской милиции, в составе Отдела местного правления НКВД РСФСР. Далее 7 октября 1918 г. Управление советской рабоче-крестьянской милиции преобразовано в самостоятельное Главное управление милиции (ГУМ) НКВД РСФСР. В 1919 г. в подчинение НКВД РСФСР были переданы войска внутренней охраны. 21 февраля 1919 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны». Наряду с этим 28 мая 1919 г. Совет рабоче-крестьянской обороны принял постановление о передаче всех войск вспомогательного назначения в подчинение НКВД, переименовав их в войска внутренней охраны (ВОХР). В свою очередь, 23 января 1920 г. Совет рабоче-крестьянской обороны возложил на войска ВОХР охрану и оборону железных дорог и железнодорожных сооружений по всей территории РСФСР. Кроме этого 31 января 1920 г. на войска ВОХР возложена охрана лагерей принудительных работ.

Необходимо отметить, что 13 августа 1920 г. были предприняты усилия по централизации милицейского аппарата Белоруссии. В связи с этим руководство Минской губмилиции были переименованы в Управление рабоче-крестьянской милиции республики и 1 сентября 1920 г. СТО приняло постановление о создании войск внутренней службы. В них вошли войска ВОХР, караульные, желдоробороны, желдормилиции, водной милиции и др. Так, 30 ноября 1920 г. было принято первое Положение о Главмилиции ССРБ. Проведенный анализ свидетельствует о том, что довольно часто организационная структура органов милиции в 20-е гг. XX в. подвергалась изменениям, что говорило о малоэффективности органов отраслевого управления и являлось рецидивом военного коммунизма.

Отметим, что в конце 20-х гг. XX в. в целях укрепления общественного порядка на территориях домовладений и прилегающих к ним улицах и переулках было разрешено создавать подразделения охраны.

В свою очередь, СНК РСФСР в целях укрепления общественного порядка разрешил исполкомам создавать подразделения ведомственной милиции для охраны общественного порядка на территории домовладений и прилегающих к ним улиц и переулков. В связи с этим в 1920-е гг. в г. Минске и г. Витебске начали формироваться отряды (команды) ночной охраны. Для этого разрабатывались маршруты патрулирования, и сотрудники осуществляли патрулирование в пешем порядке, на лошадях, а также привлекались мотопатрули и автомобили. Кроме этого, в указанный период ГУМ был разработан первый типовой договор на принятие объектов под охрану.

Дальнейшие изменения в организационной структуре органов милиции происходят тогда, когда наметился рост преступлений, посягающих на финансовую и экономическую основу Советского государства. Важно обратить внимание на тот факт, что в 1920 г. промышленное производство в Беларуси составляло 23,3 % от объема производства 1913 г. Выпуск сельскохозяйственной продукции сократился вдвое. Основным направлением деятельности милиции Белоруссии в этот период становится борьба с имущественными преступлениями. В этот временной промежуток огромное значение сыграло привлечение населения Белоруссии к охране общественного порядка, борьбе с преступностью и охране объектов. Так, во многих сельских Советах стали формироваться инициативные группы по борьбе с бандитизмом и охране особо важных объектов. В соответствии с приказом РВС Витебского района от 5 сентября 1921 г. охрану линий телефонной и телеграфной связи осуществляло местное население, путем выставления в ночное время дозоров. В связи с этим начальником Витебской губернской милиции предписывалось способствовать организации сторожевого охранения селений силами самообороны, тщательно охранять кооперативы, лавки и в случае проникновения на охраняемые объекты обращаться за помощью в милицию и воинские части.

Значимым нормативным документом стало принятое 19 января 1925 г. НКВД РСФСР Положение о ведомственной милиции, а 24 февраля была объявлена Инструкция о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности. В последующем был издан ряд нормативных актов, совершенствующих организацию и деятельность ведомственной милиции. Так, в апреле 1925 г. было утверждено Положение о дворниках и ночных сторожах, согласно которому на них возлагались обязанности по оказанию помощи милиции в надзоре за порядком, по поддержанию спокойствия, охране собственности в пределах своего участка. Кроме этого, 21 августа 1926 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление о создании промышленной милиции. На нее возлага-

лась охрана на договорных началах государственных, общественных и частных предприятий, а также охрана общественного порядка на их территории. В свою очередь, промышленная милиция содержалась за счет охраняемых предприятий. Вместе с тем 12 мая 1927 г. СНК СССР принял постановление о создании военизированной охраны для охраны предприятий и сооружений, имеющих особое значение для государства, и об организации военной охраны силами войск ОГПУ предприятий и сооружений, имеющих исключительное значение для обороны страны.

Необходимо отметить, что на белорусских землях 1 апреля 1928 г. для охраны лесных массивов вместо существовавшей ранее лесной стражи (лесников) в четырех лесничествах Беларуси (Марковецком и Макеевском Гомельского округа, Ленинском и Пуховичском Минского округа) была создана лесная милиция. Изменения политико-экономических условий жизни общества в послевоенные годы выдвинули новые приоритеты в сфере охранной деятельности, но борьба с преступностью и охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и охрана собственности оставались основными ее направлениями.

Послевоенные годы характеризуются становлением нормативно-правовой базы деятельности органов внутренних дел. В 1948 г. вводится в действие Устав постовой и патрульной службы, предусматривающий новые положения по обеспечению охранной деятельности. Так, 5 сентября 1962 г. образовано Министерство охраны общественного порядка (МООП) БССР, вся работа которого строилась в соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел БССР, утвержденным 30 января 1962 г. постановлением Совета Министров БССР. Немаловажным направлением деятельности милиции в рассматриваемый период являлась деятельность по обеспечению охранной деятельности. Так, 11 декабря 1970 г. МВД СССР издало приказ «О создании ночной милиции и усилении охраны объектов народного хозяйства работниками милиции, вводимыми взамен сторожей обходных постов вневедомственной охраны». Учитывая указанные проблемы, главными направлениями деятельности милиции в 1960–1991 гг. была охрана общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения, осуществление охранной деятельности.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что становление и развитие охранной деятельности на белорусских землях – явление исторически обусловленное. Ретроспективный анализ нормативного правового регулирования охранной деятельности в рассматриваемый период свидетельствует о том, что задачи по охранной деятельности решались главным образом милицией и в значительной части населением.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ГАРАНТИЯ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ 1919, 1927, 1937 И 1978 ГГ.

За всю историю развития Беларуси как самостоятельного независимого государства было принято пять конституций, в которых право на неприкосновенность личности (гарантированная личности государством возможность, обеспечивающая ее физическую неприкосновенность, нравственную (духовную или моральную) и психическую неприкосновенность, индивидуальную свободу и личную безопасность) прошло свое развитие.

Первый конституционный акт белорусского государства в современном его понимании был принят 3 февраля 1919 г. как Канстытуцыя Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусь. Это конституционный акт крайне фрагментарно регламентировал личные права и свободы. Право на неприкосновенность личности не нашло в ней отражения ни в какой интерпретации, однако достаточно широко были изложены основания ограничения (в данном случае – лишения) прав отдельных категорий лиц (ст. 16): «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Советская Социалистическая Республика Беларусь лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Абсолютно аналогичное по содержанию положение содержалось в ст. 19 Конституции Белорусской Социалистической Советской Республики 1927 г.

Гораздо более существенной была регламентация неприкосновенности личности в Конституции (Основном Законе) Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) 1937 г. Здесь неприкосновенность личности уже не только закреплялась, но и обеспечивалась некоторыми юридическими гарантиями (системой закрепленных на конституционном уровне правовых норм, регламентирующих право на неприкосновенность личности, средства и способы его реализации, охраны, защиты и восстановления, а также полномочия в данной сфере государственных и общественных институтов). Так, ст. 127 этого правового акта определяла: «Грамадзянам СССР забяспечваецца недатыкальнасць асобы. Ніхто не можа быць арыштаваны інакш як па пастанове суда або з санкцыі пракурора». Кроме того, впервые провозглашалось равенство граждан СССР, определялся правовой статус судебной си-

стемы и прокуратуры как государственных органов, способствующих реализации прав граждан и защиту их от неправомерных посягательств. Также впервые в советском конституционном законодательстве Беларуси в ст. 128 нашли отражение неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки. Однако в ст. 131 Конституции БССР 1937 г. был закреплен уже существовавший ранее и применявшийся в государственной жизни термин «враг народа», закреплявший особый правовой статус соответствующего лица и возможность репрессивного воздействия на обладателя данного статуса.

И если Конституция БССР 1937 г. закрепляла лишь ряд фрагментарных гарантий права на неприкосновенность личности, то Конституция БССР 1978 г. регламентировала не только само указанное право, но и систему юридических средств, способствующих его реализации и защите (конституционно-правовых гарантий).

Порядок регламентации права на неприкосновенность личности (ст. 52) практически не изменился по сравнению с Конституцией БССР 1937 г. Однако существенно дополнились правовые гарантии его реализации.

Во-первых, государство продекларировало ряд конституционно-правовых принципов, поставленных во главу угла деятельности всех государственных органов, общественных формирований и граждан: социалистической законности, обеспечения охраны правопорядка, интересов общества прав и свобод граждан. Была провозглашена обязанность государственных органов, общественных организаций и их должностных лиц соблюдать Конституцию СССР, Конституцию БССР и советские законы (ст. 4). Отдельно регламентировался принцип равенства всех граждан перед законом (ст. 32).

Во-вторых, более широко были представлены права и свободы, способствующие реализации права на неприкосновенность личности. Так, ст. 52 гарантировалась неприкосновенность жилища, ст. 55 регламентировалось право граждан БССР на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и собственность, ст. 56 – право на обжалование действий должностных лиц государственных и общественных органов и возмещение вреда, причиненного их незаконными действиями.

В-третьих, в качестве дополнительных гарантий соблюдения прав и свобод граждан в данном нормативном правовом акте были предусмотрены обязанности государственных органов, общественных организаций, их должностных лиц и граждан. Так, государственные органы, общественные организации и их должностные лица были обязаны ува-

жать личность, охранять права и свободы граждан (ст. 55). В отношении граждан были предусмотрены обязанности:

- соблюдать Конституцию и законы (ст. 57);
- уважать права и законные интересы других лиц;
- быть непримиримыми к антиобщественным поступкам;
- всемерно содействовать охране общественного порядка (ст. 63).

В-четвертых, в качестве институциональных гарантий регламентировался статус судебной системы, прокуратуры, а также (впервые!) – адвокатуры. Так, ст. 160 данного правового акта определялось, что для оказания правовой помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов, а также указывалось на наличие возможности оказания такой помощи бесплатно.

Подводя итог, следует отметить, что право на неприкосновенность личности в конституциях закреплялось в одном ряду с такими важными личными правами, как право на свободу и достоинство личности. Значимость права на неприкосновенность личности подчеркивалось еще и тем, что, по сути, право на неприкосновенность личности закреплялось в Конституции одним из первых среди прав и свобод. Такая тенденция в правовом регулировании и его интерпретация присуща конституциям многих зарубежных государств и такой подход отвечает международным стандартам в области прав и свобод человека.

УДК 34(47 + 57)(091)

Е.М. Мазур

ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1940–1950 ГГ.

Актуальность и интерес к развитию уголовного права и его отдельных институтов в Советском Союзе обусловлены тем, что актуально рассмотрение содержания многочисленных нормативных правовых актов в области уголовного права советского периода в аспекте современного уголовного права, выявление особенностей уголовного права и института наказания того периода. Во многом уголовное право и право в целом показывает отношение государства к своим гражданам. Через уголовное право прошлого и современного можно выявить изменение обстановки в обществе, изменение государственного строя и изменение ценностей для общества и государства.

В Советском Союзе право, с точки зрения последователей марксизма, изменяет свою сущность. После Октября 1917 г., при приходе к вла-

сти большевиков, ситуация в юридической науке кардинально меняется: появляются новые теоретические постулаты, которые, по мнению некоторых исследователей, берут свое начало из марксизма.

Кардинальных изменений в уголовном праве в послевоенный период не происходило. Все нововведения в законодательстве касались, в общем и целом, отдельных правовых институтов, но стоит отметить одну общую тенденцию – четко выделенное усиление уголовной репрессии.

После окончания войны советским руководством были отменены либо признаны утратившими силу все нормативные акты довоенного периода, которые устанавливали уголовную ответственность за деяния, имеющие общественно важный характер только в условиях войны.

В первые годы после окончания войны применение смертной казни было достаточно распространенным видом наказания. К военным преступникам и пособникам немецко-фашистских оккупантов применялся квалифицированный вид смертной казни, а именно повешенье, которое приводилось в исполнение публично.

В мае 1947 г. смертная казнь была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР. В нем оговаривалась отмена смертной казни в мирное время, а преступления, караемые смертной казнью по установлению закона, теперь караются двадцатью пятью годами заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Определенное внимание было уделено преступлениям против собственности, ответственность за которые была ужесточена. Свое четкое определение получила государственная уголовная политика: первостепенная защита государственной и общественной собственности. Лицо, уличенное в краже, хищении имущества или в его растрате, наказывалось лишением свободы на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества.

Усиленной борьбой с преступностью объяснялось ужесточение ответственности и применение внесудебных репрессий, что воспринималось союзным руководством как средство выполнения государственных задач.

Если преступление совершалось повторно, либо организованной группировкой, либо при хищении крупных размеров, срок заключения мог быть увеличен до двадцати пяти лет лишения свободы. Лишением свободы на срок от пяти до восьми лет, либо от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества карались посягательства на колхозное либо общественное имущество.

Соккрытие известных фактов о готовящемся либо совершенном преступлении также каралось тюремным заключением, либо ссылкой на срок от пяти до семи лет.

Разглашение государственной тайны, хищение документов, содержащих государственную тайну, изготовление и сбыт самогона и продажа самогонных аппаратов, изнасилование и попытка изнасилования объявлялись тяжкими преступлениями против общественной безопасности и также карались по всей строгости закона.

12 января 1950 г. «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры» Президиум Верховного Совета СССР своим указом восстановил применение смертной казни к «изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам». На данное решение повлияло и серьезное ухудшение криминальной ситуации в местах лишения свободы: преступники, имевшие предельные сроки лишения свободы, совершали тяжкие преступления, в том числе убийства осужденных, не опасаясь за свою жизнь.

Уже в октябре 1950 г. к смертной казни были приговорены фигуранты «ленинградского дела», а в 1952 г. к смертной казни были приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР тринадцать обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета. Открытый судебный процесс и смертная казнь планировались по делу «врачей-отравителей».

Всего же в 1946–1947 гг. и в 1950–1952 гг. к смертной казни было приговорено по политическим обвинениям 7 697 человек.

Таким образом, уголовно-правовые нормы, которые были приняты союзным законодательством в послевоенный период, использовались советским руководством как средство идеологической борьбы. Необходимость ужесточения норм уголовной ответственности была обусловлена необдуманными действиями правительства сразу после окончания войны, а именно массовой амнистией, которая стала необдуманным шагом и привела к разгулу преступности и бандитизма.

УДК 340.1

В.Н. Матарас

ФОРМАЛЬНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ НОРМЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В научной литературе термин «правовая система» и сама правовая система рассматриваются как в узком, так и широком понимании, и, следовательно, в определении «правовая система» используется узкое и широкое толкование. Исследуя данный феномен в узком смысле, надо держать в уме, что правовая система – сложное явление и имеет раз-

личные масштабы. Дать определение правовой системе, соответствующее ее реальному содержанию, основанному на обобщении фактов, а не на «видении» автора и его философии мировоззрения, представляет определенную сложность. Правовая система поливариантна уже в силу различий между этносами (народами) и социокультурными системами.

Правовая система в своей основе – продукт сложного взаимодействия двух форм, социальной и этнической. В силу конгруэнтности с этносом и социумом она включает в себя эти феномены и имеет двойственную структуру, с одной стороны, натуральные процессы этногенеза, а с другой – организацию социума. В основе этнической системы – коллектив с его динамическими процессами и месторазвитием, что предполагает привязку к определенной территории, контакт с соседями, влияет на выбор «донора» в культуре или создание собственной оригинальной системы социокультурных доминант. Одновременно этнос как вспомогательную систему и форму выживания и защиты создает социальные институты и закрепляет формальную систему норм.

Двойственность правовой системы заключается в том, что этнос как биофизическая система при адаптации на основе стереотипов поведения создает латентную нормативную систему, а социум – жесткую организацию социума – кристаллизацию правовых и социальных институтов в зафиксированных нормах, с целью сохранения определенного идеала поведения. Правовая система включает и ту и другую сферу. Эта двойственность создает систему латентных и формальных норм, где граница между этническими, социальными и правовыми нормами достаточно условна и подвижна. Все эти элементы и компоненты, диалектически взаимодействуя, в режиме реального исторического времени создают живой поток действительности.

В правовой системе взаимодействуют первичные этнические латентные нормы и вторичные нормы формального права, создаваемые при организации социума. Понять эти явления и всю сложность правовой системы представляет определенную трудность. Мы видим формальные нормы права и институты социума, но не видим латентные нормы этноса, которые воспринимаем подсознательно как само собой разумеющееся и понятное всеми поведение.

Каждая правовая система своеобразна именно в силу различия ее латентных норм и их объема влияния в то или иное время. Несмотря на внешнее сходство, по внутреннему содержанию, в зависимости от особенностей социокультурных доминант и латентных норм правовой системы всегда отличаются друг от друга. Даже если формальная норма права устраивает большинство в коллективе, то и в этом случае, в силу

ее жесткой конструкции по отношению к иррациональному и живому, создается адаптивная этническая латентная норма.

Интернациональные слова (например, Конституция, право, норма и т. д.), несмотря на кажущуюся простоту и ясность, не выражают это глубинное содержание поведения коллектива. У эллинов, римлян, немцев, русских трактовка этих концептов в смысле реального этнического содержания и смысловых понятий различается.

История народа не может идти как одномерный юридический конституционный процесс. Его жизнедеятельность никогда не идет прямо, а чаще с обрывами и иногда с уходом в никуда. Состояние коллектива, его стереотипы поведения изменяются в течение реального исторического времени. Содержание правовой системы необходимо искать не только в тексте закона, но и в латентных нормах и функциях, так как латентные нормы создают определенный правопорядок, параллельный формальному.

Обращаясь к юридической терминологии, следует учитывать, что реальное содержание коллектива постоянно трансформируется и, следовательно, изменяются стереотипы и императивы поведения, в результате возникает разбежка между формальным правопониманием и реальными жизненными правоотношениями. Здесь сложная полифакторная системная связь, которая функционирует в силу потенции ведущего слоя и правящей группы и состояния всего коллектива. Именно ведущий слой устанавливает императивы поведения, взаимодействующие со стереотипами поведения коллектива и его групп, и принимает социокультурную доминанту, являющейся основой правовой доктрины.

Поскольку живой поток – явление динамическое, т. е. постоянно, в части или в целом трансформируется, но в силу идеалов и целей социума стремится к стабилизации, то правовая система всегда в основе имеет два феномена, а их взаимодействие – интерференция двух линий развития или, говоря языком математики, двух относительно независимых переменных. Поднастройка формальных и латентных норм в живом потоке коллектива происходит постоянно в течение всего исторического времени жизнедеятельности этнической системы и приводит к тому, что наряду с живым потоком функционирует формализованный.

Взаимодействие живого и формализованного потоков в правовой системе напоминает два пересекающихся круга, у каждого из которых собственная сфера и сфера пересечения. Здесь имеем две нормативные системы, осуществляющие нормативные функции с вариациями схождения и расхождения этих кругов, и с увеличением или уменьшением точек пересечения. В позитивистской системе латентные нормы этноса

должны совпадать с формальными нормами социума (например, когда мы провозглашаем идеал правового государства). Но в реальности эти два феномена – нормативные системы этноса и социума, в силу динамики природы этноса и поднастроек социума всегда находятся в определенном разграничении.

В динамике живого потока изменяются функции латентных норм, но процесс рационализации правовой системы, который мы принимаем в виде формальных норм, приводит со временем к отдалению от жизненных «помех» и «шумов». Если даже мы переносим формальную норму из «чужой» системы, то слова и содержание отношений в позитивной норме содержательно будут различаться. Тем более они различаются в единицах мелкого масштаба – латентных нормах, в силу различия стереотипов и императивов поведения. Этих различий будет больше по содержанию в системе более высокого масштаба – социокультурного мира.

Поскольку формальная норма права есть математический алгоритм, то при столкновении математического алгоритма с живым потоком, т. е. феноменом физического мира, показания математики становятся неточными. Получается, что, создавая норму (т. е. математический алгоритм идеального ума), мы упрощаем и схватываем в формальной норме только часть объема нормирования в коллективе. Трудности в понимании правовых систем связаны, наряду с другими явлениями, именно с этим феноменом. Если рассматривать институты власти государства и правовую систему только монофакторно, то этот путь не приводит к ответам на многие вопросы.

При этом количественно и содержательно изменяются элементы правовой системы. Уходят или сокращаются в объеме одни, появляются другие. Одни латентные стереотипы и императивы поведения со временем трансформируются, а на их место становятся доминирующими другие. Например, часть этих неявных регулярностей закрепляется в нормах формального права, а часть продолжает функционировать латентно и со временем изменяются и те, и другие. Сам фактор реального времени уже создает разбежку в нормативной системе этноса и социума, и в идеале стремящейся к статике формальной системе норм. Поэтому правовая традиция постоянно изменяется – от дедов к внукам и всегда у внуков хоть чуть-чуть, да по-другому.

Чем больше в правовую систему привлечено рационального труда коллектива (ведущего слоя и правящей группы), тем более она становится жесткой и статичной. И чем меньше этого труда, тем больше система наполнена (инициирована) процессами в латентных нормах и функциях. Полностью система латентных норм и функций не сможет

никогда исчезнуть, как и не может исчезнуть физико-биологическое составляющее в природе человека и коллектива. Только в силу энтропийных процессов, когда этническая система распадается или ассимилируется, после себя она оставит часть кристаллизованных и рукотворных формальных норм права, как явление правовой культуры исчезнувшего народа – римское право, Законы Хаммурапи.

Полифакторность этого сложного диалектического явления нельзя рассматривать только с точки зрения филологии, т. е. нормативной формальной системы. Терминологическое рациональное схватывание в правовой норме по отношению к реальному живому потоку, несущему сложный объем этнически живого и иррационального, всегда приводит к упрощению. По В.И. Вернадскому, нельзя думать, что все явления, доступные нашему сознанию, подведутся под мыслительные формы, т. е. терминологию, а следовательно, логику формальных норм.

Понятно, что устойчивость и функционирование правовой системы не бесконечны, а состояние находится в определенной длительности. Латентные и формальные нормы в системе живого потока существуют в состоянии (в идеале) определенного равновесия, но не совпадают по объему нормирования. В реальной жизнедеятельности коллектива латентных норм и функций значительно больше.

Два типа живых потоков и их культурных доминант будут создавать различные правовые системы. Если не в явной формальной нормативной системе, то в латентной этнической будет всегда своя система норм. Попытка сравнить разные живые потоки имеет множество несводимых, неравноправных друг к другу форм. Поскольку этническая латентная норма более пластична и вариабельна, она более устойчива к изменениям и дольше сохраняет свое содержание, хотя также трансформируется, а рукотворная формальная норма права, в силу динамики времени, будет постоянно предрасположена к изменениям.

Трансформация правовой системы коллектива приводит к изменению содержания понятий между латентной и формальной нормами в «своей» социокультурной системе. Что и говорить, если такое несоответствие возникает как следствие перевода, т. е. переноса из «чужой» социокультурной системы формальных норм и институтов. Происходит разбежка между формальными нормами и содержанием латентных норм, поскольку в иной системе она будет наполняться иными смыслами. Терминологически переносится калька, оригинальный смысл которой утрачен, а значение подменено.

Творческий ведущий слой и правящая группа способны переработать формальную норму из иной системы социокультурных координат и

адаптировать ее к своим условиям, т. е. сохранить «старую» (иную) терминологию, но содержание априори будет своим, или латентные нормы будут функционировать параллельно и создавать свой правопорядок.

Живой поток идет плавно, а иногда с разрывами и зигзагами. В силу дления реального времени жизнедеятельности коллектива возникает расхождение между стереотипами ведомых слоев и императивами ведущего слоя с формальным (кристаллизованным) состоянием институтов социума, что создает поляризующее противоречие и раскол в социуме и этническом правовом поле. Это наглядно видно в возрастной «болезни» коллектива – стадийном цикле надлома, когда система раскалывается на две враждующие группировки – белые и красные, католики и протестанты. Возникают две «правды», т. е. две социокультурные доминанты с поляризующими формами борьбы.

Одна группировка хочет сохранить «старые» формальные институты и нормы правовых установок, принятые от предшествующих поколений, а вторая ищет выход в «справедливых» идеалах или пытается жить как у «передовых и цивилизованных» народов, т. е. заимствовать формальные социальные и правовые институты, без малейшего понимания о содержании компонентов этих институтов. Ни то, ни другое невозможно, так как реверс во времени невозможен, а заимствовать (например, путем аккультурации) формальную (филологическую) систему норм и институтов можно до определенного предела. Решение вопроса только политико-правовыми средствами правящей группы, например, «конструированием политической нации» или строительством путем «философской веры» (коммунизма), приводит только к упрощению системы. А крайняя форма упрощения – распад государства и социума, так как коллектив объективно связан с географией месторазвития и, неся в себе определенное мировосприятие, принимает органичное ему мировоззрение. А при органичном мировоззрении этносоциальная система усложняется, иногда в новых формах, но всегда при сохранении каких-то элементов традиции.

Для правовой системы самым благодатным временем является инерция спада темпоральности живого потока, когда живой поток этнической системы движется плавно и без разрывов. Чаще всего это происходит в стадии «городской цивилизации», когда в социуме доминирует городская обыватель и формальные и латентные нормы находятся в относительном консенсусе. Время стабилизации – это «золотое время» для правоведов и стабилизации правовой системы и относительного совпадения латентных и формальных норм.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Успешное функционирование органов внутренних дел по реализации правоохранительной функции всецело зависит от качественного и количественного кадрового обеспечения. В связи с этим переосмысление накопленного исторического опыта разрешения проблемных аспектов кадрового обеспечения органов милиции, особенно в критические моменты развития государственности, приобретает важное значение для современников.

Оценивая кадровое обеспечение органов милиции в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что подразделения милиции Советского государства в этот период испытывали серьезный дефицит кадров. В первую половину 1941 г. некомплект в милиции составлял 4,6 %, или 11 288 единиц. Великая Отечественная война обострила кадровую проблему во всех сферах деятельности, в том числе в органах милиции. Основной причиной дефицита кадров являлись мобилизация сотрудников милиции призывных возрастов в Красную Армию и массовый уход милиционеров добровольцами на фронт (по подсчетам различных исследователей, на фронт ушло около 25–30 % милиционеров). Значительная часть квалифицированных сотрудников территориальных подразделений милиции была откомандирована на укомплектование особых органов и подразделений НКВД СССР. Так, например, только из органов внутренних дел Казахстана за 1941–1942 гг. было призвано в ряды Красной Армии 4 426 человек, откомандировано в особые отделы 702 человека. В истребительные батальоны, которые создавались в начале войны, было направлено более 2 000 работников милиции.

Проблема дефицита кадров существовала на протяжении всего военного периода. По состоянию на 1 января 1944 г. укомплектованность аппаратов милиции составляла 89,6 % штатной численности.

Кадровая проблема проявлялась также в высокой текучести кадров личного состава. В 1943 г. из органов милиции по разным причинам было 13,4 % к общему числу работающих.

За период войны неуккомплектованность кадров в территориальных органах милиции увеличилась к ноябрю 1945 г. до 12,2 % (более чем 2,6 раза). В органах милиции были вакантными более 22 тыс. должностей.

Решение проблемы дефицита кадров в основном осуществлялось за счет лиц, не призывавшихся в Красную Армию, – женщин, мужчин пожилого возраста, инвалидов, граждан, не призванных в Красную Армию по возрасту, состоянию здоровья, комиссованных в связи с ранением военнослужащих.

Директивами от 4 сентября и 2 ноября 1941 г. НКВД СССР рекомендовал местным органам милиции принимать женщин в паспортные отделы, военно-учетные столы, регулировщиками уличного движения и на некоторые должности, связанные с оперативной работой по розыску эвакуированных. Женщины работали также в детских комнатах, в наружной службе, участковыми уполномоченными, постовыми милиционерами, многие в военный период были выдвинуты на руководящие должности.

По состоянию на 1 августа 1945 г. без учета переменного и обслуживающего персонала, общее число женщин-милиционеров составляло 30,2 % от общего количества сотрудников милиции. Так, в Ташкентскую межобластную школу милиции направлялись на учебу только женщины. Они проходили обучение и на двух курсах Сталинабадской специальной средней школы милиции. В органах милиции Омской области в 1942 г. женщины составляли 42,5 % к штатному составу. В милиции Москвы насчитывалось около 4 тыс. женщин, тогда как в довоенное время их было лишь 138 человек. В органах милиции Украины в 1944 г. женщины составляли 21,3 %.

Источником комплектования являлись эвакуированные работники милиции. Так, например, в 1941–1942 гг. производилась эвакуация работников железнодорожной милиции Винницкой, Кишиневской, Одесской, Львовской, Сталинской, Южной и других дорог. Эвакуированные сотрудники милиции были зачислены в доротдел Сталинградской дороги.

Еще одним источником кадров для органов внутренних дел являлись инвалиды. Так, например, в органах внутренних дел Казахстана работали 504 инвалида Великой Отечественной войны, из них 410 – в милиции.

В годы войны на работу в милицию возвращались лица пожилого возраста, ранее работавшие в милиции. Их опыт был востребован в это непростое время. Но в большинстве случаев места квалифицированных специалистов, обладавших опытом и необходимыми навыками службы в органах внутренних дел, заняли люди практически незнакомые со спецификой работы в органах милиции.

Дефицит кадров и перемещения, вызванные военной обстановкой, негативным образом отразились на продолжительности пребывания сотрудников на занимаемых должностях. Так, в территориальных под-

разделениях средний стаж работы до одного года имели 45,4 % сотрудников милиции, от одного года до трех лет – 41,2 %, от четырех лет и выше – 13,4 % сотрудников. При этом стаж до одного года имели 66,2 % заместителей начальников управлений милиции и помощники начальников управлений милиции, 47,3 % руководителей отделов управлений, 57,4 % руководителей отделений, 61,3 % начальников горрайотделов и горрайотделений с их заместителями. В целом за годы войны кадры милиции обновились более чем на 70 %. В Казахстане с 1 июля по 1 октября 1943 г. текучесть кадров составила 124,6 %. Ухудшение качественного уровня кадров милиции привело к снижению эффективности по всем направлениям деятельности милиции.

В связи с этим особую актуальность в военный период приобрели вопросы профессиональной подготовки сотрудников милиции. Наиболее подготовленным являлся руководящий состав территориальных органов милиции. Так, милицейские курсы к 1 января 1944 г. закончили 42,3 % начальников областных и городских управлений милиции и их заместителей, 24,7 % начальников отделов управлений и их заместителей, 22,7 % начальников отделений и их заместителей, 35,2 % начальников горрайотделов и горрайотделений. Наиболее неподготовленным в профессиональном отношении, особенно в начале войны, был рядовой и младший начальствующий состав, так как в большинстве случаев место квалифицированных специалистов, обладавших опытом и необходимыми навыками работы в органах внутренних дел, заняли люди различных профессий, незнакомые со спецификой работы в органах милиции.

Образовательный уровень сотрудников милиции был невысоким. На 1 января 1944 г. по территориальным подразделениям милиции высшее образование имели единицы сотрудников, среднее образование имели 50,2 % начальников областных управлений милиции и их заместителей, а также начальников городских управлений, 50,9 % начальников отделов и их заместителей. Среди причин низкого качественного состояния кадров милиции, в частности, руководящего и оперативного состава, следует назвать перевод части наиболее квалифицированных оперативных сотрудников в органы НКГБ и «СМЕРШ» и выдвижение в связи с этим большого количества рядовых сотрудников на руководящие должности. Кроме того, значительная часть квалифицированных сотрудников милиции была откомандирована в органы НКВД, формируемые на территориях, освобожденных от вражеской оккупации – в первую очередь в УССР и БССР.

Обращаясь к тематике кадрового обеспечения органов внутренних дел БССР в рассматриваемый период, необходимо отметить, что данная проблема приобрела значительную актуальность в 1943–1945 гг. Свя-

зано это было с тем, что в начальный период войны практически за два первых месяца территория БССР была оккупирована войсками Германии. Часть сотрудников милиции были мобилизованы в ряды Красной Армии, часть из них погибли в оборонительных боях, кто-то остался на оккупированной территории организовывать сопротивление (партизанское и подпольное движение), кто-то был эвакуирован в тыловые районы СССР.

В 1943 г. после освобождения первых территорий БССР была возобновлена деятельность НКВД БССР и возникла необходимость формирования территориальных органов внутренних дел на освобожденной территории. В этот период основными источниками комплектования кадров работников милиции БССР являлись:

личный состав оперативно-чекистских групп, которые вместе с частями Красной Армии вступали в освобожденные от немецко-фашистских захватчиков города и районы и на местах восстанавливали деятельность органов милиции. Из личного состава таких групп формировался прежде всего оперативно-начальствующий состав;

бывшие партизаны. За счет бывших партизан формировались городские и районные отделы милиции, УНКВД областей, НКВД БССР, а также истребительные батальоны;

сотрудники НКВД, направленные на постоянную службу в органы милиции БССР из других союзных республик СССР. Так, 1 июля 1944 г. для пополнения органов милиции БССР прибыли курсанты Московской городской школы милиции, которые были направлены в Вилейскую, Брестскую, Минскую и Барановичскую области. В органы милиции БССР полностью влился также весь рядовой состав Московского истребительного батальона. К концу 1944 г. в БССР было прислано: оперативного состава милиции – 2 103, рядового состава милиции – 453, руководящего состава истребительных батальонов – 273, работников детских коммун и детских приемников – 21 человек. Из своих резервов НКВД СССР в декабре 1944 г. выделил и направил в БССР 2 151 сотрудника для работы в милиции;

демобилизованные солдаты и офицеры, рабочие, колхозники; слушатели курсов и школ НКВД.

В этот сложный период на службу в органы милиции нередко принимались лица, ни по возрасту, ни по состоянию здоровья, ни по образованию не отвечающие требованиям, предъявляемым к кадровым сотрудникам милиции. Конечно же, это негативно влияло на реализацию правоохранительных функций органами внутренних дел.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в период Великой Отечественной войны в органах внутренних дел имела серьезная проблема с

кадровым обеспечением, главные причины которой носили объективный характер и были обусловлены военной обстановкой и отражались в дефиците кадров, связанном с уходом сотрудников милиции по призыву и добровольцами на фронт, высокой текучести кадров, обусловленной необходимыми в военный период должностными перемещениями, а также недостаточностью профессиональных знаний и навыков в связи с отсутствием опыта работы у значительного числа сотрудников милиции.

УДК 343.81

Д.А. Павленко

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ВИДА НАКАЗАНИЯ

Уголовно-исполнительное право и пенитенциарная практика Республики Беларусь базируется на научных разработках и практическом опыте в сфере исполнения наказаний советского периода белорусского государства. После прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик (СССР) в Беларуси не было категорически отвергнуто «советское пенитенциарное наследие», которое в течение 90-х гг. XX в. (т. е. первого десятилетия постсоветского периода белорусской современной истории) подверглось взвешенной оценке и анализу на уровне законодателя, ученых и пенитенциариев-практиков. По мнению автора, такой подход обеспечил преемственность между исправительно-трудовым правом Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) и уголовно-исполнительным правом Республики Беларусь, исправительно-трудовой системой БССР и уголовно-исполнительной системой современной Беларуси (УИС). Соответственно, ряд уголовно-правовых институтов, показавших свою эффективность в советский период белорусской истории, были сохранены и адаптированы к современной социально-правовой действительности, гармонично вписавшись в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь. Ярким примером здесь является наказание в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ).

В системе видов наказания, предусмотренных ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ограничение свободы с направлением в ИУОТ занимает промежуточную позицию между лишением свободы и наказаниями, не связанными с изоляцией от общества, отбывание кото-

рых предполагается по месту жительства осужденного. Порядок и условия отбывания ограничения свободы с направлением в ИУОТ позволяют охарактеризовать его как частичную изоляцию от общества либо «режим полусвободы». Ограничение свободы с направлением в ИУОТ – это особый вид наказания, отличный как от лишения свободы, так и от видов наказания, при отбывании которых осужденный не направляется в учреждение УИС. В этой связи ограничение свободы с направлением в ИУОТ может рассматриваться как альтернатива лишению свободы при назначении наказания за совершенное преступление, а также в качестве промежуточной ступени последовательной интеграции в общество лиц, освобождаемых из исправительных учреждений.

По мнению автора, указанный вид наказания оптимален в отношении лиц, которые совершили преступление под влиянием личностной дезадаптации (педагогической запущенности) и (или) влиянием ближнего социального окружения. Для возвращения таких лиц к социально приемлемому образу жизни достаточно лишь частично ограничить их свободу распоряжаться собой, поставив их поведение в определенные рамки, а также оградить от внешнего негативного влияния. После отбывания длительного срока лишения свободы перевод осужденного в ИУОТ в порядке замены неотбытой части наказания более мягким наказанием также будет способствовать его постепенной адаптации к жизни в обществе, а кроме того, позволит оценить устойчивость его стремления к ведению правопослушного образа жизни (что немаловажно в контексте предупреждения рецидивной преступности).

Здесь автор полагает важным подчеркнуть, что в Российской Федерации последние несколько лет (с 2016 г.) активно внедряется аналогичное наказание – принудительные работы с направлением в исправительный центр, фактически, предусматривающее частичную изоляцию от общества либо «режим полусвободы». При этом правовые и организационно-методические основы функционирования исправительных центров в Российской Федерации, по мнению автора, только формируются. В то же время в Республике Беларусь, благодаря внимательному отношению к «пенитенциарному наследию СССР», уже более двадцати лет эффективно функционирует система учреждений УИС, исполняющих наказание в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ.

Так, ограничение свободы с направлением в ИУОТ, как самостоятельный вид наказания, возникло в 1999 г. при переходе Республики Беларусь к современному уголовно-исполнительному праву на основе ранее существовавших в БССР уголовно-правовых институтов – условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (далее – условное осуждение) и условного освобождения из мест

лишения свободы с обязательным привлечением к труду (далее – условное освобождение). Автор согласен с мнением В.М. Хомича о том, что ограничение свободы – это не что иное, как закрепление условного осуждения в качестве самостоятельного вида наказания.

В СССР условное осуждение и условное освобождение, как самостоятельные меры уголовно-правового воздействия, в течение нескольких десятилетий являлись неотъемлемым элементом пенитенциарной практики. В течение данного периода накоплен определенный опыт организации процесса исправления осужденных в условиях частичной изоляции от общества, направления их в специализированное учреждение (спецкомендатуру) и осуществления за ними надзора. Успешность такой практики в значительной степени предопределила необходимость введения отдельного наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ.

Следует признать, что в СССР изначально введению условного освобождения и условного осуждения во многом способствовали причины экономического плана, о чем свидетельствуют названия соответствующих указов Президиума Верховного СССР: Указ от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, ставших на путь исправления, для работы на строительстве народного хозяйства» и Указ от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением к труду» (далее – Указ 1970 г.). Безусловно, важным фактором, обусловившим введение условного освобождения, стала необходимость направления трудовых ресурсов на крупные строительные объекты, имеющие важное стратегическое значение для промышленности СССР (далее – стройки народного хозяйства)¹.

Сущность условного освобождения состояла в том, что «осужденный, отбывший определенный срок наказания в ИТУ и ставший на путь исправления, направлялся на стройку народного хозяйства под условием, что он своим добросовестным трудом и примерным поведением оправдает оказанное ему доверие». Здесь советский законодатель исходил из того, что начатый в исправительно-трудовом учреждении процесс исправления осужденного может быть продолжен «на стройке народного хозяйства в течение всего неотбытого срока наказания в виде лишения свободы либо его определенной части». Вопрос об условном освобождении рассматривался в отношении трудоспособных осужденных к лишению свободы, которые стали на путь исправления и

¹ Под термином «стройка народного хозяйства» понимается весь спектр объектов промышленности СССР.

добровольно выразили желание «искупить свою вину честным трудом на стройках народного хозяйства», при условии отбытия ими определенной части срока наказания в виде лишения свободы. Само по себе условное освобождение позиционировалось в качестве испытательного срока, в течение которого осужденный «своим отношением к труду, к правилам социалистического общежития и к выполнению специальных правил поведения должен оправдать оказанное ему доверие». Аналогичным образом, в качестве испытательного срока, рассматривалось условное осуждение, назначаемое по приговору суда лицам, совершившим преступление (с 1970 г.). В течение испытательного срока к поведению осужденных предъявлялся ряд требований, которые возможно разделить на три группы, как это предложено Ю.М. Ткачевским:

1) требования к трудовой деятельности, регламентируемой трудовым законодательством СССР, за исключением права увольнения по собственному желанию и отказ от предложенной работы;

2) требования к соблюдению правил социалистического общежития, под которыми понимались общественные отношения, защищенные административным законодательством (в первую очередь общественные отношения в сфере общественного порядка и нравственности);

3) требования по соблюдению специальных правил поведения, которые заключались в следующем:

работать на объекте (участке работы), который определен администрацией стройки народного хозяйства (спецкомендатурой);

без разрешения администрации стройки народного хозяйства не покидать территорию административного района ее расположения;

являться для регистрации в спецкомендатуру с установленной периодичностью, но не менее одного раза в три месяца.

После снятия с учета спецкомендатуры условно осужденный (освобожденный) мог продолжить работу на стройке народного хозяйства, где у него уже были налажены отношения с коллегами и руководством, сложился определенный авторитет. Заинтересованная в кадрах администрация стройки народного хозяйства способствовала созданию условий, мотивирующих условно освобожденных (осужденных), проявляющих правоупослушное поведение, не менять место работы после снятия с учета спецкомендатуры. Им выделялись места в общежитиях семейного типа, осуществлялась постановка на очередь для получения собственного жилья. Решение жилищного вопроса являлось здесь важным аргументом, учитывая, что нередко условно освобожденные (осужденные) создавали семьи в течение нахождения на учете в спецкомендатуре. Уже с 1964 по 1970 г. стал прослеживаться не только экономический, но и ресоциализирующий эффект от введения условного освобождения.

Показательно, что Указ 1970 г. содержал норму, согласно которой «лица по окончании определенного судом срока условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду считаются не имеющими судимости, если в течение этого срока они не совершат нового преступления». В связи с этим автор согласен с Н.И. Загородниковым, рассматривающим условное осуждение как «новое проявление социалистического гуманизма, представляющее собой дальнейшее совершенствование средств, применяемых в борьбе с преступностью», «еще одну меру, направленную на то, чтобы лиц, совершивших преступление, не изолировать от общества».

Во второй половине 1970-х гг. в СССР принимаются меры к «развитию системы исправления и перевоспитания правонарушителей без полной изоляции от общества». В этой связи вносится ряд изменений в законодательство СССР и союзных республик, значительно расширяющих сферу применения условного освобождения и условного осуждения. В начале 1977 г. функции по координации практики применения условного осуждения и условного освобождения отнесены к ведению самостоятельной управленческой вертикали, которую составили Пятое главное управление МВД СССР, Пятое управления МВД союзных республик и пятые отделы областных управлений внутренних дел. Пятое главное управление на государственном уровне позиционировалось как «служба исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы». Показательным в этой связи является письмо Министра внутренних дел СССР генерала армии Н.А. Щелокова «Об актуальных проблемах создания службы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы», датированное февралем 1977 г., в котором указывалось буквально следующее: «Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что создаваемая служба является действительно новой, а не традиционной, и не имеет аналогов в социальной практике органов внутренних дел».

С 1977 г. берет свое начало процесс систематизации и совершенствования практики исполнения условного освобождения и условного осуждения. С 1977 по 1982 г. в СССР реализован комплекс мероприятий, благодаря которым, как указывает В.И. Селиверстов, «условное освобождение и условное осуждение заняли «прочное место в системе уголовно-правовых мер», а спецкомендатуры оформились как «подразделения, непосредственно осуществляющие работу по исправлению и перевоспитанию осужденных, находящихся на свободе».

В 1982 г. в официально опубликованном докладе руководителя Пятого главного управления МВД СССР было отмечено следующее: «последние пять лет условно освобожденными и условно осужденными выполнен объем строительного-монтажных работ на сумму более двенад-

цати миллиардов рублей» и «за тот же срок не мало условно осужденных и условно освобожденных сняты с учетов спецкомендатур и вернулись к нормальной трудовой жизни, каждый пятый-шестой, приобретя строительную специальность, остался на постоянной работе там, где проходил трудовое перевоспитание». Это подтверждает мнение А.В. Шаркова о том, что «привлекая условно освобожденных (осужденных) к общественно полезному труду, государство преследовало целью не только создание их усилиями материальных ценностей, но и ресоциализацию этих лиц».

В 1999 г. описанный выше положительный опыт советской пенитенциарной практики «взят на вооружение в Республике Беларусь» при разработке правовых и организационно-методических основ исполнения ограничения свободы с направлением в ИУОТ как самостоятельного наказания (показательно, что ИУОТ создавались на базе спецкомендатур). В течение первого десятилетия XXI в. практика исполнения данного наказания прошла период своего становления. В настоящее время в Республике Беларусь функционируют 28 ИУОТ, которые занимают важное место в системе учреждений УИС.

Таким образом, бережное и внимательное отношение к «советскому наследию» позволило Республике Беларусь «быть на шаг впереди» в сфере исполнения наказаний, так как в ряде государств постсоветского пространства приходится «с нуля» воссоздавать уголовно-правовые институты, по своей сущности аналогичные ограничению свободы с направлением в ИУОТ.

УДК 340.114.5

В.И. Павлов, Е.И. Стабровский

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

После начала социальных преобразований в России, связанных с политическими событиями 1917 г., новый вектор в изучении получило и правосознание. Характерной особенностью советских правовых исследований следует отметить уход от научных достижений ученых Российской империи. Как отмечает В.П. Малахов, «утрата интереса к мировоззренческим основаниям права привела к тому, что право начинает рассматриваться лишь как инструмент политики, как формальный принцип организации и деятельности государства». Главенствующее место получают марксистские идеологические установки. Ученые периода станов-

ления СССР приняли меры к выработке своего категориального аппарата, который согласовывался с господствующей идеологией и раскрывал содержание проводимой в государстве правовой политики.

С 1917 г. до середины 50-х гг. XX в. представителями юридической науки (Е.Б. Пашуканис, М.А. Рейснер, П.И. Стучка и др.) правосознание рассматривалось в рамках марксистского учения, базирующегося на материалистическом подходе. П.И. Стучка отмечает, что правосознанием является сознание победившего взявшего государственную власть класса о своем интересе. Поиск ответов на вопросы о природе, сущности и содержании правосознания был связан преимущественно с разработкой проблем правовой идеологии. Так, Е.Б. Пашуканис и М.А. Рейснер отмечали, что марксист может изучать право лишь как один из подвидов общего вида идеологии. П.И. Стучка выступил одним из разработчиков Декрета «О суде» № 1 (1917 г.), где впервые введено в советскую практику понятие «революционное правосознание». П.И. Стучка указывал, что революционное правосознание победившей революции выражается в том мировоззрении, которое изложено в программах победивших революционных партий.

Революционное правосознание выступало одним из источников права в силу значительного числа имеющихся пробелов в праве. Революционное правосознание было понятием практически, не имеющим теоретической разработанности. Вопросам структуры правового сознания в данный период внимание не уделялось. Правовая идеология рассматривалась как диалектико-материалистическая категория и составляющая надстройки. Результаты правовых исследований данного периода послужили основой для формирования советской теории правового сознания, а правовая идеология впервые в юриспруденции рассматривается в контексте правового сознания.

С конца 50-х гг. и в период 60-х гг. XX в. восстанавливается научный интерес к изучению вопросов правосознания, которое начинает рассматриваться как отношение субъектов к существующему праву. Помимо обращения к идеям, взглядам и прочим теоретическим воззрениям актуальность приобретает психологическая сторона правового сознания.

Советский правовед И.Е. Фарбер одним из первых начал рассматривать психологические аспекты правового сознания, а также предложил и обосновал структуру правового сознания. В работе «Правосознание как форма общественного сознания» (1963) И.Е. Фарбер выделил такие элементы правосознания, как *правовая идеология* и *правовая психология*. Его исследования посвящены взаимосвязи и взаимодействию этих двух элементов как составных частей общественного правосознания. Вопросы правовой психологии в контексте правосознания стали разра-

батывать К.Т. Бельский, Е.А. Лукашева, И.Ф. Покровский, И.Ф. Рябко и др. При этом по-прежнему подчеркивались классовая природа правосознания, а доминирующая роль в правосознании отводилась правовой идеологии. Так, например, И.Ф. Рябко рассматривал деформации правосознания в обществе и объяснял их тем, что правовая идеология охватывает правовую действительность лишь в основном, главном, а правовая психология, в свою очередь, не может дать ее тождественного отражения. Правовая идеология, по его мнению, является объективным показателем уровня правосознания в обществе.

В результате в данный период формулируются базовые положения теории правового сознания, которое определяется как форма общественного сознания и состоит из правовой идеологии и правовой психологии.

В советской юридической литературе 70–80-х гг. XX в. признавалась точка зрения, согласно которой теория правосознания наряду с теорией государства понималась как самостоятельная составная часть теории государства и права. Рамки марксистской методологии исключали альтернативные подходы к решению вопросов о сущности и природе правосознания. Важно отметить, что многие исследователи рассматриваемого периода внесли существенный вклад в становление и развитие теории правосознания, несмотря на отсутствие методологического плюрализма.

Именно в данный период начинается разностороннее освещение ценностных, социокультурных аспектов правосознания, которые получили широкое развитие в настоящее время. Правовое сознание связывается с понятиями ценностных ориентаций, ценностей, правовых ценностей. Так, А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремова под правосознанием понимают «сферу общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях».

По мнению В.А. Щегорцова, правосознание представляет собой «взгляды, идеи, мысли, представления, убеждения, ценностные ориентации людей, которые выражают знание, понимание и классовое осознание необходимости установления и функционирования определенного правопорядка в обществе, действующего права, отношение к его требованиям, проявляющееся в форме активных социально значимых действий в сфере общественных отношений, как урегулированных нормами права, так и требующих такого регулирования». В.А. Щегорцов отмечает, что «правосознание не просто отражает окружающую

социально-правовую действительность, но и выступает в качестве необходимой идеологической и социально-психологической предпосылки создания правовых норм и институтов, направленных на достижение целей ... всего общества».

В этой связи развиваются представления о функционировании правовых ценностей на уровне индивидуального правосознания, на уровне личности. Е.А. Лукашева отмечает, что «индивидуальное правосознание как регулятор поведения личности в правовой сфере складывается в результате общих и специфических условий деятельности личности, системы ее правовых и иных ценностей, особенностей ее психических механизмов, установок». Е.А. Лукашева подчеркивает, что «в центре всех правовых явлений находится человек, личность. Правовые нормы, институты, ценности адресованы к его сознанию, психике».

В свою очередь, А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова указывают на то, что «ценности, опосредованные правом (правовые ценности), включены в ценностно-нормативную систему индивида, группы, общества. Практическое поведение зависит от того, какой системой предпочтений руководствуются люди и какое место занимает та или иная ценность в этой иерархической системе».

В.В. Лазарев отмечает, что «поступки людей определяются объективно существующими ценностями человеческого существования, отраженными в психических процессах, протекающих в голове конкретного индивида». Ученый подчеркивает важность учета духовно-нравственных основ правосознания и отмечает, что социально ценным может считаться только такое поведение, которое правомерно по своей объективной стороне и высоко нравственно по внутренним мотивам.

С конца 80-х гг. XX в. советская теория правосознания претерпевает существенные изменения, ученые обращаются к взглядам представителей дореволюционной российской философско-правовой мысли. Это позволяет начать осмысление богатого научного наследия И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, Н.А. Бердяева, Л.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского и др., не ограничивая себя рамками каких бы то ни было идеологических требований. Трактовка правосознания с позиций диалектико-материалистического метода, классового подхода, юридического позитивизма перестала иметь преимущественное положение, что, в свою очередь, позволило обратиться к социокультурным, духовным основам правосознания.

В современных исследованиях в области правового сознания учитываются достижения советской юридической науки, а также используется дореволюционное российское философско-правовое наследие. В настоящее время представляют актуальность вопросы о ценностных

основаниях правосознания, об использовании современных методологических подходов (антрополого-правового, герменевтического, коммуникативного и др.), о формировании правосознания в условиях юридической ответственности и др.

Таким образом, развитие взглядов на правосознание в советский период прошло сложный путь. Оно было ограничено идеологией марксизма, носило классовый характер. Несмотря на это, отдельные научные достижения в области правосознания получили широкое признание в научном сообществе и находят свое отражение и развитие в современных правовых исследованиях, в процессе подготовки специалистов в области права. Достижением данного периода является развитие теории правового сознания, выработка его общепризнанного определения, обращение к ценностным аспектам и социальному назначению правового сознания.

УДК 346.543

В.В. Паращенко

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (20-Е ГГ. XX В.) В ОБЛАСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В преамбуле Конституции Республики Беларусь 1994 г. акцентировано внимание на многовековой истории развития белорусской государственности, которая прошла ряд этапов своего становления и развивалась в общем русле всемирной истории. История становления и развития белорусского государства тесно и неразрывно связана с развитием права, которое упорядочивает объективно существующие общественные отношения.

Общеизвестно, что вначале появляются те или иные общественные отношения, которые впоследствии подпадают под правовое регулирование. Инвестиции являются важнейшей не только экономической, но и правовой категорией, но если в экономике инвестиции получили свое широкое распространение одновременно с зарождением капиталистических отношений, то правовое регулирование инвестиционных отношений, в том числе на территории бывшего СССР и союзных республик, в полной мере не учитывало складывающихся экономических тенденций.

20-е гг. прошлого века занимают особое место в мировой истории, так как именно в этот период произошло множество важнейших событий, которые оказали существенное влияние на развитие общественных отношений и прежде всего это связано с формированием нового мирового порядка, образованием СССР, становлением социалистической модели экономических отношений, трансформацией товарно-денежных отношений, развитием существующих отраслей права и формированием новых.

Этот тезис имеет самое прямое отношение к такой отрасли права, как хозяйственное право, которое призвано выступать регулятором достаточно широкого спектра общественных отношений, связанных с функционированием товарно-денежного оборота.

Хозяйственное право, а также связанные с ним отдельные правовые категории (хозяйственное правоотношение, субъекты и объекты хозяйственной деятельности, хозяйственный договор, инвестиции и др.) возникли не сегодня, а прошли в своем становлении и развитии определенный исторический период.

На заре становления советской власти советским правительством был принят ряд нормативных правовых актов, призванных регулировать складывающиеся имущественные отношения социалистической формации. К числу таковых следует отнести: Декрет СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций», Декрет СНК РСФСР от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации», Декрет СНК РСФСР от 7 июля 1921 г. «О промысловой кооперации» и т. д.

Одно из первых упоминаний об импорте иностранного капитала (иностранных инвестициях) содержится в Декрете СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий».

Исторически сложилось так, что сфера распространения законодательства о концессиях в начале XX в. в целом связывалась с разработкой лесных и земельных фондов, организацией отдельных промышленных предприятий, добычей полезных ископаемых (нефти, газа и др.).

Например, в качестве предпосылки возникновения концессий в РСФСР согласно ч. 4 Декрета СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий» обозначено, что острый недостаток в сырье и избыток свободных капиталов в некоторых европейских странах, особенно же в Соединенных Штатах Америки, настоятельно побуждал иностранный капитал обращаться к Правительству Советской Республики с конкретными предложениями применения на тех или иных условиях иностранного капитала для использования естественных богатств обширных областей РСФСР.

С целью привлечения иностранного капитала данным декретом была предусмотрена возможность заключения концессионных договоров, определены их общие экономические и юридические условия (размер вознаграждения концессионера, сроки концессии, гарантии и др.).

В этой связи Председатель СНК РСФСР В.И. Ленин писал: «мы приносим жертвы, отдавая иностранному капиталу миллионы ценнейших материалов..., но в то же время мы должны получить необходимые нам выгоды, то есть увеличение количества продуктов и, по возможности, улучшение положения наших рабочих, как занятых на концессионных предприятиях, так и не занятых».

В последующий период существования СССР, исходя из специфики устройства социалистической модели народного хозяйства, концессии не получили широкого распространения.

В Большой Советской Энциклопедии содержится указание на то, что «отличительная черта концессий, которые были получены до Второй мировой войны 1939–1945 гг., – огромные размеры охватываемых ими площадей и длительные сроки. Компания «Бахрейн петролеум компани» получила концессию на 91 год, «Кувейт ойл компани» – на 92 года. Концессионные договоры предоставляли иностранным монополиям исключительное право на добычу, переработку и сбыт нефти, гарантировали им создание средств связи, строительство нефтепроводов, портов и др. необходимых для деятельности концессионеров сооружений».

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что использование концессионных соглашений в различных сферах экономики отдельных государств преследует определенные взаимовыгодные цели, а попытки облечь в правовую форму деятельность субъектов по осуществлению инвестиций на основании концессий не является новым и вновь возникшим явлением и имеют свои исторические корни.

Таким образом, характерным для советского периода исторического развития общества (20-х гг. XX в.) было то обстоятельство, что право формировалось под влиянием событий Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., коренным образом изменившей отношения собственности. Земля и недра, заводы и фабрики были экспропрированы Советской властью и установлена социалистическая собственность на средства производства.

В результате чего развивающиеся предпринимательские отношения не получили своего нормативного признания и долгое время регулировались административно-командными методами. Вместе с тем Декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий» следует рассматривать в качестве родоначальника инвестиционного законодательства на территории СССР.

УДК 351.741 + 94(476)

М.А. Пашкев, А.В. Кащеев

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История органов внутренних дел (ОВД) является неотъемлемой частью истории белорусской государственности. Примечательно, что 2022 г. – Год исторической памяти – стал юбилейным не только для белорусской милиции, которая отмечала свою 105-летнюю годовщину со дня основания, но и для договора о создании СССР, столетию которого приурочен этот научный форум. Сегодня ни у кого не возникает сомнений, что именно приход к власти в 1917 г. большевиков открыл путь к созданию 1 января 1919 г. первого белорусского государства – ССРБ. Появлению этого государства предшествовал непростой период становления советских органов власти, в том числе и советской милиции. Первая мировая, Гражданская и Советско-польская войны стали тем историческим фоном, на котором появились и функционировали советские органы охраны правопорядка и который определял задачи, стоящие перед ними. В условиях польской экспансии первое белорусское государство временно прекратило свое существование, а на значительной части его территории органы милиции были ликвидированы. Только контрнаступление Красной Армии, стабилизация фронта и заключение Рижского мирного договора позволили, хоть и в усеченном (территориально) виде, восстановить ССРБ со всеми присущими ему атрибутами, одним из которых является правоохранительная система. В ее состав входила и советская милиция. Этот период в истории белорусских ОВД всегда привлекал внимание исследователей. Первой работой, в которой он нашел отражение, стало издание 1927 г. – «Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі 1917–1927». Ее появление является скорее исключением, чем правилом, так как системное исследование истории белорусской советской милиции начинается только с конца 1960-х гг. Именно в это время происходит становление системной подготовки сотрудников ОВД, обеспечивающей получение высшего образования, на территории БССР. При этом только с созданием Минской высшей школы МВД СССР начинается всестороннее исследование истории белорусской советской милиции, именно в этот период появляются и первые работы Алексея Федоровича Вишневого. Этот белорусский историк, после прихода на службу в ОВД в 1977 г., начал разрабатывать тематику истории белорусской милиции начала 1920-х гг. В последующем его нара-

ботки стали основой докторской диссертации «Арганізацыя і дзейнасць міліцыі Савецкай Беларусі ў гады будаўніцтва сацыялізма (1917–1937)» и нескольких разделов коллективной монографии «Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987».

В то же время необходимо отметить, что признанным исследовательским центром по изучению истории советской милиции всего Советского Союза являлась Высшая школа МВД СССР (с 1973 г. – Академия МВД СССР), в которой во главе с доктором юридических наук, профессором Роландом Сергеевичем Мулукаевым сформировалась целая научная школа. Именно профессором Мулукаевым на системной основе исследованы историко-правовые проблемы становления советской милиции в 1917–1920 гг., выделены отдельные этапы и связанные с ними особенности правового регулирования ее деятельности. Так, особое внимание исследователь сконцентрировал на распространении действия нормативных правовых актов РСФСР, регламентирующих деятельность советской милиции, на другие советские республики. Это позволило определить общую для всех советских республик правовую основу деятельности милиции. В отличие от научной школы Р.С. Мулукаева, в Минской высшей школе МВД СССР вопросы истории милиции разрабатывали не праведы, а историки.

Распад СССР оказал непосредственное влияние на разработку истории белорусской милиции. Во-первых, для исследователей и простых граждан стали доступны материалы архивов. Во-вторых, изданные в советский период работы по истории милиции в значительной массе своей «лишились грифов». Почти все советские издания, посвященные истории милиции, в том числе и юбилейные, имели ограничительные грифы. В-третьих, история милиции трансформировалась в историю ОВД, став неотъемлемой частью национальной историографии. Последний учебник по истории милиции Беларуси был издан в 1995 г. и охватывал период 1917–1994 гг. Несмотря на все эти изменения, разработки советской историографии были сохранены, тем более что, как и в советский период, основная масса исследований по истории ОВД проводилась и проводится в интересах МВД в его учреждениях образования.

С 2000-х гг. начинается постепенное расширение тематики исследований по истории ОВД, при этом признанным специалистом по истории белорусской советской милиции довоенного периода остается профессор А.Ф. Вишнеvский, хотя в последнее десятилетие к данной проблеме в той либо иной степени обращались А.И. Мурашко, М.А. Пашкеев, А.В. Григорьев, Д.Н. Понуждаев, А.Н. Тютюнков и др. Впервые бело-

русские исследователи стали рассматривать историю советской милиции этого периода в региональном измерении, помимо монографии Дмитрия Николаевича Понуждаева, посвященной истории могилевской милиции в 1917–1940 гг., следует отметить научно-популярное издание, подготовленное УВД Витебского облисполкома в 2008 г., охватывающее период с 1917 по 1924 г., а также работы полоцкого исследователя Елены Вячеславовны Сумко, посвященные полоцкой уездной рабоче-крестьянской милиции.

Знаковым событием для научного осмысления истории белорусских ОВД стало празднование столетия белорусской милиции в 2017 г. Помимо юбилейных изданий (общеведомственного – «Милиция Беларуси: 100 лет. История и современность» и территориальных подразделений, например, «Гомельская милиция. История и современность. 1917–2017»), история становления милиции нашла свое отражение на страницах научных и научно-практических журналов («Вестник Академии МВД Республики Беларусь» (А.Ф. Вишнеvский), «Юстиция Беларуси» (И.А. Сороковик), «Право.by» (В.В. Бачила и др.)), сборников материалов и тезисов конференций, в частности, сборника тезисов докладов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов», посвященной 100-летию милиции Беларуси.

В последние годы наметилось расширение проблемного поля исследований истории белорусской советской милиции довоенного периода, например, анализ кадрового состава и материального обеспечения (Е.В. Сумко), проблем белоруссизации (А.В. Кашеев), подготовки кадров (С.Ф. Лапанович) или организации идеологической работы (А.Н. Тютюнков), что свидетельствует в целом о росте интереса к истории белорусских правоохранительных органов. Данная тенденция хорошо прослеживается в сборнике материалов республиканской научно-практической конференции «105 лет милиции Беларуси».

Следует отметить, что и такую, казалось бы, хорошо изученную проблему, как становление органов советской милиции на территории Беларуси, также продолжают исследовать белорусские ученые. С началом «национализации» отечественной истории предпринимались попытки пересмотреть некоторые устоявшиеся трактовки причин и условий становления советской милиции на территории Беларуси. На это указывает, в частности, в своей статье «Арганізацыйна-прававыя асновы станаўлення і развіцця міліцыі ў БССР» И.А. Сороковик, характеризуя два основных подхода к вопросу организационно-правового становления и развития советской милиции.

Сегодня белорусская историография отчасти преодолела тенденции периода «национализации истории», однако их сменила методологическая и терминологическая неопределенность и часто поверхностное изучение источников и историографии, тем более в такой достаточно специфической теме, как история ОВД. В большинстве современных исследований, по истории белорусских ОВД, органы и подразделения советской милиции, действующие в пределах современной территории Беларуси с конца 1917 г. до 1921 г., характеризуются исключительно как «белорусские». Это связано в первую очередь со спецификой становления белорусской государственности в этот период и формирования ее территории. Решение «белорусского вопроса», кульминацией которого стало провозглашение ССРБ, являлось неотъемлемой частью национальной политики большевиков. Ведь практически с начала 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР действовал Белнацком во главе с А.Г. Червяковым. При отсутствии государства или его ликвидации в условиях польской интервенции белорусский народ продолжал существовать. А с учетом того что правительство большевиков, формируя общую нормативную правовую базу, регламентирующую деятельность органов советской милиции в этот период, передало основные полномочия местным Советам депутатов, представители белорусского народа на местах непосредственно участвовали в организации и обеспечении правопорядка.

Попытки отхода от традиционного взгляда на историю белорусской милиции в 1917–1921 гг. прослеживаются в публикациях И.А. Мамайко. В частности, в одной из них автор утверждает, что «говорить о формировании на территории Беларуси штатной структуры милиции до ноября 1920 г. не приходится». Данное утверждение не бесспорно, тем более что в статье И.А. Мамайко не определяет географических рамок исследования (о какой территории Беларуси идет речь), не указывает на то, что на неоккупированных территориях Витебщины, Могилевщины и Гомельщины, входивших в состав РСФСР, штатная советская милиция не только существовала, но и успешно действовала.

Таким образом, анализ современной белорусской историографии свидетельствует о том, что история ОВД в целом и история становления советской милиции на территории Беларуси в 1917–1920 гг. в частности нашли в ней достойное место и продолжают активно исследоваться. При этом особое внимание следует уделить введению в научный оборот новых архивных источников, изучению историографии и методологии исследований.

В.И. Пенкрат

ГЕНЕЗИС СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В 2022 г. исполнилось сто лет со дня образования Союза Советских Социалистических Республик. В связи с этим историческим событием назрела необходимость рассмотреть отдельные вопросы исторического развития семейного законодательства Беларуси.

После Великой Октябрьской революции 1917 г. произошли коренные изменения в жизни общества и началось формирование нового взгляда на семью. Основой перемен брачно-семейных отношений в обществе явились два декрета ВЦИК и СНК РСФСР:

первый – Декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Этим декретом упразднялся брак, заключенный по религиозным обрядам. Единственной формой заключения брака для всех граждан стало заключение гражданского брака в органах записи актов гражданского состояния. Брачный возраст устанавливался для мужчин – 18 лет, для женщин – 16 лет. В брачно-семейных отношениях мужчина и женщина уравнивались в правах и обязанностях, а дети, рожденные вне брака, имели такие же права и обязанности, как и дети, рожденные в браке. Кроме того, на основании указанного декрета стало возможным установление отцовства в судебном порядке;

второй – Декрет от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака», на основании которого бракоразводные дела были изъяты из компетенции церкви и переданы в ведение местных судов.

В первые годы Советской власти регулирование брачно-семейных отношений на территории Беларуси осуществлялось путем заимствования соответствующих норм из законодательных актов Российской Федерации, основным из которых являлся первый отдельный кодифицированный семейно-правовой акт – Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, который был принят 22 октября 1918 г.

В середине 20-х гг. XX в. в Белорусской ССР проводится дальнейшая работа по кодификации брачно-семейного законодательства, которая заканчивается принятием в марте 1927 г. первого в истории Беларуси Кодекса законов о браке, семье и опеке (далее – Кодекс 1927 г.). Новые социалистические принципы регулирования брачно-семейных отношений, которые легли в основу всего дальнейшего белорусского советского законодательства о браке и семье, ввел Кодекс 1927 г. Было

закреплено положение, которым не признавался брак, заключенный по религиозным обрядам. Провозглашалось равенство в правах мужчины и женщины. Брачный возраст для женщин был увеличен с 16 до 18 лет и стал одинаковым с брачным возрастом мужчин. Упрощалась процедура развода, так как развод осуществляли не суды, а органы записи актов гражданского состояния. При усыновлении (удочерении) ребенка, достигшего 10-летнего возраста, требовалось согласие самого ребенка на усыновление (удочерение). Обязанность по содержанию ребенка возлагалась даже на лиц, лишенных родительских прав. Законнорожденные и незаконнорожденные дети были уравнены в правах.

Много внимания Кодекс 1927 г. уделял имущественным правам и обязанностям опекунов и попечителей, указывались виды сделок, которые им разрешалось заключать, и перечень того, что запрещалось делать.

В последнем разделе Кодекса 1927 г. конкретизировались записи актов гражданского состояния рождений, смертей, браков, разводов и усыновлений, выдача справок, учет миграции населения, торжественная регистрация браков и рождения детей.

Кодекс 1927 г. просуществовал 42 года и, естественно, за такой длительный период в него вносились существенные изменения и дополнения.

Серьезные изменения в текст Кодекса 1927 г. были внесены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилением охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и утверждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Этим указом усложнилась процедура развода, перестало существовать установление отцовства, появился институт матери-одиночки, одиноким матерям предоставлялось ежемесячное государственное пособие. Кроме того, одинокие матери получили право передавать своего ребенка в детские учреждения на полное государственное обеспечение.

После Великой Отечественной войны было не до совершенствования семейного законодательства, однако все чаще обнаруживались правовые пустоты, затрудняющие правоприменение.

В 1968 г. впервые был принят общесоюзный правовой акт «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье». На основании этого нормативного правового акта были разработаны семейные кодексы союзных республик.

Кодекс о браке и семье БССР 1969 г. (далее – КоБС 1969 г.) во многом отличался от Кодекса 1927 г., так как имел общую часть, предусматривающую задачи семейного законодательства, очерчивал круг регули-

руемых отношений, устанавливал равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях и др.

Сохраняя в принципе общепринятую структуру, КоБС 1969 г. регулировал более широкий круг семейных отношений и был более точным по своему содержанию. Допускалось установление отцовства как в упрощенном, так и в судебном порядке. Обычной процедурой стало расторжение брака. Много внимания КоБС 1969 г. уделял вопросам алиментных обязательств и усыновления. Опекунство и попечительство были переданы в ведение исполнительных комитетов районных, городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов, которые считались органами опеки и попечительства.

Судя по нововведениям, КоБС 1969 г. был значительным шагом вперед по сравнению с Кодексом 1927 г. и более совершенным инструментом правового воздействия на семейные отношения.

Дальнейшее совершенствование семейного законодательства связано с двумя исключительными по своей важности актами: принятием новой Конституции Республики Беларусь 1994 г. и Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.

Конституция Республики Беларусь 1994 г. закрепила такие принципиально важные положения, как признание частной собственности, которая охраняется законом; защита государством материнства и детства; приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Указанная конвенция позволила более квалифицированно разрешать семейные споры, укреплять семейные отношения и превратить ребенка в самостоятельный субъект права. Кроме того, в тексте данной конвенции сформулировано множество рекомендаций, позволяющих наиболее безболезненным образом решить судьбу ребенка в спорных ситуациях.

Перемены, происшедшие в обществе, нашли свое закрепление в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье 1999 г. (далее – Кодекс 1999 г.). В их числе явилось более детальное определение законного режима имущества супругов, возможность заключать Брачный договор, устанавливать отцовство. Был расширен круг обязанностей супругов и бывших супругов по взаимному содержанию, предоставлена возможность заключения Соглашения об уплате алиментов и др.

В Кодексе 1999 г. много внимания уделено осуществлению и защите семейных прав, медицинскому обследованию лиц, вступающих в брак, более детальному определению порядка расторжения брака. Появился разд. 4 «Охрана детства», включающий гл. 15–17, посвященные правам детей (социальным и материальным), изменились выявление, учет и устройство детей, лишившихся родительского попечения, и т. д.

Начало XXI в. знаменовалось совершенствованием различных отраслей законодательства, в том числе семейного. Причиной тому явился увеличивающийся разрыв между требованиями Кодекса 1999 г. и сложившимся положением в семье, охраной прав ее членов, снижением авторитета родителей. Доказательствами утраты приоритета родительских прав служат следующие факты:

- увеличение числа социальных сирот;
- большое количество дел по лишению родительских прав;
- случаи отказа в роддоме женщины от своего ребенка;
- цифровые показатели учета в органах внутренних дел родителей, не выполняющих родительских обязанностей;
- масштабы уклонения родителей от уплаты алиментов на содержание своих детей;
- уменьшение среднего возраста начала употребления алкоголя и наркотиков.

Таков неполный перечень обстоятельств, оказывающих, по нашему мнению, негативное воздействие на институт семьи, защиту прав ребенка.

Развитие семейного законодательства предполагает дальнейшее совершенствование правовых предписаний, основанных на положительном опыте прошлого.

Считаем, что начинать необходимо с изменения названия Кодекса 1999 г. Почему в названии Кодекса выделяется институт «брака»? Ведь институт «брака» является одним из институтов семейного права, таким как «усыновление», «опека», «попечительство» и др. Полагаем, что следующий кодекс должен именоваться «Семейный кодекс Республики Беларусь». Такое название кодекса является более общим и включает в себя все институты семейного права. По такому пути пошло законодательство России, Украины, Азербайджана, Молдовы, Узбекистана и др.

При совершенствовании семейного законодательства Беларуси, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующее:

- при расторжении брака супругов следует усилить гарантии имущественных интересов ребенка;
- при обучении ребенка в возрасте до 24 лет в учреждении образования дневной формы обучения на платной основе обеспечить участие в оплате обоих родителей;
- усилить гарантии прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, на общение с ним;
- изменить правила сохранения тайны усыновления и сохранения тайны применения методов репродуктивных технологий;

предусмотреть права усыновленного ребенка знать своих биологических родителей не только в случае смерти усыновителей;

в связи с легальным закреплением в законодательстве ряда европейских стран и США возможности усыновления детей лицами, состоящими в однополых союзах, необходимо ввести в Семейный кодекс Республики Беларусь норму о соответствующем ограничении международного усыновления из стран, где узаконены однополые браки;

в Семейном кодексе Республики Беларусь следует отметить, что «лишение родительских прав» представляет собой крайнюю по своим правовым последствиям меру семейно-правовой ответственности и ввести понятие «предупреждение о лишении родительских прав». По нашему мнению, это способствовало бы уменьшению числа лишений родительских прав;

необходимо переработать разд. 4 «Охрана детства» Кодекса 1999 г., включающий гл. 15, 16, 17, в котором прописаны права детей. В этот раздел обязательно следует добавить главу «Обязанности детей», в которой предусмотреть положение об уважении детьми своих родителей и об обязанности ребенка подчиняться воспитательному воздействию родителей (разумеется, в пределах правомерного его осуществления), что соответствует духу законодательства о семье и практическим потребностям общества.

УДК 342.9

Д.В. Плоскунов

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1920-Х – 1950-Х ГГ.

После Октябрьской революции Декретом СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде» институт прокурорского надзора был упразднен. Для осуществления функций, присущих как ему, так и другим ликвидированным органам, местным Советам следовало избрать особых комиссаров. Продолжавшийся с этого момента и до восстановления органов прокуратуры период в юридической литературе именуется периодом революционной законности.

О.А. Галустьян отмечал, что в советском законодательстве прокуратура впервые упоминалась в УПК РСФСР от 25 мая 1922 г. и наделялась статусом органа уголовного преследования. В целом история советской прокуратуры началась с принятия Всероссийским ЦИК 28 мая 1922 г.

Положения о прокурорском надзоре. Аналогичное Положение 26 июня 1922 г. было принято ЦИК ССРБ, согласно п. 5 которого прокуратура входила в состав органов юстиции, а Народный комиссар юстиции одновременно по должности являлся Прокурором Республики. На прокуратуру возлагалось, в частности, осуществление надзора за законностью действий государственных учреждений. Средством надзора выступало опротестование нарушающих закон постановлений в СНК или Президиум ЦИК на предмет отмены таковых, что не приостанавливало их исполнения (подп. «а» и «б» п. 2 Положения). В силу п. 6 и 7 Положения у прокурора имелись помощники, через которых он мог реализовывать свои полномочия. Пункт «е» ст. III Инструкции 1922 г. «О правах и обязанностях помощников Прокурора Республики» наделял помощников Прокурора правом обжалования в кассационном порядке или в порядке высшего судебного контроля постановлений всех правительственных органов, имеющих право наложения взысканий в административном порядке.

Прокуратура, именуемая государственной, упоминалась и в правовых актах о судеустройстве (например, ст. 6 Положения о судеустройстве БССР 1923 г.), а одной из ее задач являлся надзор за общим соблюдением законов.

Аналогичная задача возлагалась на прокуратуру и в дальнейшем (ст. 7, п. «а» ст. 73, ст. 74 Положения о судеустройстве БССР 1924 г., ст. 8, п. «а» ст. 70, ст. 71 Положения о судеустройстве БССР 1925 г., ст. 6, 37, 38, 40 Положения о судеустройстве БССР 1931 г.). Пунктом 4 ч. 3 ст. 35 Положения о судеустройстве БССР 1931 г. предусматривалась должность помощника Прокурора Республики по административному надзору. Перечисленные положения о судеустройстве БССР в различные периоды также определяли, что наряду с деятельностью в структуре Наркомюста прокуроры (помощники) состояли при Верховном и Высшем судах БССР, постоянных сессиях последнего, а также в округах.

Постановлением СНК СССР и ЦИК СССР от 20 июля 1936 г. принято решение о выведении органов прокуратуры из системы наркоматов юстиции и их подчинении непосредственно прокурору СССР. Этим же постановлением устанавливалось, что законы о судеустройстве и судопроизводстве должны быть едиными для всего СССР. Дальнейшее правовое регулирование судеустройства как системы органов правосудия основывалось на нормах Закона СССР от 16 августа 1938 г. «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» и принятых в последующем аналогичных республиканских правовых актах.

Помимо прокуратуры, входящей в систему органов юстиции, в 1923 г. была учреждена Прокуратура Верховного Суда СССР. Ее ком-

петенция была ограниченной и состояла в осуществлении надзора за законностью по вопросам, подсудным Верховному Суду СССР, за соответствием законодательству различных судебных постановлений верховных судов и иных судебных учреждений союзных республик, а также за правомерностью действий ОГПУ СССР (только на общесоюзном уровне). Несколько подробнее компетенция Прокуратуры Верховного Суда СССР регламентировалась с 1929 г. К ее ведению относился надзор за законностью в деятельности общесоюзных государственных органов и ОГПУ, высших органов, в том числе верховных судов, союзных республик, а также подразделений Верховного Суда СССР и военных трибуналов. Обеспечение законности в деятельности местных структур органов общесоюзного значения возлагалось на прокуратуры союзных республик. Через них Прокуратура Верховного Суда СССР также осуществляла надзорные полномочия за законностью различных судебных постановлений. Более широкими полномочиями она наделялась в отношении военных прокуратур.

В связи с учреждением Прокуратуры СССР в декабре 1933 г. Прокуратура Верховного Суда СССР упразднена. На Прокуратуру СССР возлагался, в частности, надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств СССР и союзных республик, а также местных органов власти Конституции СССР, постановлениям и распоряжениям Правительства СССР. При несоответствии таковых предъявляемым требованиям на Прокуратуру СССР возлагалась обязанность их опротестования в соответствующие вышестоящие органы (п. «а» ст. 4, ст. 5 Положения о Прокуратуре СССР 1933 г.).

Статьей 117 Конституции СССР 1936 г. устанавливалась независимость органов прокуратуры от местных органов и их подчинение только Прокурору Союза ССР. Аналогичные положения нашли отражение и в Конституции БССР 1937 г., в которой помимо того определялось, что высший надзор за точным исполнением на территории БССР законов всеми Народными Комиссариатами, подведомственными им учреждениями, отдельными должностными лицами, а также гражданами осуществляется Прокурором СССР непосредственно или через Прокурора БССР (ст. 89, 92). В последующем в БССР не принимались законы, регламентирующие деятельность прокуратуры, поскольку этот вопрос относился к компетенции СССР.

В описанный период в РСФСР и БССР был принят ряд нормативных правовых актов по вопросам административной ответственности и административно-деликтного процесса:

Декрет Всероссийского ЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. «О порядке наложения административных взысканий»;

Декрет СНК ССРБ от 18 февраля 1922 г. «О порядке наложения административных взысканий»;

Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке, утвержденное постановлением ЦИК ССРБ от 12 сентября 1922 г.;

постановление Наркомтруда БССР от 23 января 1925 г. «Об узаконениях и распоряжениях по труду, за нарушение которых наниматели могут привлекаться к ответственности в административном порядке»;

Положение о порядке издания окружными и районными исполнительными комитетами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке, утвержденное постановлением ЦИК и СНК БССР от 10 июля 1925 г., и др.

Согласно ст. 7 Декрета Всероссийского ЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. «О порядке наложения административных взысканий» и ст. 7 Декрета СНК ССРБ от 18 февраля 1922 г. «О порядке наложения административных взысканий» незаконное и неосмотрительное наложение административных взысканий влекло отмену постановлений о взыскании, в том числе в порядке надзора.

За нарушение отдельных узаконений и распоряжений по труду, ответственность за которые наступала в административном порядке, по требованию прокурорского надзора виновные лица могли привлекаться к ответственности и в судебном порядке (ст. 2 постановления Наркомтруда БССР от 23 января 1925 г. «Об узаконениях и распоряжениях по труду, за нарушение которых наниматели могут привлекаться к ответственности в административном порядке»).

В 1925–1931 гг. существовала возможность наложения взысканий в административном порядке по делам о некоторых преступлениях (Положение о порядке издания окружными и районными исполнительными комитетами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке, утвержденное постановлением ЦИК и СНК БССР 10 июля 1925 г.; постановление ЦИК и СНК БССР от 17 мая 1928 г. «О порядке издания окружными и районными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении административных взысканий за их нарушение»). Копии обязательных постановлений окружных и районных исполкомов, городских советов по вопросам государственного управления (предусматривавших возможность наложения административного взыскания за их нарушение) следовало представлять, в частности, прокурору вышестоящего уровня, имевшему право их опротестовать (протесты подлежали срочному разрешению). Административные взыскания могли налагаться не только за нарушения обязательных постанов-

лений либо некоторые преступления, но и за нарушения иных законов и постановлений (распоряжений) центральных органов власти БССР и СССР (если в таких постановлениях (распоряжениях) указывалось на административный порядок взыскания).

В дальнейшем подобные постановления ЦИК и СНК БССР 1928 г. нормативные правовые акты издавались в 1931 г. (в этом случае копии обязательных постановлений направлялись прокурору района действия издавшего их органа) и 1945 г.

Новый этап в правовом регулировании деятельности прокуратуры связан с принятием 24 мая 1955 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указа «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» (далее – Положение). В данном нормативном правовом акте нашли свое закрепление концептуальные основы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. Он был уполномочен на опротестование противоречащих закону постановлений в органы, издавшие их, или в вышестоящие органы. Принесение прокурором протеста на постановление, изданное уполномоченным на то органом, о привлечении того или иного лица к административной ответственности приостанавливало исполнение административного взыскания до рассмотрения протеста соответствующим органом (ст. 13 Положения). Прокурор также наделялся правом административного преследования лиц, совершивших административные правонарушения, причем в отношении административной ответственности в ст. 15 Положения обязанность прокурора по привлечению к ней нарушителя формулировалась не в категоричной форме, как для уголовной ответственности («привлекает ... к ответственности»), а таким образом, что необходимые действия могли совершаться и иными ведомствами («принимает меры к привлечению нарушителя к административной ... ответственности»). Указанные полномочия реализовывались прокурором в рамках такой отрасли прокурорского надзора, как надзор за исполнением законов учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

Таким образом, в период 1920-х – 1950-х гг. в условиях глобальных политических и социально-экономических преобразований в СССР и БССР произошло создание новой системы органов прокуратуры, ее дальнейшее совершенствование и преобразование, осуществлялось формирование советской нормативной основы административной ответственности и обеспечения законности привлечения к ней, в том числе по инициативе прокуратуры.

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОРМ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Освобождение от уголовной ответственности является важнейшим институтом уголовного права, призванным повышать эффективность исправительного и предупредительного воздействия уголовного закона, а также стимулировать позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление, и дифференцировать уголовную ответственность. Анализируя эволюцию института уголовной ответственности, следует отметить, что до 1958 г. его регламентация в уголовном законодательстве отсутствовала. Советское законодательство использовало лишь положения об освобождении от наказания, хотя некоторые уголовно-правовые нормы относились именно к освобождению от уголовной ответственности.

Советская уголовно-правовая система оказала существенное влияние на современные подходы к определению правовой природы института освобождения от уголовной ответственности и его видов. Обращаясь к Уголовному кодексу БССР 1928 г. (далее – УК БССР 1928 г.) отметим, что в указанном нормативном правовом акте специальный термин «освобождение от уголовной ответственности», используемый в настоящее время, не применялся. Лишь ст. 16 УК БССР 1928 г. говорит о невозможности уголовного преследования в связи с истечением сроков давности.

Анализ норм Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (далее – УК РСФСР 1926 г.) позволяет в качестве первого самостоятельного вида освобождения от уголовной ответственности в ст. 8 УК РСФСР 1926 г. выделить освобождение «в связи с изменением социально-политической обстановки или утраты лицом общественной опасности», а также в ст. 14 освобождение ввиду истечения сроков давности. В УК РСФСР 1926 г. содержалась также норма о специальном виде освобождения от уголовной ответственности в примечании к ст. 118. Указанное примечание приписывало освободить от привлечения к уголовной ответственности лиц, в отношении которых имело место вымогательство взятки, а также в случаях немедленного добровольного заявления взяткодателя о факте дачи взятки после ее передачи взяткополучателю.

Следующим важным для оформления института освобождения от уголовной ответственности нормативным правовым актом явились

Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. (далее – Основы 1958 г.), которые ввели разд. IV «О назначении наказания и освобождении от наказания», позволивший на законодательном уровне ввести термин «освобождение от уголовной ответственности». Так, ч. 2 ст. 43 «Освобождение от уголовной ответственности и наказания» в качестве самостоятельных видов освобождения от уголовной ответственности по аналогии с УК РСФСР 1926 г. закрепила утрату деянием или лицом общественной опасности в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду лица, совершившего преступление. В качестве нового вида освобождения от уголовной ответственности в ст. 42 Основ 1958 г. было введено истечение сроков давности исполнения обвинительного приговора.

Четкую уголовно-правовую регламентацию институт освобождения от уголовной ответственности получил в Уголовном кодексе БССР 1960 г. (далее – УК БССР 1960 г.), в котором были расширены основные виды освобождения.

Глава IV «О назначении наказания и освобождении от наказания» УК БССР 1960 г. включала следующие виды освобождения от уголовной ответственности:

- освобождение ввиду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности;
- освобождение ввиду истечения сроков давности исполнения обвинительного приговора;
- освобождение вследствие изменения обстановки (лицо или деяние перестало быть общественно опасным);
- освобождение с передачей в товарищеский суд;
- освобождение с передачей виновного на поруки;
- освобождение в связи с привлечением лица к административной ответственности (с 1977 г., введено Указом Президиума Верховного Совета СССР).

Отдельно следует отметить, что УК БССР 1960 г. расширил перечень специальных видов освобождения от уголовной ответственности до двух. Так, на основании ч. 2 ст. 61 «Измена государству», если гражданин, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против своего государства, не совершил никаких действий во исполнение полученного преступного задания и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой, он освобождается от уголовной ответственности. В ч. 3 ст. 170 «Дача взятки» УК БССР 1960 г., как и в УК БССР 1928 г., было предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лица, давшего взятку, если в

отношении его имело место вымогательство взятки, или если оно после дачи взятки добровольно заявило о случившемся.

Основным этапом развития и законодательного закрепления норм об институте освобождения от уголовной ответственности является принятие Уголовного кодекса Республики Беларусь в 1999 г. (далее – УК 1999 г.). На законодательном уровне было закреплено освобождение от уголовной ответственности как самостоятельный институт уголовного права наряду с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, наказанием и иными мерами уголовной ответственности. Действующий УК 1999 г. включает самостоятельную гл. 12 «Освобождение от уголовной ответственности и наказания», в которой закреплены общие основания освобождения. В примечаниях к некоторым статьям Особенной части УК 1999 г. содержатся специальные случаи освобождения от уголовной ответственности (например, примечание к ст. 289 УК 1999 г.), с указанием оснований и условий для освобождения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что на развитие института освобождения от уголовной ответственности оказала влияние советская уголовно-правовая система, в рамках которой первоначально не проводилось различий между освобождением от уголовной ответственности и освобождением от наказания. В 1960 г. институт освобождения от уголовной ответственности получил дальнейшее развитие, однако различие между освобождением от уголовной ответственности и освобождением от наказания было окончательно закреплено в УК 1999 г.

УДК 343.1

Т.А. Савчук

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Представление об уголовно-процессуальной политике как элемента государственной уголовной политики менялось в зависимости от исторической эпохи государства. Так, в советский период ее трактовали как «... основные направления правотворческой деятельности государства и правоприменительной деятельности компетентных государственных органов по борьбе с преступностью путем реализации уголовного закона при строжайшем соблюдении социалистической законности...». В настоящее время уголовно-процессуальная политика определяется как комплекс последовательной и научно обоснованной деятельности

всех участников уголовно-процессуальных правоотношений, направленной на оптимизацию уголовного процесса и совершенствование системы уголовно-процессуального закона.

Развитие уголовно-процессуальной политики Беларуси связано с формированием и модернизацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которое осуществляется в рамках общей государственно-правовой политики, преследующей цель – создание законодательной системы, реально и эффективно обеспечивающей защиту прав и свобод личности. Уголовно-процессуальная политика современного этапа – это политика, опирающаяся на идеи, провозглашенные Конституцией Республики Беларусь (далее – Конституция), где личность, ее права и свободы возведены в высшую ценность государства, реализующаяся на основе норм и положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (УПК).

Действующий УПК отличается от УПК 1999 г. в первой редакции, что говорит об изменении приоритетов уголовно-процессуальной политики в период его действия. Историческое наследие представляется важным для определения состояния и перспектив уголовно-процессуальной политики Беларуси, исходя из целей и задач современной государственной политики, социально-политической и экономической обстановки, развития информационного общества.

УПК 1999 г., сохранив наиболее значимые институты УПК БССР 1960 г., ввел новые нормы-принципы, заложившие основу современной идеологии уголовного процесса: законность, обеспечение защиты прав и свобод граждан, уважение чести и достоинства личности, презумпция невиновности, оценка доказательств по внутреннему убеждению, осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон. Отметим, что уголовно-процессуальная политика реализуется в большей степени посредством воздействия на общественные отношения не отдельных норм права, регламентирующих конкретные правоотношения, а норм-принципов. Именно приоритет принципов, их сохранение и развитие в УПК, отражает положительную черту современной уголовно-процессуальной политики и уголовно-процессуальной идеологии. В продвижении идеи принципов уголовного процесса в первой редакции УПК получили обособленное выражение вопросы дифференциации участников уголовного процесса, реализации конституционных прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс (подача и разрешение жалоб, ходатайств, гражданского иска); введены новые термины, отражающие элемент состязательности процесса. Анализ последних реформ УПК показывает последовательную политику законодателя, которая

в полной мере отвечает задачам уголовного процесса и направлена на обеспечение реализации его принципов.

Так, основными тенденциями в уголовно-процессуальной сфере стало введение новых институтов в УПК: «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» (2015); «Апелляционное производство» (2016); «Производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого» (2017); «Специальное производство» (2022). Новую «жизнь» получили нормы УПК о возмещении вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс, и о примирении обвиняемого и потерпевшего (2021); с 2016 г. идет поэтапное внедрение информационно-коммуникационных технологий в следственную и судебную деятельность; расширяется перечень участников уголовного процесса (в 2018 г. – адвокат свидетеля, в 2021 г. – медиатор). Данные новации демонстрируют вектор уголовно-процессуальной политики, направленной на повышение эффективности уголовного процесса, его норм и институтов, создание дополнительных гарантий для его участников.

Заслугой УПК 1999 г. следует назвать объединение в один раздел IV задержания с дифференциацией его на виды, мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, введение новых мер пресечения – залога, домашнего ареста, запрета определенных действий (2021), призванных оптимизировать практику применения заключения под стражу, которая также стала объектом внимания законодателя: 2021 г. ознаменован введением правила об ее избрании, когда цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением более мягкой меры пресечения; 2016 г. – уточнением перечня преступлений, тяжесть которых может выступать в качестве единственного критерия применения этой меры пресечения; 2015 г. – включением запрета на ее применение за менее тяжкие преступления против порядка осуществления экономической деятельности, кроме контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем. Эти новации показывают либеральную позицию государства по противодействию преступности в сфере экономической деятельности.

УПК 1999 г. укрепил правовой институт стадии возбуждения уголовного дела: увеличил сроки проверки информации о преступлении до одного месяца (1999), установил возможность их продления вышестоящим прокурором до трех месяцев (2003); добавил в число оснований для возбуждения уголовного дела исчезновение лица (2003); рас-

ширил перечень действий, разрешенных для проверки до возбуждения дела (последние дополнения датируются 2021 г. – введением осмотра компьютерной информации) и др. Наиболее значимыми тенденциями последних лет можно назвать введение гл. 49 «Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц», устанавливающей порядок возбуждения уголовного дела и уголовного преследования определенной категории лиц (2006); возможность соединения (выделения) заявлений (сообщений) о преступлении и материалов проверки по ним, а также приостановления (возобновления) проведения проверки (2017); уточнение субъектов принятия решения в порядке ст. 174 УПК (2019). Все эти попытки указывают на стремление отечественного законодателя сохранить стадию возбуждения уголовного дела (в противовес рассуждениям о ее полной ликвидации), расширяя границы данной стадии и оптимизируя деятельность на этом важном первоначальном этапе уголовного процесса.

В регулировании института предварительного расследования знаковыми событиями УПК 1999 г. стали: упразднение обвинительного заключения и его замена на справку о результатах расследования; замещение протокольной формы досудебной подготовки материалов ускоренным производством; возложение на суд ранее неизвестных полномочий по рассмотрению жалоб на действия и решения органа уголовного преследования. Наиболее важные изменения УПК датированы 2014 г., когда были уточнены субъекты предварительного следствия и их компетенция, а прокурор утратил полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием. Практика показала успешность этого решения, о чем говорят последние корректировки в закон: расширение диапазона требования прокурора об устранении нарушений законодательства на этап проверки заявлений, сообщений о преступлении; введение новой меры – представления об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного расследования; наделение прокурора правом давать обязательные для исполнения письменные указания при отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и поручения о принятии и рассмотрении заявлений, сообщений о преступлениях.

Уголовный процесс характеризуется поэтапным проникновением в него цифровых технологий: в 2016 г. стало возможным проведение допроса, очной ставки и предъявления для опознания в режиме on-line с использованием видеоконференцсвязи и исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в этом режиме; в 2021 г. регламентированы вопросы изъятия электронных носителей информации и копирования электронной информации в ходе производства осмотра, выемки,

обиска, введено новое следственное действие – осмотр компьютерной информации.

Применительно к судебным стадиям уголовного процесса новеллы УПК 1999 г. коснулись расширения единоличного рассмотрения дел судьей; замены стадии предания суду на стадию назначения и подготовки судебного разбирательства. В то же время УПК в действующей редакции показывает некоторую «реанимацию» норм УПК 1960 г.: введение предварительного судебного заседания, одним из оснований которого является возвращение уголовного дела прокурору для устранения недостатков предварительного расследования (ст. 280¹ УПК). Большинство таких оснований вызывает недоумение ввиду невозможности их устранения на данном этапе уголовного процесса (например, как можно компенсировать отсутствие отправной точки уголовного дела – постановления о возбуждении уголовного дела?). Такой подход демонстрирует «ретроградность в реализации уголовно-процессуальной политики», поэтому считаем, что ограничение полномочий суда в первой редакции УПК 1999 г. в части возвращения уголовных дел в досудебное производство было оправданным. Стадия судебного разбирательства претерпела изменения в УПК 1999 г. в части полномочий суда с передачей их стороне обвинения; введения сокращенного порядка судебного следствия; возможности рассмотрения дел без участия обвиняемого. Новациями последних лет стали замена кассационного порядка пересмотра судебных постановлений судов первой инстанции на апелляционный (2016); воплощение идей процессуальной экономии (в 2017 г. введено заочное судебное разбирательство по делам ускоренного производства; в 2021 г. – фиксирование хода судебного заседания с использованием звуко- или видеозаписи и ведением краткого протокола судебного заседания). В качестве ближайших перспектив (с 2023 г.) можно определить реформирование судебно-надзорной деятельности посредством уточнения в уголовно-процессуальном законе апелляционного порядка пересмотра уголовных дел, наличия возможности обжалования (опротестования) судебных постановлений Верховного Суда Республики Беларусь в апелляционную инстанцию, состав которой предполагает участие народных заседателей; введение новой судебной инстанции – кассационного производства.

Подытоживая, отметим, что краткий ретроспективный обзор УПК с момента его принятия и до настоящего времени показывает их двойкий характер: с одной стороны, они являются реформаторскими (это касается, например, введения упрощенных, примирительных, согласительных процедур), хотя нередко такие изменения, на наш взгляд, имеют спон-

танный характер. С другой стороны, вносимые в УПК корректировки демонстрируют контрреформаторский подход – возрождение упраздненных институтов и ценностей, т. е. возраст к «советской идеологии» уголовного процесса.

УДК 351.74

С.А. Семенова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА БССР В 1920-Е ГГ.

Проблема защиты прав и свобод граждан, охрана правопорядка, борьба с преступностью являются основными направлениями деятельности для любого государства во все времена. Особенно важно осуществлять эти функции эффективно в тот период, когда происходит становление государства, формирование его основ, принципов построения. 1920-е гг. для молодой советской белорусской республики были наиболее важные и особенно тяжелые. В условиях военной интервенции, Гражданской войны и глубокого экономического кризиса, которые усложняли процесс формирования Советского государства, проблемы охраны правопорядка и спокойствия граждан находились на первом месте. Переход к мирному строительству вызвал необходимость поиска наиболее эффективных форм и методов организации и деятельности органов охраны правопорядка, к которым относился уголовный розыск.

После второго провозглашения Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) в 1920 г. в течение августа–ноября 1920 г. были сделаны основные организационные шаги по централизации милицейского аппарата республики. В августе 1920 г. на базе Минского губернского управления рабоче-крестьянской милиции было создано Управление рабоче-крестьянской милиции ССРБ, которое вскоре было переименовано в Главное управление рабоче-крестьянской милиции (Главмилиция) ССРБ. Приказом Главмилиции от 30 ноября 1920 г. № 20 было объявлено первое Положение о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции ССРБ с кратким изложением основных задач каждой ее структурной единицы (отдела). Борьба с преступностью «путем предупреждения и раскрытия общеуголовных преступлений» возлагалась на «отдел Следственно-розыскной милиции (Главрозыск)». Как следует из документов, Главрозыск, основанный в соответствии с постановлением коллегии Комиссариата внутренних дел ССРБ, стал первым центральным органом по организации и руководству подразделениями уголовного розыска на территории Беларуси. Главрозыск вхо-

дил в состав Главмилиции ССРБ. В составе двух неполных губерний – Гродненской и Минской – была восстановлена ССРБ. 2 декабря 1920 г. приказом по Главмилиции объявляется первая организационно-штатная структура уголовного розыска в центре и на местах по шести уездам, входившим в состав ССРБ: Бобруйского, Борисовского, Игуменского (с 1923 г. Червенского), Мозырского, Минского и Слуцкого. Кроме того, были определены главные задачи уголовного розыска, которые заключались в предупреждении и расследовании преступлений, а также функции, которые он осуществлял: «1) присмотр за публичными домами, подозрительными местами и скрывающимися в них лицами, путем обходов, облав и установления негласного надзора; 2) соби́рание сведений о происшествиях уголовного характера; 3) соби́рание сведений о месте и времени совершения преступления; 4) принятие жалоб и заявлений от потерпевших, свидетелей и других лиц, которые знают о совершении преступления; 5) допрос свидетелей; 6) проведение обысков, осмотров; 7) задержание подозреваемого в преступлении: а) когда он имеет непосредственное отношение к преступлению; б) когда потерпевший или свидетель покажут на подозреваемое лицо; в) когда у подозреваемого будут найдены явные следы преступления; г) когда вещи, которые служат доказательством преступления, принадлежат подозреваемому или будут обнаружены при нем; д) когда он сделал попытку убежать или пойман во время или после побега; е) когда подозреваемый не имеет постоянного места проживания или когда появятся основания неуверенности в его личности; 8) ведения самостоятельного следствия; 9) исполнения поручений судебных и следственных органов по проведению дознания; 10) регистрацию и розыск преступников». Решались вопросы комплектования, профессиональной подготовки сотрудников, формировалась оптимальная структура уголовно-розыскных подразделений.

Приоритетным направлением оперативно-служебной деятельности милиции и уголовного розыска в первой половине 1920-х гг. являлась борьба с бандитизмом. Однако характерной чертой данного периода являлось переплетение уголовного и политического бандитизма, контрреволюционные выступления. В советских законодательных актах того времени отсутствует четкое разграничение бандитизма общеуголовного и бандитизма политического (контрреволюционного). Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., который действовал и на территории Беларуси, предусматривал ответственность вплоть до высшей меры наказания за «организацию и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождалась ли эти

нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась». Только в 1922 г., по неполным данным, на территории ССРБ было зарегистрировано 242 вооруженных ограбления, а органами милиции и уголовного розыска задержано более 3,5 тыс. воров. Приказом Главмилиции ССРБ от 5 марта 1921 г. № 29 «в целях наиболее успешной борьбы с бандитизмом» предписывалось «всем начальникам уездных милиций выделить из числа милиционеров наиболее развитых и сознательных товарищей, которых передать в распоряжение начальника Уездного розыска для зачисления на должность агентов, число коих в каждом уезде должно быть доведено до 20 человек, Бобруйском уезде – в 2 раза больше, то есть до 40 человек». Непосредственно с целью борьбы с бандитизмом были организованы заградительные отряды, при которых создавалась специальная команда из 15–20 человек для полевой разведки при спецоперациях, а также – агентурная разведка из 5–10 человек секретных агентов. В Инструкции для заградительных отрядов, утвержденной 14 января 1921 г., отмечалось, что «оперативная работа по борьбе с бандитизмом и дезертирством ведется отрядами посредством облав на отдельные села, деревни, хутора и т. п., а также на места скопления группировок при расположениях вне селений, контрольными пунктами, секретными дозорами, летучими отрядами и общим действием отряда».

Переход к мирному строительству и новой экономической политике, провозглашенной в марте 1921 г. X съездом РКП(б), отличительными чертами которой стали введение продналога вместо продразверстки, свобода торговли, развитие сельскохозяйственной кооперации и мелкой частной собственности, сокращение административно-управленческих расходов, поставил перед милицией новые задачи. В Беларуси продразверстка заменена натуральным налогом решением третьей сессии ЦИК ССРБ 17 апреля 1921 г. Милиция должна была активно участвовать в реализации практических мероприятий, таких как сбор налогов, регистрация торговых предприятий и патентов, осуществлять борьбу с самонаварением. В годы нэпа произошел рост количества преступлений, направленных против финансовой и экономической основы Советского государства. В результате объем работы милиции, в частности уголовного розыска, значительно увеличился. Возникла потребность в объединении сил и средств подразделений уголовно-розыскного аппарата. С целью усиления борьбы с преступностью в 1922 г. согласно приказу НКВД РСФСР уголовный розыск вывели из подчинения милиции. В центре было создано Управление уголовного розыска, непосредственно подчиненное НКВД, что свидетельствует о создании самостоятельной административной единицы – Управления уголовного розыска, главными за-

дачами которого стала борьба с уголовной преступностью, в том числе с такими распространенными в то время преступлениями, как спекуляция, фальшивомонетничество, должностные и имущественные.

В результате первого укрупнения БССР в 1924 г., когда территория увеличилась более чем в два раза, было принято новое административно-территориальное деление на округа и районы. Были созданы Оршанская, Бобруйская, Борисовская, Витебская, Калининская, Могилевская, Мозырская, Минская, Полоцкая, Слуцкая окружные милиции. Центральным учреждением милиции стало объединенное Управление милиции и уголовного розыска НКВД БССР, которое было образовано в марте 1924 г. В структуре Управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР находился отдел уголовного розыска.

10 сентября 1926 г. Правительство БССР утвердило Положение о службе в рабоче-крестьянской милиции БССР. Согласно данному положению центральным учреждением милиции являлось Управление милиции НКВД БССР, учреждениями в округе – управление окружной милиции, в районе – управление районной милиции, на участке района – старший районный милиционер. В состав управления районной милиции входил агент уголовного розыска. В крупных районных центрах при управлениях милиции были учреждены уголовно-розыскные столы. До 1926 г. в оперативно-служебной деятельности уголовного розыска республики использовалась система распределения оперативных сотрудников для обслуживания определенных районов города в соответствии с их разделом на милицейские участки. Однако в апреле 1926 г. эта система претерпела первые существенные изменения, был введен принцип специализации – организованы группы со следующим распределением функций: в первую группу были переданы дела об убийствах всех видов, абортгах, о половых преступлениях, грабежах и разбоях; во вторую – дела о должностных и служебных преступлениях, мошенничестве, шантаже; в третью – дела о кражах со взломом, простых кражах из государственных, общественных учреждений и складов, а также у частных лиц и борьба со скупщиками краденого; в четвертую – дела о кражах коней, скотины, домашней птицы, транспорта и борьба со скупщиками краденых коней; в пятую – дела о карманных кражах и исполнении отдельных поручений судебно-следственных органов, а также отдельные поручения о розыске людей. В мае 1927 г. в соответствии с постановлением СНК БССР о рационализации и упрощении советского аппарата Управление милиции БССР было переименовано в Административное управление НКВД БССР, начальником которого являлся начальник милиции и уголовного розыска БССР и одновременно занимал должность заместителя народного комиссара внутренних дел БССР.

1920-е гг. характеризуются поисками наиболее эффективных форм организации и управления милицией и уголовным розыском, а также способов реализации функций, которые на них возлагались. На деятельность милиции и уголовного розыска в данный период оказали влияние такие факторы, как военная интервенция, Гражданская война, экономический кризис, переход к мирному строительству и проведение новой экономической политики. В условиях строжайшей экономии, сокращения административно-управленческих расходов приходилось решать сложнейшие задачи по совершенствованию органов внутренних дел и повышению эффективности их деятельности.

УДК 340(091)

И.А. Сороковик

ВЗГЛЯДЫ И. СТАЛИНА И Х. РАКОВСКОГО НА ФОРМУ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В историко-правовой науке особо не дискутируется вопрос о форме строительства нового государства на основе взглядов И.В. Сталина и Х.Г. Раковского, а это имело большое значение для существования СССР. Более известна позиция И.В. Сталина и В.И. Ленина на этот вопрос. Если фигура И.В. Сталина ныне хорошо знакома, то Х.Г. Раковского (Станчева) малоизвестна. Он был болгарским социалистом-революционером, имел контакты с известными европейскими социал-демократами разных взглядов, стал большевистским политиком, государственным деятелем, советским дипломатом, вместе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, Н.Н. Крестинским и другими был осужден из-за троцкистских взглядов. Приговорен к 20 годам каторги, находился в Орловской тюрьме и в 1941 г. совместно со 150 другими политическими заключенными был расстрелян.

Взгляды Х.Г. Раковского на вопрос советского строительства более четко определились тогда, когда он по предложению В.И. Ленина возглавил СНК Украины (1919–1923 гг.). Практическая деятельность на этой должности позволила ему лучше понять взаимоотношения советских республик и центра в интересах всего Союза ССР. Отсюда и его взгляды на форму государственного устройства СССР, которые практически совпадали с ленинскими, однако расходились со сталинскими.

На это время в руководстве РСФСР имелась административно-хозяйственная концепция устройства государства. 9 декабря 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов дал поручение ВЦИК «разработать

практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР». В основу концепции был положен не этнический принцип, а экономический. Предполагалось, что вся территория советских республик будет разделена на 21 административную область. В «Европейской России» – 12, а в «Азиатской России» – 9. В «Европейскую Россию» входила Западная область с центром в Смоленске. В нее планировалось включить Минскую, Витебскую, Могилевскую, Смоленскую, Гомельскую, Брянскую губернии. На ее территории проживало в своем большинстве белорусское население.

Однако высшее руководство РКП(б) решило осуществить районирование на национальной основе. На X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) Сталин выступил с тезисами «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». На основе практики взаимоотношений государственных устройств на территории прежней империи Сталин выделил три вида федераций. Это «основанной на советской автономии» – Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан; «основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками» – Украина и Азербайджан; «с допущением промежуточных ступеней между ними» – Туркестан и Беларусь. Он правомерно заявлял, что «федерация может быть прочной, а результаты федерации – действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в неё стран». Беларусь Сталин отнес к третьей форме федерации – промежуточной, хотя 21 января 1921 г. РСФСР заключила с ССРБ договор, как ранее с Украиной и Азербайджаном.

Время настоятельно требовало практического решения вопроса о взаимоотношениях молодых советских республик. Капиталистические государства не спешили их признавать, развивать с ними экономические отношения. И.В. Сталин в письме членам Политбюро 13 января 1922 г. считал, что необходимо «добиться в кратчайший срок объединения всех независимых республик с РСФСР на началах автономии». Х.Г. Раковский определил такой подход «величайшей политической ошибкой», так как он «формально упраздняет независимые советские республики».

Учитывая, по выражению В.И. Ленина, «архиважность вопроса», 10 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило Оргбюро ЦК сформировать комиссию с целью подготовки «вопроса о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик». 11 августа такая комиссия была организована в составе И.В. Сталина, В.В. Куйбышева, Х.Г. Раковского, Г.К. Орджоникидзе, Г.Я. Сокольников, а также представителей советских республик, в том числе Г.И. Петровского – от Украины, Д.Г. Червякова – от Беларуси. Представленный комиссии в конце августа 1922 г. «Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми рес-

публиками», предложенный И.В. Сталиным, имел принципиальное значение. В нем отмечалось: «1. Признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым».

Х.Г. Раковский сделал свои замечания на этот проект резолюции и строго секретно направил их И.В. Сталину. В них он ставил вопрос о том, что в проекте «говорится об обязанностях независимых республик, о подчинении директивам центра, но ничего не сказано о правах, которыми пользуются их ЦИК и Совнарком и находящиеся при них наркоматы и управления объединенных комиссариатов». Он считал, что «данный проект игнорирует, что Советская федерация не является однородным национальным государством... Его проведение, т. е. формальное упразднение независимых республик, явится источником затруднений как за границей, так и внутри Федерации».

В своих замечаниях Х.Г. Раковский останавливается на трех аспектах взаимоотношений центра и республик: на хозяйственном, внешнем, федеральной системе управления. Он сетует на то, что в «данный момент хозяйственная инициатива независимых республик чрезвычайно сужена. При отсутствии у них финансовых средств и права распоряжаться местными богатствами, они теперь не в состоянии работать как следует для поднятия местных производительных сил». С принятием данного проекта, подчеркивает он, «еще больше уменьшит их (республик – И.С.) хозяйственную роль».

По его мнению, «за границей проведение этой резолюции укрепит положение наших противников из буржуазного и соглашательского лагерей. Форма независимых республик давала нам возможность производить максимум революционного эффекта на всех окраинах, а также за границей». «Посредством независимости Украины, – продолжал он, – имелась возможность совершать революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию, иметь влияние на около десяти миллионов украинцев Польши, Прикарпатской Руси и других регионов».

Самый главный вопрос, заключает Х.Г. Раковский, – это «вопрос о выработке строго централизованной, но федеральной системы управления, в которой правильно были бы защищены интересы республик и последние пользовались бы определенной автономией». Он считал заключение комиссии неокончательным, вопрос должен быть поставлен снова и разрешен постановлениями партийных съездов.

В то же время 22 сентября 1922 г. И.В. Сталин написал В.И. Ленину, что между центром и окраинами «отсутствие всякого порядка и полный хаос становятся нестерпимыми, создают конфликты...». Такое по-

ложение, по его мнению, во многом сложилось потому, что «молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказываются понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик». И чтобы формы взаимоотношений между центром и окраинами соответствовали фактическому положению дел, фиктивная независимость должна быть заменена реальной автономией. «Иначе через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик». В связи с изложенным он предлагал признать целесообразным автономизацию Украины, Беларуси, Грузии, Азербайджана и Армении с тем, чтобы «к Всероссийскому Съезду Советов ЦИК и этих республик сами добровольно изъявили свое желание вступить в более тесные хозяйственные отношения с Москвой на началах автономии».

Точка зрения В.И. Ленину по этому вопросу известна в литературе как «проект федерализации» или «союзный проект». Конечно, он, как великий стратег и прагматичный тактик, понимал, что «автономизация» может вызвать открытое, а еще более скрытое недовольство бывших окраин Россией и привести к расколу в советском лагере. Чтобы этого избежать, 26 сентября 1922 г. он в письме Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) писал: «мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии». В.И. Ленин предложил создать «общесоюзный ВЦИК Союза Советских Республик Европы и Азии». С учетом общих для союза республик органов предлагал внести и другие правки в проект И.В. Сталина.

На XII съезде РКП(б) Х.Г. Раковский выступил против национальной политики И.В. Сталина. Он поставил вопрос о конструировании второй палаты ЦИК СССР (ее назовут Совет Национальностей). Его предложение сводилось к тому, чтобы в ее состав ввести не всех представителей союзных и автономных республик и автономных областей, а создать ее на началах представительства четырех независимых республик: РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР. Другими словами, создать Совет Союзных Республик на началах равенства для гарантии суверенности этих республик. Однако предлагаемое И.В. Сталиным решение, подготовленное на основе практики деятельности Наркомата по делам национальностей РСФСР (во вторую палату должны входить представители союзных и автономных республик, автономных областей), на взгляд Х.Г. Раковского, не давало советским республикам таких гарантий. И пояснял почему: «у нас из 360 депутатов в союзном ЦИКе 280, а может, и больше,

принадлежит РСФСР. 80 принадлежат всем независимым республикам, вместе взятым...».

Окончательное предложение Х.Г. Раковского по второй палате было следующим: «во вторую палату входят не национальности, а государственные объединения, и мы давно сказали т. Сталину, что мы, Украина, не хотим иметь одинаковое число голосов с РСФСР. Нет, мы гораздо более скромны, мы были бы довольны, если бы РСФСР удовлетворилась бы в этой палате голосами не более $\frac{2}{5}$, и эти $\frac{2}{5}$ голосов распределит между различными республиками. Это ее дело». Но «если РСФСР хочет дать пример либерализма и демократического национализма, которым т. Сталин оперирует против нашей двухпалатной системы, пусть РСФСР создаст при своем ВЦИКе вторую палату, куда эти республики были бы приглашены». Поэтому, по его заключению, «ни одно из го-собъединений, входящих во вторую палату, не может иметь больше $\frac{2}{5}$ всех голосов».

И.В. Сталин выступил решительно против этой поправки. Он считал, что если она будет принята съездом, то его «тезисы будут опрокинуты вверх дном». И это действительно так, потому что будут больше учитываться права всех советских республик, а не только РСФСР.

Таким образом, И.В. Сталин и Х.Г. Раковский представили свои подходы к советскому строительству, которое затрагивало интересы республик и центра. И.В. Сталин стоял на позициях централизации, по существу строительства унитарного государства. Х.Г. Раковский был приверженцем положения между федерацией и конфедерацией, за баланс интересов центра и республик, выступал за разумное соотношение прав и обязанностей как центра, так и республик. Он не отрицал необходимости центра, но был против того, когда власть полностью находилась у центра.

Пользуясь поддержкой своих выдвиженцев, съезд принял предложение И.В. Сталина и Советский Союз стал развиваться, по существу, как унитарное государство. СССР выстоял и победил в борьбе с нацизмом, превратился в мощное индустриальное государство. Однако по мере своего развития накапливались проблемы, которые, созрев, привели к распаду государства. Одной из причин стало ограничение центром прав союзных республик, о чем в начале 1920-х гг. отмечал Х.Г. Раковский. С учетом практики прошлого руководство Республики Беларусь стремится учитывать как общесоюзные интересы, так и региональные, особое внимание уделяя их специализации, развитию малых и средних городов.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

Одно из центральных мест в идеологии белорусского государства занимает тема Великой Отечественной войны. Указанная тема представляет собой одну из несущих конструкций государственной идеологии. Причина длительного сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне состоит в масштабе происшедших событий; во всемирно историческом значении Победы в этой войне; в количестве жертв, которые граждане Советской Беларуси положили на алтарь Победы в борьбе с коричневой чумой XX в. – германским национал-социализмом или, как принято называть его в современной историографии, – германским фашизмом. Безусловно, нельзя искусственно выделять только роль белорусского народа в разгроме врага. Обязательно сохранять память о совместной победе всех народов Советского Союза, не поддаваться искушению приписать основное либо доминирующее значение только одному народу. Подобные проявления характерны для некоторых современных стран Запада, России и Беларуси. Отечественные авторы основываются на том, что именно белорусы (имеются в виду граждане БССР без их разделения на белорусов, евреев, русских, украинцев и т. д.) понесли наибольшие потери из всех стран-участниц войнам. В разное время назывались разные цифры безвозвратных потерь населения Беларуси во Второй мировой и Великой Отечественной войне. Советская историография традиционно называла цифру в более чем 2 млн 200 тыс. граждан, погибших на этой войне. Современные отечественные авторы склоняются к цифре в более чем 3 млн граждан Советского Союза, погибших на территории современной Беларуси. Тезис «каждый четвертый в земле белорус» меняется на утверждение, что «каждый третий в земле белорус».

Среди части зарубежных авторов существует негативная тенденция искусственного занижения числа погибших на территории белорусского государства. Она связана с желанием преуменьшить роль Советского Союза в целом и Беларуси в частности в победе над фашизмом. В качестве примера можно привести стремление некоторых авторов подчеркнуть масштаб трагедии Холокоста. Ни в коей мере не отрицаем сам Холокост, трагедию массового, ужасающего по целям и масштабам уничтожения

еврейского населения по национальному признаку. Как и цыган, евреев уничтожали от мала до велика только на основании их принадлежности к определенной нации. Однако масштабы трагедии Холокоста не должны ни в коей мере приводить к попыткам преуменьшить трагедию остальных европейских народов, в частности белорусов.

Известны публикации, в которых подчеркивается, что основная масса погибших на территории Беларуси – это местные советские и перемещенные для уничтожения европейские евреи. Согласно этим публикациям собственно белорусов погибло относительно немного, около 700 000 человек. Даже не будем останавливаться на некорректности разделения жертв национал-социализма (германского фашизма) по национальному признаку. Понимая, что и данная цифра также представляет ужаснейшие последствия для примерно 10 млн довоенной Беларуси, тем не менее это «выводит» наших предков из числа народов, которые внесли наибольший вклад, а вместе с этим понесли и наибольшие потери в борьбе с германским фашизмом.

Современная идеология белорусского государства отводит теме войны особое внимание в связи с международной обстановкой, с ростом популярности неонацистских и фашистских идеологий в мире. Необходимость борьбы с тем же злом, с которым боролись предки нынешних граждан Беларуси, заставляет постоянно обращаться к историческому подвигу защитников Отечества в период Второй мировой и Великой Отечественной войн. Современным требованием является воспитание новых поколений в глубоком уважении памяти павших героев. Существует необходимость постоянно актуализировать знания о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, напоминать о героизме защитников Брестской крепости, обороны Минска, обороны Могилева (то же знаменитое Буйничское поле и подвиг бойцов батальона капитана Владимирова), советских партизан и подпольщиков. На слуху должны быть имена Т.П. Бумажкова и Ф.И. Павловского, ставших первыми в истории героями Советского Союза из числа советских партизан. Не должны уйти в прошлое подвиги Ф.А. Крыловича, совершившего самую масштабную сухопутную диверсию в истории Второй мировой войны, взорвавшего три состава с горючим, боеприпасами и живой силой противника на железнодорожном узле Осиповичи; подвиг подпольщиц М.Б. Осиповой и Е.Г. Мазаник по уничтожению высшего руководства оккупантов в генеральном округе Беларусь – гауляйтера Вильгельма Кубе. Партизаны Батяка Минай (М.Ф. Шмырёв), К.П. Орловский, В.З. Корж, В.И. Козлов, К.С. Заслонов и многие другие. Не должны быть забыты 1 300 000 граждан Беларуси, участвовавших в борьбе с фашизмом в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР.

Формирование патриотизма белорусских граждан, основанного на памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, имеет чрезвычайно важное значение. Фактически тема героизма в этой войне является одной из основополагающих составляющих современной идеологии белорусского государства.

Можно обозначить несколько ключевых, с нашей точки зрения, проблем в данном вопросе:

1. Снижение общего интереса к теме Великой Отечественной войны как следствие все большей отдаленности от событий того времени (данный процесс объективен и не может быть полностью блокирован);

2. Изменения в оценках отдельных тем и событий Великой Отечественной войны (например, смещение с акцента на итоговой Победе в войне на гуманитарный аспект этой Победы, на размер потерь советского народа в Великой Отечественной войне по принципу «а стоило ли это таких потерь?»);

3. Использование сюжетов о Великой Отечественной войне в различных идеологических конструкциях (как следствие – уменьшение стремления авторов к поиску собственно научной истины в угоду идеологически удобной исторической правде).

Таким образом, можно констатировать следующее. Тема Великой Отечественной войны продолжает сохранять свою актуальность и как наследие героического прошлого белорусского народа и как важная составляющая идеологии белорусского государства. Существует тенденция пересмотра устоявшихся с советского времени оценок отдельных сюжетов и темы Великой Отечественной войны белорусского народа в целом. Задачей современной отечественной исторической науки и идеологии белорусского государства является сохранение основополагающих положений, сформулированных еще в послевоенной Беларуси: Беларусь – страна-победительница и страна-партизанка, внесшая наибольший вклад в разгром фашизма; белорусский народ – народ-победитель вместе со всеми народами бывшего Советского Союза и народами стран антигитлеровской коалиции; белорусы – наследники героев войны, чей подвиг живет в веках; война – это то, что никогда не должно повториться. Эти положения являются основополагающими современной идеологии белорусского государства, основанными на глубоком уважении к подвигу и памяти наших предков.

НЕРАСКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СССР И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Революционные события 1917 г. и образование СССР оказали значительное влияние на развитие белорусского общества, государства и права. Советским правительством был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на изменение социального и экономического уклада нового государства. Изменения затронули все сферы общественных отношений, в том числе и гражданско-правовую.

В период военного коммунизма советской властью была проведена отмена частной собственности и отказ от рыночных отношений. Однако это не дало ожидаемого результата по стабилизации экономики. В связи с чем на X съезде РКП(б) был принят курс на проведение новой экономической политики, которая оказала значительное влияние на развитие гражданско-правовых отношений. Так, 31 октября 1922 г. ВЦИК РСФСР было принято постановление о введении в действие Гражданского кодекса. Свой кодифицированный акт, объединяющий нормы гражданско-права, получила и Белорусская ССР в 1923 г.

Гражданский кодекс БССР 1923 г., как и принятый в последующем в 1964 г., регулировал имущественные отношения и связанные с ними личные неимущественные отношения. При этом оба нормативных акта не содержали в себе нормы, направленные на обеспечение информационной безопасности, что свидетельствует об отсутствии актуальности правового регулирования соответствующих общественных отношений. Гражданское законодательство советского периода еще не включало в объекты гражданских прав «нераскрытую информацию», а именно «коммерческую тайну» и «служебную тайну».

В законодательстве СССР, в том числе БССР, отсутствовало законодательное определение понятий «служебная тайна» и «коммерческая тайна». По мнению российских юристов (Н.С. Кармановского, С.Л. Савченко-Новопоплавской), служебная тайна имела различные значения в определенный исторический период развития Советского государства. Авторы считают, что с 1960 г. под служебной тайной понимались любые научно-технические, экономические и иные сведения, которые не составляли государственную тайну. Правовед Г.Г. Камалова полагает необходимым считать служебной тайной в СССР содержание нормативных правовых актов, которые устанавливали права и обязанно-

сти граждан, правовой статус организаций, предприятий, учреждений и государственных органов, а также механизм их реализации. Гражданский кодекс БССР не предусматривал защиту информации в качестве служебной тайны.

Защита информации, составляющей коммерческую тайну, также не была предусмотрена в советском гражданском законодательстве. В связи с отсутствием частной собственности необходимости в установлении режима коммерческой тайны в отношении сведений, подлежащих правовой защите, не было.

Экономические реформы периода перестройки 1985–1991 гг. в СССР способствовали легализации частной собственности. Появление коммерческих организаций требовало гражданско-правового регулирования новых социально-экономических отношений. В связи с этим советским руководством был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на защиту новых форм предприятий. В соответствии со ст. 33 Закона СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР» впервые было дано определение понятию «коммерческая тайна предприятия», определен состав и объем сведений, ее составляющих, а также предусмотрена ответственность за разглашение сведений.

После обретения независимости в 1991 г. Республика Беларусь сохранила наследие советского законодательства. В частности, на территории белорусского государства длительное время продолжал действовать Закон БССР от 14 декабря 1990 г. № 462-ХП «О предприятиях в БССР», в который неоднократно вносились изменения и дополнения. Как отмечают белорусские правоведы (Д.А. Колбасин, А.М. Бокшиц), в постсоветский период произошло становление и развитие института коммерческой тайны Республики Беларусь. Приобрел актуальность и вопрос о защите конфиденциальной информации с целью недопущения причинения вреда интересам конкуренции субъектов хозяйствования и угрозы их экономической безопасности.

В связи с этим 6 ноября 1992 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 670 было утверждено Положение о коммерческой тайне. Данный документ определял экономические и правовые основы защиты информации, составляющей коммерческую тайну. Лица, имевшие доступ к коммерческой тайне субъекта хозяйствования и заключившие гражданско-правовые договоры, принимали на себя обязательства по сохранности и неразглашению сведений, ее составлявших.

Важным этапом развития гражданско-правовой защиты информации стало принятие Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) в 1998 г. К видам объектов гражданских прав была отнесена «охраняемая

информация». В ГК также появилось понятие «нераскрытая информация», которую законодатель отнес к объектам прав интеллектуальной собственности.

В редакции ГК от 18 июля 2022 г. понятие «охраняемая информация» отсутствует, а нераскрытая информация является объектом гражданских прав. Установлено, что информация охраняется в качестве нераскрытой информации в том случае, если она составляет коммерческую или служебную тайну.

С целью регулирования правовой защиты информации в режиме коммерческой или служебной тайны были приняты Законы Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-3 «О коммерческой тайне» и от 19 июля 2010 г. № 170-3 «О государственных секретах». Принятие данных нормативных правовых актов конкретизировало, какая информация относится к сведениям, составляющим коммерческую или служебную тайну, а также определило порядок защиты информации от ее неправомерного использования или распространения, в том числе и гражданско-правовыми способами.

Таким образом, гражданское законодательство Республики Беларусь в сфере защиты нераскрытой информации, взяв истоки своего развития в советском законодательстве периода перестройки, динамично развивается и в настоящее время. В целях совершенствования защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства в информационной сфере целесообразно уточнить информацию в системе объектов гражданских прав и актуализировать способы ее защиты.

УДК 340.1

П.В. Тарлецкий

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Распад Советского Союза отразился как на состоянии политической и экономической жизни республики, так и на системе правоохранительных органов и на службе вневедомственной охраны. Почти 40 лет вневедомственная охрана всех республик руководствовалась в своей деятельности союзными документами, которые являлись обязательными для исполнения, учитывая особенности каждой республики. Резкое изменение существовавшего до этого порядка взаимоотношений между субъектами хозяйствования потребовало поиска новых, порой

неординарных путей разрешения проблем в обеспечении служебной и финансово-хозяйственной деятельности службы. Возникла острая необходимость заполнить образовавшийся в результате этого вакуум в нормативно-правовом обеспечении охранной деятельности. Переход к рыночным отношениям требовал по-новому организовать работу, учитывая благоприятные и неблагоприятные факторы.

Начало было положено принятием Верховным Советом БССР (с 19 сентября Республика Беларусь) 26 февраля 1991 г. Закона «О милиции», ст. 12 которого определяла правовой статус подразделений вневедомственной охраны в составе специальной милиции, наряду с Государственной автомобильной инспекцией, милиции режимных объектов и территорий и т. д. 30 мая этого же года Советом Министров БССР была утверждена структура аппарата Министерства внутренних дел (МВД). В соответствии с ней при МВД БССР было создано объединение «Охрана», а 13 августа утверждено его Временное положение. В принятом постановлении Совета Министров БССР от 24 июля 1991 г. № 286 «О совершенствовании порядка оказания услуг по охране объектов, принадлежащих предприятиям, учреждениям, организациям и гражданам» было закреплено новое название «объединение «Охрана» при Министерстве внутренних дел БССР», подразделение было признано «в качестве специализированной службы, действующей на началах хозяйственной самостоятельности и содержащейся за счет средств, поступающих за оказываемые ею услуги». На объединение было возложено также руководство деятельностью в области охраны объектов народного хозяйства, надзор за состоянием охраны объектов, находящихся в собственности республики, разработка единых квалификационных требований, обязательных для всех предприятий и граждан, оказывающих охранные услуги, и установлено, что доходы от основной деятельности подразделения налогом не облагаются.

Деятельность объединения «Охрана» в этот период регулировалась в основном ведомственными приказами и другими нормативными правовыми актами, изданными как МВД Республики Беларусь, так и самим объединением. Наиболее значимые из них – приказы МВД Республики Беларусь от 28 октября 1992 г. «О внесении изменений в нормативные документы, регламентирующие деятельность объединения «Охрана» и его подразделений»; от 27 декабря 1995 г. «Об утверждении Наставления по организации службы военизированными и сторожевыми подразделениями объединения «Охрана» при МВД Республики Беларусь» и др.

Однако все эти документы не позволяли принять эффективные меры к наведению должного порядка в области охранной деятельности. По их нормам невозможно было пресечь безлицензионную деятельность

субъектов хозяйствования, осуществляемую ими под видом «охраны общественного порядка», «обеспечения безопасности и правопорядка». Более того, иные субъекты хозяйствования, не имея на то полномочий, наделяли своих охранников правами производить досмотр транспортных средств, личный досмотр, а также административное задержание граждан. Заключение охранными структурами субъектов хозяйствования договоров подряда и других противоправных сделок позволяло им избегать уплаты налогов, не неся при этом ответственности. В государственные органы поступали жалобы сотрудников охранных фирм на работу в сверхурочное время, которое часто превышало 200–300 часов в месяц. Все это обусловило необходимость принятия эффективных мер по усилению государственного регулирования охранной деятельности в республике.

23 декабря 1998 г. Президентом Республики Беларусь издан Декрет № 24 «О мерах по совершенствованию охранной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Декрет № 24). Этот документ существенно повысил роль государственных структур в сфере охранной деятельности. Важно отметить, что с 1992 по 1999 г. в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 октября 1991 г. № 386, приказом МВД Республики Беларусь от 27 июля 1998 г. № 93 выдавались специальные разрешения на предпринимательскую деятельность по охране имущества физических и юридических лиц, однако с принятием Декрета № 24 эта деятельность стала исключительно правом государства.

Более детально вопросы лицензирования были изложены в Положении о лицензировании охранной деятельности в Республике Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 февраля 1999 г. № 262. Согласно п. 4 данного положения «Лицензия представляет собой специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом соответствующего вида охранной деятельности на территории Республики Беларусь». После вступления в силу Положения о лицензировании охранной деятельности в Республике Беларусь многие охранные организации сдали в установленном порядке лицензии на осуществление охраны собственности, расторгли договоры об оказании охранных услуг и заключили с теми же клиентами притворные сделки «по оказанию услуг в сфере управления производством», «проведении консультаций по вопросам безопасности» и др.

В связи с изданием декрета и принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19 февраля 1999 г. № 262 «Об утверждении Положения о лицензировании охранной деятельности в Республике Беларусь» возникла потребность регламентации понятий, исполь-

зуемых в охранной деятельности. В связи с этим объединение «Охрана» инициировало разработку стандарта Беларуси СТБ 1250-2000 «Охрана объектов и физических лиц. Термины и определения».

В 1990-е гг. были образованы новые подразделения, которые позже были переданы объединению «Охрана». Среди них можно отметить управление по охране дипломатических представительств и консульских учреждений и специальное подразделение милиции для осуществления охраны и сопровождения ценных грузов и денежных средств, охраны физических лиц.

24 марта 1992 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь была образована рота милиции по охране дипломатических и консульских представительств. С ноября 1995 г. на базе этого подразделения было образовано управление по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в составе Главного управления государственной охраны при Президенте Республики Беларусь. После Указа Президента Республики Беларусь от 14 августа 1999 г. № 470 и приказа Министра внутренних дел Республики Беларусь от 18 августа 1999 г. № 27 управление по охране дипломатических представительств и консульских учреждений было передано в состав объединения «Охрана». Свою деятельность оно начало реализовывать в соответствии с положением Венской конвенции о дипломатических отношениях 1961 г., Венской конвенции о консульских отношениях 1963 г. и Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.

Грабежи и разбои на дорогах привели к образованию нового специального подразделения для сопровождения организованных колонн автотранспорта и перевозки ценных грузов. Приказом объединения «Охрана» от 13 мая 1992 г. № 01 был образован отдельный моторизованный взвод, а 16 марта 1993 г. МВД Республики Беларусь приказом № 72 объявило об образовании специального подразделения милиции для осуществления охраны и сопровождения ценных грузов и денежных средств, охраны физических лиц.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2003 г. № 603 «О некоторых мерах по совершенствованию системы органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь» объединение «Охрана» было преобразовано в Департамент охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь с правами юридического лица.

Рубежным документом в развитии службы «Охрана» является Указ Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268 «О некоторых вопросах органов и подразделений внутренних дел Республики Бела-

русь». В соответствии с данным указом было утверждено Положение о Департаменте охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В этом положении были отражены функции и задачи Департамента охраны, полномочия, организация его деятельности, функции начальника подразделения. Новое подразделение было призвано выполнять те же функции, что и его предшественник, однако изменился его внутриведомственный статус.

Дополнением к Указу Президента Республики Беларусь явился Декрет от 19 августа 2004 г. № 6 «О мерах по совершенствованию деятельности Департамента охраны Министерства внутренних дел», который утверждал перечень объектов, подлежащих обязательной охране Департаментом охраны. Среди таких объектов можно выделить: объекты республиканских органов государственного управления, здания судов, органов прокуратуры, банковские учреждения, объекты, на которых осуществляются производство, хранение либо реализация оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и материалов и др. Это являлось «исключительным правом государства, реализуемым только Департаментом». По Указу Президента Республики Беларусь от 25 октября 2007 г. № 534 «О мерах по совершенствованию охранной деятельности» этот список объектов был уточнен и дополнен.

8 ноября 2006 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об охранной деятельности в Республике Беларусь» № 175-3, который и в настоящее время является одним из основополагающих нормативных правовых актов, устанавливающих организационные и правовые основы и регулирующие отношения в сфере осуществления охранной деятельности. Основными принципами деятельности охранных подразделений в Республике Беларусь являются законность, гуманизм, защита прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, взаимодействие организаций, осуществляющих охранную деятельность, с правоохранительными органами.

28 марта 2016 г. постановлением МВД Республики Беларусь № 71 была принята Инструкция о порядке организации работы по оказанию (выполнению) охранных услуг (работ) Департаментом охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в том числе по обследованию объектов. Они регулируют порядок приема и передачи под охрану Департаменту охраны объектов, имущества юридических лиц, жилых домов граждан, их обследования и организацию делопроизводства по договорам об оказании охранных услуг.

В настоящее время Департамент охраны является структурным подразделением МВД Республики Беларусь с правами юридического лица, уполномоченного осуществлять функции в охранной сфере и финанси-

руемым как за счет средств, поступающих и остающихся на счетах Департамента охраны от договорной охранной деятельности, так и за счет средств республиканского бюджета и иных источников, определенных законодательством. При этом имущество Департамента охраны закрепляется за ним на праве оперативного управления и является собственностью Республики Беларусь.

УДК 351.741

А.А. Тимошенко

РЕФОРМИРОВАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР В ПЕРИОД «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

К 1954 г. МВД БССР обладало крайне широкими полномочиями: ведомство управляло государственной безопасностью, архивами, фельдсвязью, милицией, местной противовоздушной обороной, органами записи актов гражданского состояния.

Широкий функционал сложился в результате отсутствия стратегического подхода к созданию организационной структуры: органы государственной безопасности с 1934 по 1954 г. дважды то выделялись в качестве независимого министерства, то затем включались обратно. С 1949 по 1953 г. милиция вовсе была подчинена МГБ БССР. Параллельно сформировались территориальные органы как МВД, так и непосредственно управления милиции.

Политическая и государственная трансформация Советского Союза, связанная со смертью И.В. Сталина и арестом Л.П. Берии, затронула систему правоохранительных органов. Новое руководство страны приняло решение об ослаблении МВД для исключения широкого влияния ведомства на внутреннюю политику государства. В связи с этим произошло выделение из состава МВД БССР органов государственной безопасности и создание 19 мая 1954 г. Комитета государственной безопасности при Совете Министров БССР. Управление милиции при этом осталось в составе МВД БССР. Разделение поставило точку в вопросе дифференциации данных органов, позволив каждому из них специализироваться на своей сфере ответственности – внутренних делах и государственной безопасности.

Следующий шаг в реформировании органов внутренних дел связан с деятельностью правительственной комиссии, которая в феврале-марте 1956 г. провела проверку МВД СССР в связи с назначением на должность Министра Н.П. Дудорова. Проверкой обозначено значительное

количество недостатков – в деятельности по исправлению и перевоспитанию осужденных, в работе по обеспечению общественной безопасности, в борьбе с преступностью, в кадровом обеспечении. В качестве итога проверки издано постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 25 октября 1956 г. № 1443-719 «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР». Основные положения документа сводились к следующим мероприятиям:

1. Снять опытных сотрудников с руководящей и канцелярской работы и направить их на оперативную.

2. Объединить территориальные управления МВД и управления милиции в управления внутренних дел исполнительных комитетов с введением одновременной двойственной подотчетности исполнительному комитету и вышестоящему органу внутренних дел.

3. Передать функции по регистрации актов гражданского состояния исполнительным комитетам.

Именно благодаря данной реформе создана современная структура территориального управления органами внутренних дел, а передача ЗАГСов исполнительным комитетам продолжила тенденцию к сокращению функций МВД.

Но самая радикальная реформа произошла в 1960 г. Руководство страны приняло решение о ликвидации союзно-республиканского МВД СССР. Согласно данному решению каждая союзная республика должна была самостоятельно оказывать противодействие преступности, проводить профилактику и осуществлять охрану общественного порядка, подчиняясь не руководству в Москве, а республиканским государственными и партийным органам.

Министру внутренних дел БССР была передана часть прав, которые до этого входили в компетенцию Министра внутренних дел СССР. К ним относятся права вне очереди присваивать, понижать и восстанавливать сотрудникам специальные звания, назначать на должности начальников территориальных подразделений, перемещать начальствующий состав между областными управлениями, предоставлять возможность службы сверх установленного возраста. Помимо вышеперечисленных прав, Министр внутренних дел БССР получил возможности предоставлять право ношения формы одежды уволенным сотрудникам, увольнять или арестовывать лиц начальствующего состава, в том числе с санкционированием привлечения к уголовной ответственности. Ранее все эти полномочия были предоставлены исключительно Министру внутренних дел СССР.

Широкие полномочия были предоставлены Министру в области регулирования деятельности военизированной пожарной охраны: уста-

навливать структуру и штаты, издавать уставы и наставления, согласовывать с местными Советами численность подразделений.

Реформа 1960 г. системы органов внутренних дел лишь продолжила тенденцию к передаче функций МВД другим органам. Так, МВД было лишено руководящей роли в управлении государственным архивным хранением, фельдсвязью, местной противовоздушной обороной. Соответствующие подразделения переданы в другие ведомства или стали самостоятельными.

Произошло изменение имевшихся связей между министерствами различных республик. Ранее существовавшая иерархическая подчиненность республиканских министерств МВД СССР была трансформирована в равные взаимоотношения с МВД РСФСР и другими советскими республиками.

Подобное решение о децентрализации управления органами внутренних дел создало ряд проблемных вопросов, решение которых было необходимо найти в кратчайшие сроки. Центральный аппарат МВД БССР не был готов к выполнению новых задач. Отсутствовало какое-либо структурное подразделение, которое бы выполняло функцию разработки нормативных и методических актов, занималось анализом работы милиции и планированием.

В 1962 г. для решения этой проблемы был создан организационно-методический отдел. В дальнейшем указанный отдел был переименован в организационно-инспекторский отдел, а затем и в штаб МВД БССР.

В данный период проведена значительная работа по обновлению нормативной правовой базы деятельности органов внутренних дел. В 1962 г. Советом Министров СССР было утверждено Положение о советской милиции (далее – Положение). Предыдущее Положение, по которому работала советская милиция, безусловно, устарело – оно утверждалось постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г. Положение упорядочило права и полномочия сотрудников милиции. Стоит отдельно выделить значительно выросший уровень требований к материальному обеспечению сотрудников милиции. Согласно данному Положению государственные органы обязаны были обеспечить работников милиции жилой площадью. Милиционеры получили право бесплатного проезда в общественном транспорте. Для сравнения, в Положении 1931 г. от местных органов власти требовалось выделить лишь 5 % из имеющегося в их ведении жилищного фонда нового строительства и только для семейных милиционеров.

Постановлением Совета Министров БССР от 30 января 1962 г. № 30 утверждалось Положение о Министерстве внутренних дел Белорусской ССР. Был установлен статус МВД БССР в качестве республиканского

министерства, подчиненного Совету Министров БССР. Перед МВД согласно данному документу четко обозначались следующие задачи: обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, охрана социалистической собственности и имущества граждан, пресечение и полное раскрытие преступлений, исправление и перевоспитание осужденных, пожарная охрана и обеспечение безопасности движения автотранспорта. Подчеркивалась большая роль коллегии в руководстве деятельностью ведомства. Так, члены коллегии были уполномочены апеллировать в Совет Министров БССР о возникших в ходе заседаний коллегии с Министром внутренних дел разногласиях.

После отставки Н.С. Хрущева руководством Советского Союза тенденция по развитию системы МВД была пересмотрена. 23 июля 1966 г. принято решение о создании МООП СССР, где был обозначен курс на централизацию в управлении органами внутренних дел.

Одним из итогов реформирования стало ограничение функций МВД до преимущественно полицейских. Если ранее НКВД-МВД представляли из себя ведомство с крайне широкой зоной ответственности, то по итогу реформ многие сторонние функции были переданы в другие государственные органы, что помогло сконцентрироваться на борьбе с преступностью и охране общественного правопорядка.

Появление собственного штабного подразделения в ходе реформирования значительно укрепило управленческие возможности аппарата МВД БССР.

До сих пор сохранилось двойное подчинение территориальных подразделений органов внутренних дел органам местного управления и вышестоящим подразделениям органов внутренних дел.

УДК 159.923

А.А. Урбанович

ТЕОРИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КАК НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Теория индивидуальной управленческой концепции (ИУК) появилась в конце 70-х гг. прошлого века в Академии Министерства внутренних дел СССР благодаря активным исследовательским усилиям известного советского ученого А.И. Китова и его учеников. Введенный им в научный оборот термин «индивидуальная управленческая концепция» определялся как способ понимания и трактовки проблем управления; основная точка зрения и руководящая идея для освещения проблем

управления; ведущий замысел, принцип управленческой деятельности. Тем самым было заявлено новое для психологической науки понятие.

Интенсивное развитие теории ИУК пришлось 70–80-е гг. прошлого века. Работы этих и ряда других авторов позволили системно рассмотреть процесс формирования ИУК и ее содержательные компоненты. Такие авторы, как А.И. Китов (1979), М.К. Ардавов (1979), Е.П. Клубов (1985), изучая феномен ИУК, уделили преимущественное внимание исследованию сущности и особенностей ИУК руководителя органа внутренних дел. В 1980-е гг. в Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР усилиями таких исследователей, как А.И. Китов (1980), С.М. Белозеров (1985), В.В. Скворцов (1987) и др., исследования ИУК были продолжены. Постепенно термин «индивидуальная управленческая концепция» становится расхожим и встречается в различных источниках и исследованиях. Начинается своеобразная «экспансия» понятия в различные сферы управленческой деятельности и отрасли научного знания.

Вместе с тем в свете развернувшихся «перестроечных» процессов интерес к теории ИУК заметно ослаб. На наш взгляд, это могло быть связано с отказом от определенных управленческих традиций. Традиционный подход, предусматривающий теоретическое обоснование направлений развития любой организации и основанный на сложившейся ИУК конкретного руководителя, постепенно заменялся сомнительным «деланием истории» без выверенных ориентиров. О какой ИУК могла идти речь, если ключевым тезисом М.С. Горбачева стало утверждение, что все определит «живое творчество народа» (себя, естественно, он видел во главе этого процесса)? Сложный период 1980–1990-х гг. доказал особую актуальность и востребованность наличия у руководителей разного уровня выверенной и гармоничной ИУК. С другой стороны, было убедительно доказано, что в основе как управленческих успехов, так и неудач, лежат качественные характеристики той или иной ИУК.

Пробуждение интереса к идее ИУК происходит в XXI в. Начинается период интенсификации исследований ИУК. Изучение концепции идет вширь и вглубь (исследуется ИУК руководителей разного уровня и разных отраслей деятельности). Краткий анализ диссертационных исследований позволяет увидеть достаточно широкий спектр мнений относительно ИУК как исходной ориентационной позиции, позволяющей руководителю выстраивать предстоящую деятельность, причем данное понятие часто рассматривается чрезмерно расширительно, предусматривая не только индивидуальные подходы руководителя, но и групповое видение проблем дальнейшего развития организации. Среди различных синонимических понятий встречаются организационно-

управленческая концепция (В.П. Викулова, 2004), лидерская управленческая концепция (И.П. Бирюкова, 2006), социально-психологическая концепция оптимальной деятельности современного руководителя (А.В. Тарасенко, 2009), акмеологическая концепция оптимальной управленческой деятельности (Л.Г. Лаптев, 1995), управленческая концепция кадрового менеджмента (Н.С. Кушникова, 2005), индивидуальная система управления (А.С. Петелин, 1998) и др. По нашему мнению, при анализе концепции следует делать акцент на словах «индивидуальная управленческая», как ключевых для понимания сути рассматриваемого понятия.

Востребованность такого рода исследований объясняется действием ряда факторов:

возросшее значение управления как средства решения назревших (и «перезревших») проблем;

интернационализация управления как сферы деятельности. Посредством издания огромного количества работ по управлению, обобщения управленческого опыта разных стран управленческая мудрость все более становится достоянием всех, кто в ней нуждается;

практическая направленность современного развития науки управления. Управленческая мысль все больше обращается к здравому смыслу, простым истинам, хорошо усваиваемым рецептам;

ориентация на количественное увеличение, многослойность управленческого аппарата, усиление дифференциации управленческого труда;

усиление технической оснащенности и технологического усложнения управленческого труда;

ориентация на Человека как на наивысшую ценность всего процесса управления. В центре современных концепций управления находится Человек, который рассматривается как наивысшая ценность для организации.

Действие обозначенных факторов сказалось на динамике исследования ИУК. Прошедшие годы исследования ИУК позволяют подвести некоторые итоги и обозначить перспективы его дальнейшего развития.

1. Если первоначально ИУК видится как способ понимания управления и ведущий замысел управленческой деятельности конкретного руководителя (по А.И. Китову), то в последующие годы наметился явный тренд в сторону оценки концепции в качестве системы или системного образования. Однако у исследователей имеются определенные различия относительно содержательного наполнения системы. Большинство из них считают, что это система представлений (представлений и суждений).

2. Исследования выявили разную степень обобщения и детализации структурных компонентов концепции: если в начале процесса исследования проблемы авторами указывались лишь цели, задачи, условия управленческой деятельности (С.М. Белозеров, В.В. Скворцов, А.В. Карпов и др.), то в настоящее время концепцию понимают как цельную программу индивидуальных планов, замыслов и действий конкретного руководителя (В.И. Черненилов, Е.И. Кудрявцева, Ю.Д. Красовский и др.). Ряд авторов (Е.И. Кудрявцева, Ю.Д. Красовский) посчитали возможным вернуться к потенциалу первоначальной идеи А.И. Китова о ведущем замысле управленческой деятельности: активно используются такие сходные понятия, как «смысл управления», «стратегический замысел» и др.

3. В целом большинство исследователей включают в понятие ИУК следующие смысловые блоки:

субъект управления (руководитель и его личностные характеристики);
средства управления (приемы, средства, формы, методы, пути и др.);
главное направление приложения управленческих усилий (указываются либо цели, задачи и условия предстоящей управленческой деятельности, либо подчиненные, выступающие персоналом, объектом управленческой деятельности и др.);

детерминирующая основа данного феномена (индивидуальный жизненный и профессиональный опыт руководителя).

Представления, образующие ИУК, характеризуются системностью охвата всех составляющих системы управления, содержанием, степенью ясности, убежденности, согласованности (в отличие от противоречивости), регулятивной значимости (в отличие от формального усвоения).

4. В качестве отправных моментов дальнейшего исследования проблемы следует подчеркнуть, что ИУК выступает как важнейший компонент управленческого потенциала руководителя; раскрывает личностный смысл деятельности руководителя; предстает как результат рефлексивных процессов в сознании руководителя, происходящих под влиянием динамичных изменений как внутренней, так и внешней среды; носит разный уровень осознания; воплощается в стиле управления; реализуется в текущей управленческой деятельности; постоянно проверяется и уточняется ее результатами. При этом особое значение приобретают критические (пиковые) управленческие ситуации.

Таким образом, процесс появления и развития теории ИУК демонстрирует актуальность дальнейшего исследования концепции, при опоре на достижения советской психологической школы.

**ГРАЖДАНСКОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ
БЕЛАРУСИ И РОССИИ**

Нынешние вызовы времени объективно обуславливают потребность в активизации формирования патриотического мировоззрения у студенческой молодежи, обращении к традициям советского времени в части восстановления теоретических и методологических основ воспитания данной социальной группы в целях развития интеллектуального потенциала нации. Эти проблемы присущи практически всем национальным системам образования на территории постсоветского пространства. Общеизвестно, что без возможности объективно оценивать исторические и современные события, происшедшие в своей стране и мире, в целом, сегодня невозможно самостоятельно выработать фундаментальные принципы и способы деятельности и поведения личности. Предпосылкой формирования гуманистических ценностей у студенческой молодежи может стать усвоение ими основ научных знаний посредством изучения учебных дисциплин социально-гуманитарного цикла.

На современном этапе своего развития интеграционные отношения Беларуси и России базируются на общем культурном, экономическом и социально-политическом пространстве, что обусловлено наличием цивилизационной близости, основанной на общности истории и культуры белорусского и русского народов. Российская Федерация и Республика Беларусь, являясь стратегическими партнерами, осуществляют широкое многовекторное сотрудничество. В современных условиях глобализации интеграционные процессы затрагивают основные сферы жизни общества, одной из них является сфера образования, сотрудничество в области которой стало одним из приоритетных направлений образовательной политики государств, позволяющих приобщаться к сложившемуся за годы многолетнего белорусско-российского сотрудничества опыту.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании «международное сотрудничество в области образования осуществляется на принципах независимости, равенства, обоюдной выгоды, взаимного уважения в соответствии с законодательством и не должно наносить ущерба суверенитету Республики Беларусь, национальной безопасности и интересам личности, общества и государства». Вместе с тем тра-

диционно в образовательных системах Беларуси и России наличествуют общие подходы, выработанные многолетним опытом, что целиком относится и к сложившимся традициям гражданского и патриотического воспитания студенческой молодежи.

Принимать участие в строительстве сильного государства и здорового общества способен исключительно человек, ощущающий себя гражданином своей страны, обладающий соответствующим мироощущением и осознающий сопричастность к своему народу. По мнению И.Н. Тащян, способность сопоставлять и анализировать социально-политические события, готовность вносить вклад в развитие государства и гражданского общества присуща «только человеку, воспитанному в духе гражданственности». Для реализации поставленной цели в национальных образовательных системах Беларуси и России осуществляется целенаправленная и скоординированная деятельность учреждений системы образования, а также государственных учреждений и общественных объединений. Данная деятельность обеспечивает выполнение таких задач, как воспитание у студенческой молодежи уважения к защитникам Отечества, основанного на примерах героической истории белорусского и русского народов; развитие уважения к национальному наследию, традициям, обычаям, культуре и направлена на формирование морально-психологической и физической готовности студенческой молодежи к выполнению конституционной обязанности по защите своего Отечества.

В своем обращении к пятому Всебелорусскому народному собранию Глава белорусского государства обозначил: «Мотивированная, образованная, активная молодежь – это, по сути, стратегический ресурс развития страны. Ведь от того, какую смену мы воспитаем, насколько подготовим к самостоятельной жизни, зависит будущее государства, прогресс или деградация общества». Поэтому главной стратегической целью белорусской и российской образовательных систем в настоящее время является необходимость воспитания гражданина-патриота, обладающего высокой нравственностью и осознающего значение патриотических ценностей, заключающихся в установлении и укреплении начал общности, единства и консолидации общественных и государственных интересов.

В целом в образовательных системах Беларуси и России сегодня созданы условия для организационного, информационного, научного и методического обеспечения гражданского и патриотического воспитания студенческой молодежи. Важную роль в формировании качеств гражданственности студенческой молодежи, ее мировоззрения и нрав-

ственного облика, общественной активности играет образовательный процесс. При этом главная роль в формировании активного гражданина в высшей школе отводится социально-гуманитарным дисциплинам, прежде всего историческим и историко-правовым, посредством которых осуществляется процесс формирования социально и политически активной личности в современном государстве. Данный процесс осуществляется за счет обеспечения системного усвоения и формирования точных представлений о хронологической последовательности в развитии отечественной государственности при усвоении данных учебных дисциплин, исторических условиях и особенностях эволюции национальных государств, выявлении сущности важнейших исторических событий, особенностей в развитии национальных правовых систем, функционировании государственных органов власти, судебных учреждений, развитии национального законодательства на отдельных этапах исторического развития и пр. и, как результат – развитие наиболее адекватного правового сознания граждан. Роль преподавателя при обеспечении образовательного процесса по этим дисциплинам заключается и в том, чтобы в условиях открытого политического пространства для студенческой молодежи не только организовать образовательный процесс в полном соответствии с образовательными стандартами, но и выполнять роль модератора, преломляя данные стандарты с демократическими принципами социально-правового устройства национального государства.

В целом совершенствование отмеченного направления в образовательной сфере станет залогом стабильности успешных интеграционных процессов, поскольку социализирующая функция образования оказывает непосредственное влияние на идеологические, нравственные и профессиональные установки студенческой молодежи и, как результат, формирует представления об эффективных моделях управления национальным государством. В этой связи важен выбор стратегического партнера для успешного сотрудничества в образовательной среде. Права В.В. Комлева, отметившая, что «стратегическое партнерство Беларуси и России и развитие партнерства требует формирования общих подходов к подготовке профессиональных кадров, принимающих решения в разных сферах российско-белорусского сотрудничества».

Полагаем, что восприятие и осознание, с одной стороны, геокультурной общности и, одновременно, уникальности возможно исключительно в условиях осознанного понимания общественных систем и общественных отношений, формируемых на основе сложившегося мировоззрения и нравственных установок. Развитие белорусско-российского образовательного пространства в указанном направлении является глав-

ным фактором укрепления взаимного доверия, успешности интеграционных проектов, их адекватного восприятия общественным мнением, активизации интеграционных отношений в перспективе, направленных на реализацию главной цели функционирования высшей школы – формирование нравственно полноценного гражданина, обладающего общественным сознанием и гражданской позицией.

УДК 32:141

Д.В. Щербик

АВТОРЫ И ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В БССР (1921–1991 ГГ.)

Современная юридическая наука Республики Беларусь сохраняет тесные преемственные связи с советской юридической наукой. Изучение политической и правовой мысли, сформированной на данном этапе, позволяет углубить представления о процессе формирования белорусского народа, влияния на него особенностей советского периода формирования белорусской государственности.

Основными темами политической мысли на начальном этапе становления белорусской советской государственности были: проблематика построения белорусской советской государственности, в том числе объединения в ее рамках белорусских земель, особенностей советских преобразований в БССР, вопросы развития национальной культуры. Значительный вклад в данном направлении сделали А.Г. Червяков, В.М. Игнатовский, Д.Ф. Жилунович, Д.Ф. Прищепов, Г.Е. Паречин и др. В своих произведениях, публицистике, выступлениях они стремились объединить вопросы национального возрождения и построения белорусской советской государственности с идеями социалистической революции и борьбы трудящихся за свои права.

В данный период получает развитие политическая наука (в рамках марксистской философии). В 1920–1930-е гг. основной проблематикой марксистской политической мысли Беларуси были теория революции, государства, диктатуры пролетариата (В.Г. Кнорин, В.И. Пучков, С.З. Каценбоген, Н.Т. Козырев, Н.А. Шаповалов), авторы критиковали представителей иных партий, в том числе социалистических, внутрипартийную оппозицию. Ряд работ были посвящены критике теорий государства Г. Кельзена, Ф. Ленца, Г. Султана, а также взглядов Ф. Лассалья, К. Каутского, В.М. Чернова, О. Бауэра и др. (С.Я. Вольфсон, Р.М. Выдра, И.В. Герчиков и др.).

С.Я. Вольфсон, И.М. Ильюшин, М.Е. Равич-Черкасский в духе марксизма занимались разработкой вопросов пролетарского интернационализма в национально-колониальном вопросе. Их деятельность привела к критике и свертыванию политики белоруссизации, обосновала борьбу с «национал-демократизмом», пресекло разработку вопросов истории политико-правовой мысли Беларуси в период Ренессанса и др.

В период правления И.В. Сталина проблематика борьбы с отступлениями от сталинской линии в партии (борьба с нацдемовщиной, внутрипартийная борьба с фракционностью, левыми и правыми уклонистами) стали основными темами марксистской политической философии Беларуси. Одновременно марксисты Беларуси активно критиковали современные им западные политические теории: фашизм и национализм (С.Я. Вольфсон), реформизм и ревизионизм (З.У. Докторов, И.М. Ильюшин, А.С. Карлюк, П.Д. Пузииков и др.), неотомизм (П.М. Кирюшин), космополитизм и расизм (И.М. Ильюшин, И.В. Гуроров, И.Н. Лушицкий и др.). Сущность социалистического государства, роль в его политической системе Советов депутатов трудящихся, а равно роль комсомола, профсоюзов и кооперации были в центре внимания таких авторов, как Л.А. Рудницкий, В.Н. Перцев, С.Е. Топаз. В послевоенный период теории много внимания уделяли вопросам морально-политического единства советского общества, советского патриотизма, дружбы народов (И.В. Козловский, Д.П. Радюк).

В 1960-х гг. в СССР начался процесс постепенного выделения и институционализации политической науки. Так, была создана Советская ассоциация политических наук (САПН), через которую осуществлялись определенные контакты с Международной ассоциацией политической науки.

В 1960–1970-е гг. основной проблематикой общественно-политической мысли белорусских авторов стали построение коммунистического общества (ряд коллективных монографий 1963, 1965, 1966 гг., А.М. Павлюченко, Г.И. Пивцайкин и др.), развитие белорусской социалистической нации и сотрудничество наций в социалистическом обществе (Д.П. Радюк, И.М. Ильюшин), вопросы войны и мира, мировой социалистической системы и международного коммунистического движения (Н.Ф. Колбенков, В.М. Сикорский, Ю.М. Манин, Ф.Н. Пешкин, В.И. Горбач, Н.И. Робаков и др.), продолжался критический анализ буржуазной, реформистской и ревизионистской идеологий (И.И. Антонович, К.П. Буслов, Е.М. Бобосов, В.И. Степанов, Г.П. Давидюк, Л.Ф. Евменов, А.С. Круковский и др.).

В советский период произошло обращение и к изучению истории политической мысли Беларуси, в особенности периодов Ренессанса, фор-

мирования революционно-демократического движения в XIX в., развития марксизма на территории Беларуси. К наиболее известным авторам данного направления можно отнести: в 1920–1930-е гг. философской и общественно политической мыслью эпохи Возрождения занимались Г.Е. Паречин, В.М. Игнатовский, В.Д. Дружичи и др., в 1950-е гг. исследовали распространение революционно-демократического направления в политической мысли Беларуси, а также марксизма – И.М. Ильюшин, И.Н. Лущицкий, И.И. Казеко, О.И. Ефремова, К.П. Буслов, А.Ф. Смирнов; в 1960-е гг. развитие марксизма в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды изучали В.И. Солошенко, Н.С. Купчин, О.И. Ефремова, Н.В. Рожин, И.С. Чимбург и др.; в 1970–1980-е гг. историю свободомыслия и атеизма рассматривали А.С. Майхрович, Е.С. Прокошина, философскую и общественно-политическую мысль Возрождения и Реформации – С.А. Подокшин, Я.И. Порецкий, М.Б. Ботвинник, С.Ф. Сокол, философскую и общественно-политическую мысль XIX в. – Н.Н. Мохнач, идеологию революционного народничества – М.И. Иосько, С.М. Самбук.

Следует отметить, что наряду с официальной общественно-политической мыслью в послевоенный период получает развитие диссидентское движение, которое на территории Беларуси приобретало форму художественного переосмысления отдельных этапов строительства Советского государства, государственной политики и общественной действительности (творчество В.В. Быкова, И.П. Чигринова, А.Н. Кулаковского, Н.С. Гилевича, В.Е. Тараса и др.), а также критики политики русификации (А. Кавко).

Таким образом, развитие политической науки в БССР проходило в рамках парадигмы марксистской философии, она отвечала на те задачи, которые перед ней ставило Советское государство. К ее достижениям можно отнести разработку проблем белорусской советской государственности, дружбы народов, роли Советов и общественных организаций в развитии государства и общества, обращение к отдельным этапам истории белорусского народа и его политической и юридической мысли.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананич Валерий Антонович – профессор кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор исторических наук, профессор.

Боровая Елена Владимировна – заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Вениосов Александр Владимирович – профессор кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Вишневская Татьяна Игоревна – старший преподаватель кафедры правовых дисциплин учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Волков Владимир Александрович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Володькин Олег Витальевич – оперуполномоченный оперативно-угольного отдела учреждения «Следственный изолятор № 3» управления ДИН МВД Республики Беларусь по Гомельской области.

Гоев Александр Владимирович – доцент кафедры гражданского и трудового права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат сельскохозяйственных наук.

Григорьев Александр Владимирович – доцент кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Григорьева Елена Николаевна – доцент кафедры бухгалтерского учета, экономики и права ИПК и ПЭК учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

Гронский Александр Дмитриевич – ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, кандидат исторических наук, доцент.

Данилов Виктор Азариевич – доцент кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

Дубрава Надежда Михайловна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Есько Александр Владимирович – оперуполномоченный отделения по борьбе с экономическими преступлениями отдела внутренних дел Пинского горисполкома.

Иванцова Александра Игоревна – адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Кащеев Андрей Владимирович – ученый секретарь ученого совета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук.

Козел Александр Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат философских наук, доцент.

Король Сергей Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Кравец Владислав Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Лапанович Сергей Федорович – доцент кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

Лемешевский Олег Олегович – старший преподаватель кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь».

Луговский Сергей Григорьевич – доцент кафедры конституционного и международного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Лычковский Денис Николаевич – заместитель начальника курса факультета криминальной милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Мазур Елизавета Михайловна – студентка Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Матарас Валентин Никифорович – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мурашко Александр Иванович – заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

Павленко Денис Алексеевич – начальник отдела воспитательной работы со спецконтингентом в исправительных учреждениях, следственных изоляторах и лечебно-трудовых профилакториях управления организации исправительного процесса ДИН МВД Республики Беларусь.

Павлов Вадим Иванович – докторант научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Паращенко Виктор Владимирович – доцент кафедры гражданского и трудового права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Пашкев Михаил Александрович – начальник кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Пенкрат Валентин Ильич – профессор кафедры гражданского и трудового права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Плоскунов Денис Владимирович – прокурор отдела прокуратуры Витебской области.

Реутская Елена Александровна – доцент кафедры уголовного права, учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Савчук Татьяна Анатольевна – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Семенова Светлана Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

Сороковик Иван Александрович – доцент кафедры социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

Стабровский Егор Игоревич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сувалов Олег Николаевич – доцент кафедры философии и идеологической работы учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

Тарасов Павел Анатольевич – адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Тарлецкий Павел Владимирович – начальник Логойского отдела Департамента охраны Министерства внутренних дел.

Тимошенко Андрей Александрович – старший инспектор отделения архивной информации оперативно-справочного отдела информационного центра МВД Республики Беларусь.

Урбанович Алексей Аркадьевич – профессор кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

Шабуневич Светлана Николаевна – заведующий кафедрой социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Щербик Дмитрий Васильевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Ананич В.А. Условия и факторы необходимости создания единого союзного государства – СССР	5
Боровая Е.В. Правовое регулирование алиментных правоотношений в советское время	8
Вениосов А.В. Роль В.И. Ленина в образовании СССР	12
Вишневская Т.И. Ретроспективный анализ развития правовых норм, связанных с геронтологической преступностью, в советском и современном уголовном законодательстве Беларуси	15
Волков В.А. Идеи о правовом регулировании общественных отношений в исследованиях советских ученых	19
Володькин О.В., Григорьев А.В. Особенности осуществления воспитательного процесса с несовершеннолетними лицами, содержащимися в учреждениях следственных изоляторов Республики Беларусь	22
Гоев А.В. Развитие норм института права собственности в гражданском законодательстве в эпоху СССР	24
Григорьев А.В. Учение о гражданском обществе в советский и современный периоды развития юридической науки	27
Григорьева Е.Н. Преемственность правового регулирования общественных отношений в сфере борьбы с коррупцией	31
Гронский А.Д. Историческая память о советском прошлом в украинских реалиях после 2014 г.	34
Данилов В.А. Сталин vs Ленин и судьба федерации	39
Дубрава Н.М. Теория толкования права в советской юридической науке	43
Есько А.В. Основные направления совершенствования деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь, осуществляющих борьбу с экономической преступностью и коррупцией	47
Иванцова А.И. Правовое регулирование установления особых правовых режимов в СССР	50
Кащеев А.В. Пути формирования научного кадрового потенциала учреждений высшего образования системы МВД СССР (на примере Минской высшей школы МВД СССР)	55
Козел А.А. Планирование социально-экономического развития на промышленном предприятии в 1976–1980 гг. (на примере Минского тракторного завода)	57
Король С.В. Правовая регламентация гласного содействия граждан правоохранительным органам в Советском государстве с 1917 по 1941 г.	61
Кравец В.В. Отдельные аспекты развития законодательства о противодействии экстремизму в Республике Беларусь	64
Лапановіч С.Ф. Удзел ССРБ-БССР у стварэнні СССР і Канстытуцыі СССР 1924 г.	67

<i>Лемешевский О.О.</i> О некоторых вопросах развития советского права	76
<i>Луговский С.Г.</i> Ретроспективный анализ нормативного правового регулирования охранной деятельности на белорусских землях в советский период	78
<i>Лычковский Д.Н.</i> Регламентация и гарантия права на неприкосновенность личности в конституциях 1919, 1927, 1937 и 1978 гг.	83
<i>Мазур Е.М.</i> Институт наказания в уголовном праве Советского государства в 1940–1950 гг.	85
<i>Матарас В.Н.</i> Формальные и латентные нормы в трансформации правовой системы	87
<i>Мурашко А.И.</i> Кадровое обеспечение органов милиции Советского государства в годы Великой Отечественной войны	93
<i>Павленко Д.А.</i> Историко-правовой анализ возникновения и развития института ограничения свободы как самостоятельного вида наказания	97
<i>Павлов В.И., Стабровский Е.И.</i> История развития учения о правовом сознании в советской юридической науке	102
<i>Паращенко В.В.</i> Нормативные правовые акты советской власти (20-е гг. XX в.) в области хозяйственного права как предпосылка формирования инвестиционного законодательства	106
<i>Пашикев М.А., Кащеев А.В.</i> Становление органов советской милиции на территории Беларуси в отражении современной белорусской историографии	109
<i>Пенкрат В.И.</i> Генезис семейного законодательства Республики Беларусь	113
<i>Плоскунов Д.В.</i> Развитие компетенции прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях в Белорусской ССР в 1920-х – 1950-х гг.	117
<i>Реутская Е.А.</i> Влияние советской уголовно-правовой системы на формирование норм об освобождении от уголовной ответственности	122
<i>Савчук Т.А.</i> Уголовно-процессуальная политика Беларуси: исторический экскурс	124
<i>Семенова С.А.</i> Деятельность уголовного розыска БССР в 1920-е гг.	129
<i>Сороковик И.А.</i> Взгляды И. Сталина и Х. Раковского на форму строительства Советского государства	133
<i>Сувалов О.Н.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне в современной идеологии белорусского государства	138
<i>Тарасов П.А.</i> Нераскрытая информация в гражданском законодательстве СССР и Республики Беларусь	141
<i>Тарлецкий П.В.</i> Преемственность в развитии правового регулирования охранной деятельности в Республике Беларусь	143
<i>Тимошенко А.А.</i> Реформирование Министерства внутренних дел БССР в период «хрущевской оттепели»	148
<i>Урбанович А.А.</i> Теория индивидуальной управленческой концепции как наследие советской психологической школы	151

<i>Шабуневич С.Н.</i> Гражданское и патриотическое воспитание студенческой молодежи в национальных системах образования Беларуси и России.....	155
<i>Щербик Д.В.</i> Авторы и основная проблематика политической мысли в БССР (1921–1991 гг.)	158
Сведения об авторах	161

Научное издание

**СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА,
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
КАК ФЕНОМЕНЫ ЭПОХИ МОДЕРНА:
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

Материалы
республиканской научно-практической конференции
(Минск, 30 декабря 2022 г.)

Технический редактор *А.В. Мозалевская*
Корректор *М.С. Прушак*

Подписано в печать 06.10.2023. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 9.77. Уч.-изд. л. 9.89.
Тираж 30 экз. Заказ 215.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.